PG
2013
A65
1.101
1926-28

\sbornik./

СБОРНИК
ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ АКАДЕМИИ НАУК СССР.
Том CI. № 1

Akademiia nauk SSSR. Otdelenie russkogo iazyka i slovenosti//

Е. Ф. КАРСКИЙ

ОЧЕРК НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРЕДЕЛАХ СССР

ЛЕНИНГРАД
1926

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР.
Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург.*

Апрель 1926 г.

Издательство Академии Наук СССР.

Начато набором в декабре 1925 г. — Окончено печатанием в апреле 1926 г.

Ленинградский Гублит № 9352. 7 печ. л. Тираж 650 экз.
Государственная типография имени Ивана Федорова, Ленинград, Звенигородская, 11

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

«Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» был написан автором для предположенного, но не состоявшегося академического издания «Русская наука», в котором было отпущено для русского языка только четыре листа. Этим объясняется слишком сжатое изложение в настоящей работе. Полагая, что и в таком виде «Очерк» может быть полезен для лиц, оставляемых при университетах для приготовления к профессорскому званию, а также вообще для слушателей славянской филологии и русского языка в высших учебных заведениях, автор решился напечатать ее, тем более, что обширнейшая диссертация С. К. Булича рассматривает историю языкознания в России только до 1825 г., после чего уже прошло сто лет, а статья А. А. Котляревского «Об изучении др.-р. письменности» доводит обзор изучения только до конца 70-х годов XIX ст. Кроме того, указанных и им подобных обзоров не имеется и в продаже.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАН.

Общая характеристика изучения русского языка в разное время . . . . . 1— 2

Древнейший период . . . . . 2— 7

Связь древнерусского литературного языка со старославянским (2). Вопрос о происхождении последнего и об изобретении письмен у старых писателей (ib.). Азбуковники (4). Школьные грамматики и словари XVI—XVII в.: Ἀδελφότης, грамматика Л. Зизания (ib.), словарь П. Берынды (5). Грамматика М. Смотрицкого (ib.). Труды Ю. Крижанича (6). Словарные работы Е. Славинецкого (ib.).

Время после Петра I: насаждение наук в России с учреждением Академии Наук . . . . . 7—13

Труды В. К. Тредьяковского (7) и Сумарокова (8). Грамматики А. Шлецера (9) и В. Е. Адодурова (ib.). Российская грамматика М. В. Ломоносова (10). А. А. Барсов (12). Словарь П. А. Алексеева (13).

Конец XVIII и начало XIX в. . . . . . 13—20

Деятельность Российской Академии (13). А. С. Шишков (ib.). Зарождение палеографических изучений: А. Оленин (15), труды Евгения Болховитинова (16), М. Т. Каченовского (ib.). Виды русск. глагола в грамматике А. В. Таппе (ib.). И. Ф. Тимковский (17). Общество любителей российской словесности (18).

Научная разработка русского языка становится на твердую почву . . . . . 20—29

Деятельность А. Х. Востокова (20). Отражение научных достижений в школьных грамматиках: Н. И. Греч (24). Н. Полевой (ib.). Румянцовский кружок. Палеографические занятия К. Ф. Калайдовича (25). Словари (26). Начало скопления материалов по русской диалектологии (27). П. И. Кеппен (ib.).

СТРАН.

Зарождение сравнительного изучения языка с попытками уклона в историю языка и отчасти в диалектологию . . . . . 29—41

Н. И. Надеждин (29). Г. Павский (30). Ф. Шимкевич (31). М. А. Максимович (ib.) и его спор с М. П. Погодиным (33). Заслуги Ф. И. Буслаева по языку и палеографии (34). П. С. Билярский (38). К. С. Аксаков (39). М. Н. Катков (41).

Решительный поворот в пользу исторического изучения русск. языка . . . . . 42—53

Труды И. И. Срезневского (42). А. С. Будилович (44). П. А. Лавровский (ib.). Словарные работы этого времени: В. И. Даль (46), областные словари (48), слова иностранные в русском языке (ib.). Языковед-философ А. А. Потебня (49). „Филологические записки" (52). П. И. Житецкий (ib.), А. В. Попов (53).

Попытки написания истории русского языка или отдельных его областей. Подготовка нужных материалов . . . . . 53—68

М. А. Колосов (53). „Русский Филологический Вестник" (58). П. В. Владимиров (ib.). А. А. Котляревский (59). Работы по истории русского языка А. И. Соболевского (59). А. Е. Крымский (65). И. В. Ягич (ib.). Р. Ф. Брандт (67). Н. М. Каринский (ib.). Л. Л. Васильев (68).

Лингвистическое изучение русск. языка, больше литературного, параллельно с историческим . . . . . 68—73

И. А. Бодуэн-де-Куртенэ и его школа (68). В. А. Богородицкий (69). С. К. Булич (70). Л. В. Щерба (ib.). Особое место Я. К. Грота (71).

Стремление к всестороннему изучению русского языка в выдвинутых раньше отношениях с усилением диалектологич. знакомства с ним . . . . . 73—100

Е. Ф. Карский (73). Представители Фортунатовской школы—А. А. Шахматов (77). Б. М. Ляпунов (87). Е. Ф. Будде (88). Н. Н. Дурново (ib.). Д. К. Зеленин—введение этнограф. элемента (90). О. Брок—тонкое изучение фонетич. черт (91). Рад. Кошутич (ib.). С. П. Обнорский (ib.). В. В. Виноградов (92). А. И. Томсон (ib.). Г. А. Ильинский (ib.). М. Р. Фасмер (93), С. М. Кульбакин (ib.). А. М. Селищев (ib.). М. Г. Долобко (ib.). Д. В. Бубрих (ib.). Новые работы по малорусскому (украинскому) языку: Е. Тимченко (94). Б. Гринченко (ib.). Г. Голоскевич (ib.). Е. Курило (ib.). В. Ганцов (ib.). И. Огиенко (95). П. Бузук (ib.). К. Німчинов (ib.). Новые работы по белорусскому языку: П. Расторгуев (95). Волк-Левонович. С. Некрашевич (ib.). Составление этимологического словаря русского языка.

СТРАН.

А. Преображенский (96). М. Михельсон (ib.). Н. Смирнов (ib.). Работы последнего времени по палеографии: В. Н. Щепкин (96). Н. П. Лихачев (97) и др. Работы по русск. синтаксису: Д. Н. Овсянико-Куликовский (97). А. М. Пешковский (98). Е. С. Истрина (ib.).

Что предстоит сделать по научной разработке русского языка. 99—100
Из литературы предмета 100
Указатель авторов . . . . . 101—103

Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР.

Наш отечественный язык рано подвергся научному изучению и разработке. Сначала пытливого читателя и трудолюбивого списателя книжного интересовали вопросы орфографии и стиля; потом нарождающихся ученых, кроме вопросов правописания, занимали состав языка и его грамматический строй, речь мерная и простая. Когда эти вопросы, так сказать, первой необходимости были в некоторой степени удовлетворены, и литературный язык более или менее прочно установился, наши первые ученые стали подготовлять материал для возведения здания истории русского языка. Их занятия шли в двух направлениях: изучались и описывались с палеографической и лингвистической стороны древние русские памятники и их прототипы старославянские; самые выдающиеся из них издавались по возможности точно с очерками их языка; с другой стороны подготовлялись для изучения живые материалы, взятые из уст народа: исследовалась народная речь, давшая затем обильный материал для русской диалектологии. Изучение тех и других памятников и их издание постепенно совершенствовалось и углублялось посредством сравнения явлений русского языка с подобными явлениями у других славян; строились даже праславянские формы, а иногда праиндоевропейские; вводились в дело новые области, например, синтаксис, при чем на освещении фактов последнего, как и вообще на лингвистическом изучении русского языка отражались разные теории, господствовавшие в соответствовавшее время в языковедении на Западе. Последние стадии изучения рус-

ского языка закончились попытками построения истории языка. Таковы главные этапы в нашей науке. Сначала изучается русский литературный язык древний и новый; затем на изучении старинных памятников русского литературного языка устанавливаются особенности народных говоров древнерусского языка; разрабатывается и современная диалектология; полагаются основы развитию русской и вообще славянской кирилловской палеографии; попутно совершенствуется и канонизуется орфография; завершением всего является история русского языка вообще и главных его наречий в частности. Отмеченные эпохи постепенно переходят одна в другую, достигая наивысшего развития при известных ученых деятелях, но зарождение характеризующих их признаков и направлений часто коренится в очень ранних попытках научного изучения родной речи или старинных памятников; равным образом результаты прежних исследований нередко проверяются и в наши дни, давая под новым углом зрения и при других методах часто неожиданно ценные результаты.

В основе древнерусского литературного языка лежит церковнославянский, распространившийся у нас вместе с принятием христианства и церковными книгами. Он постепенно впитывал в себя русские элементы, но лишь после Ломоносова окончательно уступил преобладающее место русской стихии. Естественно поэтому, что научное — или лучше наукообразное — изучение литературного языка у нас на первых порах происходит на почве ц.-славянского или по крайней мере было неразрывно с ним.

Первые попытки изучения старославянского языка, носившие чисто подражательный характер, относятся к глубокой старине и естественно нашли отражение в дошедших до нашего времени рукописях; лишь в XIX — XX столетиях многие из относящихся сюда работ попали в печать. На Руси сначала распространялись списки таких статей югославянского происхождения, возникших больше в подражание византийским образцам. Они касались происхождения ц.-славянской азбуки, этнографической принадлежности того славянского племени, для которого она составлена, и отчасти правил самого языка.

Таковы места «Паннонских житий» Константина и Мефодия и нашей «Повести временных лет» о первоучителях славянских и изобретении азбуки; таково же сказание черноризца Храбра «О писменехъ», возникшее в подражание византийскому грамматику Псевдо-Феодосию, вероятно, в X веке, но дошедшее до нас в среднеболгарском списке XIV века и в русских списках XV — XVII веков (Ягич. «Рассуждения старины», 289 — 318, I т. Иссл. по русск. яз.).

Самым ранним источником грамматических рассуждений о славянском языке, сохранившихся до нас в рукописях XII в., является работа Иоанна, экзарха болгарского, о славянском языке и об его отличиях от греческого, помещенная в предисловии к его переводу богословия Иоанна Дамаскина (Ягич. «Рассуждения», 320 — 325). Одна из подобных статей «О восьми частях слова», составленная по поздним греческим источникам такого же содержания, например, Мосхопула, XIV в. где либо в Сербии и попадающаяся в рукописях, начиная с XV в., югославянских, а затем и русских (Ягич. Ib., 326 — 365), попала очень рано и в печать, это «Кграматыка словеньска изыка» (Вильна. 1586 г.). В ней впервые устанавливается славянская грамматическая терминология и разные грамматические категории (Ягич. Ib., 959—960).

Грамматическое сочинение Константина Костенческого XIV в. в извлечении также нашло распространение у нас; к нему обращались при решении разных орфографических недоумений, особенно касающихся надстрочных знаков, а также титл, написаний известных слов (Ягич. Ib., 366 — 581).

Несколько статей, относящихся главным образом к филологической критике текста, в XVI в. соединяются с именем Максима Грека, который в то время, да и после (в XVII в.) считался большим авторитетом по разным грамматическим вопросам. Много и других статей подобного же грамматического содержания попадается в рукописях XVI — XVII в., обыкновенно без имени авторов (об них у Ягича «Рассуждения старины» и Булича «Очерк», 152 — 154).

В подражание греческим грамматикам, а затем и латинской Доната в них ведутся рассуждения о надстрочных знаках, о правильном употреблении различных букв и чтении сокращений, о классификации гласных и согласных и о грамматическом анализе слов применительно к теориям о частях речи. На тех же источниках основывается и компилятивный труд некоего Евдокимища: «Книга глема простословия» XVI в., известная по рукописям и XVII в., где автором уже в криптограмме назван «Боголѣпъ» (Ягич. Ib. 912 — 949).

К XVI — XVII в. относится у нас и появление азбуковников или алфавитов иностранных слов и непонятных выражений, являющихся прототипом возникших затем словарей. Зарождение их впрочем можно видеть уже в некоторых переводных статьях Сборника Святослава 1073 г.

Школьные нужды конца XVI в. в Западной Руси заставили обратиться к развившемуся тогда здесь в значительной степени книгопечатанью и предать тиснению составленные по образцу греческих первые грамматики общелитературного тогда для Руси и югославян ц.-славянского языка. Кроме виленского издания 1586 г., о котором была речь выше, теперь явилась во Львове в 1591 г. «ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ. Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка», книжечка важная по установлению существующей до сих пор грамматической терминологии (см. Булич. «Очерк», 170 — 172). Вышедшая пять лет после (1596 г.) в Вильне «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания, также основанная на византийских рассуждениях о восьми частях слова, представляет попытку систематического изложения грамматики по тем схемам, какие употреблялись на Западе в сочинениях подобного рода. Тут идет речь об орфографии, просодии, синтаксисе и этимологии. К книге приложен и первый печатный словарик: «Лѣкис сирѣчъ реченія въкратцѣ собранны и из словенскаго языка на просты русскій діялект истолкованы». Здесь, кроме перевода слов, кое-где вводятся и пояснения энциклопедического характера. Словарик Зизания, содержащий в себе 1061 слово, послужил источником для рукописных азбуковников и словарей последующего времени,

а также для печатного «Лексикона славенороссказго» Памвы Берынды, изданного в Киеве в 1627 г. (2-ое изд. Кутеинского м-ря 1653 г.). Здесь уже довольно правильно разграничиваются ц.-славянские элементы от русскких, особенно от народных малорусских и белорусских слов; кое-где приводятся параллели и из других славянских языков. И словарь Берынды со-временем служил источником разных рукописных словарей, в роде напечатанного Житецким (в «Очерке литер. ист. малор. нар.»): «Синонима славенороссказя» (Булич. «Очерк», 166—170).

Все перечисленные сочинения однако оказали незначительное влияние на дальнейшее научное изучение русского языка. Несравненно выше их всех стоит «Грамматіки славенскиа правильноє сунтагма» Мелетия Смотрицкого, вышедшая в Евьи (близ Вильны) 1619 г. и затем несколько раз переизданная с разными изменениями и дополнениями, с именем автора и анонимно. Эта ц.-славянская грамматика вплоть до появления книги И. Добровского «Institutiones» [1]) была главным руководством для всех, стремящихся более или менее научно изучить ц.-славянский язык. Она же окончательно утвердила грамматическую терминологию и для последующих трудов по русскому языку. Отделы, по которым расположен грамматический материал, и в ней заимствованы из греческой грамматики (Ласкариса, изд. в Милане 1476 г.). В последующих изданиях книги, сделанных в Москве (например, 1648 г.), ц.-славянские формы заметно вытесняются русскими, как это наблюдалось и в тогдашнем русском литературном языке, хотя переделыватель книги и не допускал разницы между старославянским и русским языками. Ничего нового не вносят позднейшие грамматики, явившиеся как результат переделки и подражания книге Смотрицкого: виленское издание 1621 г. и Кременецкое 1638 г. Московские издания XVIII ст. подражают московской переделке 1648 г. (ср. Ягич. «Энцикл. Сл. Ф.» I, 31 — 32).

Говоря о работах, подготовивших научное исследование русского языка, нельзя пройти молчанием рукописных трудов

[1]) Ср. мою статью в „Известиях" ОРЯС РАН 1922, XXVII, 195 — 206.

одного из замечательнейших славянских деятелей XVII ст., заброшенных судьбой на Русь, — Юрия Крижанича. Его грамматические труды, писанные на особом им самим созданном славяно-русско-харватском языке, в свое время не попали в печать, а появились только в XIX ст. Это «Објасньење виводно о писмѣ словѣнскомъ» (с пометой 1661 г.) и «Грамати́чно изказа̂ње об ру́ском језѝку» (1666 г.). В них много ценных наблюдений над русским литературным и народным языками, а также над орфографией. Знаком он был и с грамматикой Смотрицкого. Он различал литературный русский язык — помесь греческого с древнерусским, общий подлинный разговорный язык великорусский и западнорусский — белорусский, смесь русского и польского языков. Эти суждения не ограничивались у него только общими фразами, но в словах их можно видеть и детальное знакомство с предметом; таково, например, замечание Крижанича о слишком мягком произношении белорусами *ть* и *дь*. Видно у него и знакомство с другими славянскими языками, лингвистический материал которых он везде старается привлекать для сравнений, когда пытается выработать свой общеславянский язык. Тонко он наблюдал и различие в ударениях у разных славян. К сожалению однако следует сказать, что работы Крижанича по языку в свое время не читались, так как были написаны на малопонятном языке, да и сам автор был удален от культурного общества; сами русские тогдашнего времени не были подготовлены к чтению подобных сочинений, отражавших в полной мере идеи, назревавшие в западной науке. Только в настоящее время оказалось возможным привлечь к научному исследованию некоторые данные, зарегистрированные Крижаничем (ср., например, работы Шахматова об ударении).

Для полноты характеристики научного ознакомления с языком в XVII в. (или по крайней мере подготовки этого изучения) следует еще упомянуть о деятельности Епифания Славинецкого, который, еще будучи в Киеве, в 1642 г. переделывал многоязычный словарь Калепина, а затем вместе с Арсением Корецким-Сатановским в Москве в 1650 г. переработал его вторично в «Dictionarium Latinoslavonicum».

И после Славинецкий составлял подобные словари, например: «Книга лѣксиконъ греко-славено-латинскій» по словарю Иоанна Скопулы. Около того же времени появились и другие лексиконы с переводами на ц.-славянский (русский литературный язык того времени) (Булич. «Очерк», 181 — 182).

Некоторая популяризация научных знаний по русскому языку, хотя и элементарных, производилась в то же время при посредстве букварей, в роде: «Наука ку читаню и розумѣню писма словенскаго» (Вильна 1596 г.), «Начальное ученье человѣкомъ, хотящимъ разумѣти божественнаго писания» Бурцева-Протопопова (1634 г.), «Букварь славено-россійскихъ письменъ» Кариона Истомина (1694 г.).

Таким образом к концу XVII в. для научного изучения русского литературного языка того времени и для знакомства с живою народной речью кое-что было сделано. Но все это еще представляло лишь зародыши науки, подражавшие тому, что на юге и западе Европы в это время получало довольно прочные основы. И эти зачатки науки появились в западной и югозападной Руси; в Москву они проникали больше случайно и пока не могли в ней прочно обосноваться. Лишь наступивший затем XVIII в. более или менее упрочил здесь эти знания (Булич. «Очерк», 184 — 190). Впрочем в самом начале этого столетия, в век Петра I, когда насаждались больше технические знания, по русскому литературному языку, кроме учебников Копиевича («Руководеніе въ грамматику славенороссійскую», 1706 г.), Поликарпова (1721 г.) и Максимова (1723 г.), представляющих переделку книги Смотрицкого, — ничего выдающегося не появлялось.

Живым духом науки повеяло в России по учреждении при преемниках Петра I Академии Наук. Насаждение настоящей науки в государстве отразилось и на сочинениях, касающихся русского языка. Хотя на первых порах этими вопросами занимались больше писатели, но и они уже при некотором общем подъеме знаний и при усиленном общении с Европой обнаруживают больше серьезного интереса к делу и больше самостоятельности мысли. Одним из ранних трудов этого рода было произведение В. К. Тредьяковского

«Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскимъ объ ортографіі старінной і новой» (1748 г.). Здесь автор обнаруживает порядочные познания по фонетике живой русъ ской речи и вообще проводит смелую по тогдашнему времени мысль о необходимости употреблять фонетическое письмо, писать «по звонам». В тогдашней русской азбуке он совершенно правильно отмечал некоторые лишние начертания и доказывал необходимость устранения их. Однако своих правильных теоретических рассуждений он не мог последовательно провести на практике. Тредьяковский ясно представлял себе разницу между ц.-славянским и русским языками (ср. его предисловие к сочинению: «Езда на остров любви») и знал, когда уместно употреблять тот и другой. Однако и здесь практика не соответствовала его теоретическим положениям. Подчеркивая непонятность и устарелость ц.-славянского языка, его жесткость для уха в обычной речи, он в своих стихотворениях и переводах допускал массу самых неуклюжих славянизмов. Правильно понимал он и теорию версификации и вообще вопросы метрики (ср. его «Способ к сложению российских стихов» 1735 г., «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» 1755 г.), устанавливая тоническую теорию русского стихосложения; во всеобщее употребление однако предложенная им система вошла лишь после появления прекрасных образцов, данных Ломоносовым. Филологические приемы Тредьяковского в его исторических исследованиях по своей курьезности ниже всякой критики, но не особенно отличаются от того, что в его время можно было встретить и в работах заурядных западно-европейских ученых (Булич. «Очерк», 204 — 209).

Соперник Тредьяковского Сумароков касался тех же вопросов, что и первый; в работе «О правописании» некоторые мысли его не потеряли своего значения и до сих пор, например, о различии букв и звуков, что́ тогда смешивалось. Он же правильно устанавливает в некоторых случаях влияние малорусских ученых и духовенства на литературное русское произношение. Грамматических вопросов и правописания Сумароков касается и в некоторых других своих работах. Но там,

где он занимается разными этимологиями («О происхождении российского народа», «О происхождении слова царь») он ничем не отличается от Тредьяковского в отношении нелепости взглядов и сопоставлений (ср. Булич. «Очерк», 210 — 212): лишь в очень редких случаях в приводимом мусоре можно заметить кое-что имеющее цену.

Внести научную струю в русскую грамматику с точки зрения языкосравнительной имел в виду А. Шлецер, в 1764 г. приступивший к печатанью на немецком языке русской грамматики. Отчет Ломоносова остановил печатанье этой книги, и лишь в 1875 г. она вышла в русском переводе (XIII т. «Сборника Отд. р. яз. и сл.»), а в немецком подлиннике: «Aug. Schlözer. Ruszische Sprachlehre. I — II» она напечатана С. К. Буличем только в 1904 г. В ней не мало интересных данных для суждения о русском произношении того времени, но все это имеет значение для нас теперь, а в свое время книга Шлецера была недоступна для тогдашних ученых и не могла оказать никакого влияния на распространение грамматических знаний среди русских и дальнейших исследований в подобном роде.

Первая русская грамматика явилась в XVIII ст. на немецком языке при изданном Академией Наук в 1731 г. словаре Вейсмана «Teutsch-Lateinisch und Ruszisches Lexicon. Нѣмецко-Латинскій и Рускій Лексиконъ купно съ первыми началами Рускаго языка». Здесь особой тетрадью приложено «Anfangs-Gründe der Ruszichen Sprache». Это приложение имеется и при издании словаря 1782 г. Имени составителя этой грамматики нигде не отмечено; по преданию она приписывается студенту В. Е. Адодурову. По заключению Ломоносова она «весьма несовершенная и во многих местах неисправная». При ближайшем рассмотрении она оказывается переделкой и сокращением грамматики Смотрицкого, примененной к русскому языку. Она больше подходит к типу школьных грамматик и научного значения не имеет.

Труд Адодурова таким образом явился первой русской грамматикой, но он был далек от совершенства, а главное — написан на немецком языке, вследствие чего был малодосту-

пен тогдашнему интеллигентному читателю. А между тем в обществе раздавались жалобы на отсутствие «доброй грамматики и лексикона» (Ю. Крижанич). Даже грамотные простецы, в роде Посошкова, напоминали правительству, что ему «надлежало постаратися о грамматикѣ», не говоря уже об ученых, которые решительно выдвигали необходимость составления «грамматики доброй и исправной» и «дикціонарія полнаго и довольнаго» (Тредьяковский в речи «О чистоте российского слова»). Выполнил эти пожелания М. В. Ломоносов, который своей «Российской грамматикой» (1755 г.) на значительное время закрыл этот важный пробел в русском языкознании. Хотя сам Ломоносов изучал грамматику Смотрицкого и в своем труде не мог освободиться от ее схем, но под влиянием европейской науки, воспринятой им на месте ее родины, к составлению русской грамматики он отнесся самостоятельно, пользуясь при этом, как и следовало ожидать от естественника, натуралистическими методами, допускающими только точность наблюдений живого «рассудительного» употребления. Свои выводы он строит на раньше собранных в большом количестве фактах, основательно проверенных. Он не стремится предписывать теоретически созданных правил; не вводит, как это иногда делал Смотрицкий, искусственно построенных форм, а признает лишь те особенности и выводы, какие подтверждаются живым языком. Так он относится и к определению звуков русского языка: он описывает их по способу произношения, при чем обнаруживает тонкую наблюдательность и вдумчивость (Булич. «Очерк», 216). Какие из них существуют в действительности, те он и вводит в грамматику и для тех он удерживает соответствующие буквы, исключив почти все ненужные начертания, державшиеся в нашем письме и печати по наследству от ц.-славянской азбуки, куда они попали из греческой. Смотря на орфографию с чисто практической точки зрения, он находил, что в ней «одному употреблению повиноваться должно»; следуя живому произношению, он настаивал и на этимологическом принципе, несоблюдение которого было бы «весьма странно и противно способности легкого чтения». Этим следует объяс-

нять и удержание им некоторых, повидимому, ненужных начертаний, как *ъ* и *і*. Впрочем первое (*ъ*) у него, как северного великоруса, знакомого с малорусским языком, могло обозначать и особый звук (отличный от *е*). В изложении грамматики он не смешивает русских и ц.-славянских форм, противопоставляя одни другим, вследствие чего его изложение носит сравнительный характер; кое-где приводятся и исторические справки. Не избегает он и народного элемента, вследствие чего его и упрекали современники в замене русского языка «холмогорским наречием», однако без достаточного основания, так как он в основу русского литературного языка все же предпочтительно положил московскую речь, не только «для важности столичного говора, но и для ее отменной красоты». Во введении «о человеческом слове вообще» Ломоносов держится взглядов французской «Grammaire générale et raisonnée». При вполне объективном изложении предмета у Ломоносова проглядывает и патриотическое чувство, что он подчеркнул в заключении предисловия к грамматике, указывая, чем русский язык превосходит все прочие. Грамматическая терминология у Ломоносова уже почти окончательно установилась в том виде, в каком она держится до сих пор.

Главным недостатком грамматики Ломоносова является не полная продуманность схем, особенно тех, в какие уложены глагольные формы. Очевидно, Ломоносова сбивали латинские, греческие и вообще спряжения иностранных языков, где «виды» глаголов не имеют такого выдающегося значения, как в русском языке. Стремлением дать простой перевод иностранным причастиям узаконены ц.-славянские формы причастий в русской грамматике. Книга Ломоносова выдержала до 15 изданий; влияние ее на нашей грамматике отчасти заметно и до сих пор.

И в других работах Ломоносова по языку видна та же трезвость мысли, вдумчивость и осмотрительность, широкий размах, соединенные с эстетическим чутьем и знанием состояния хотя бы зарождающейся филологической науки. Он предполагал писать «о сродных языках российскому и о нынешних диалектах, о преимуществах российского языка, о его красоте,

чистоте, о славянском церковном языке, о чтении книг старинных и о речениях Несторовских, новгородских,... о простонародных словах, о новых российских речениях»... Нельзя не видеть тут зародышей исторических и диалектологических изучений языка. В его же работах, как мы указывали, имеются попытки сравнения языков. Ломоносов различает, и притом правильно, языки родственные и неродственные; довольно удачно в некоторых случаях подмечает родственные слова греческого и русского языков; очень точно намечает семью языков славянских (русский, польский, болгарский, сербский, чешский, словацкий, вендский). Правда, в исторических работах и Ломоносов, подобно Тредьяковскому и Сумарокову, допускает невозможные этимологии, но все же не так часто обращается к ним, как это делали его современники. В «Рассуждении о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов устанавливает стили тогдашней русской литературной речи, противополагая (хотя и не всегда точно) слова чисто ц.-славянские словам общим ц.-славянскому с русским и чисто народным. Наконец, в «Письме о правилах российского стихотворства» он более точно, нежели Тредьяковский, обосновал тоническое стихосложение и упрочил его своими выдающимися образцами.

Из ближайших последователей Ломоносова в грамматических трудах нельзя не упомянуть преподавателя Московского университета А. А. Барсова, ученика Тредьяковского и Ломоносова. Ему принадлежит краткая школьная грамматика (1771 г.), выдержавшая несколько изданий, не имеющая научной ценности, и «Обстоятельная российская грамматика» (1784 — 1788) не напечатанная, но распространявшаяся в рукописях. Уже один размер ее (60 тетрадей) указывает на ее полноту; она была «пространнейшею всех поныне имеющихся в своем роде». В нее вошло несколько новых «наставлений», много разных поправок и дополнений. Для нас она дает немало любопытных данных для суждения о языке XVIII в., тем более, что в орфографии Барсов был сторонником Тредьяковского, предлагая придерживаться фонетического принципа. Отсюда вытекало и предложение его ввести

написание *io* и устранить *ѕ*, *ѳ* и *ѵ*, и из двух знаков для *и* выбрать одно *і*. Ценны для нас и его наблюдения над особенностями народного языка. Другие грамматики того времени носят школьный характер (Булич. «Очерк», 232 — 237).

Восемнадцатый век дал нам и несколько словарей ц.-славянского и русского языков, напр. П. А. Алексеева (1773—1776) (ср. Булич. «Очерк», 238 — 240) и особенно «Словарь Академии Российской» (Спб. 1789 — 1794), 6 частей. Этот словарь был самым полным из появившихся до того времени; в него предположено было внести все «без изъятия» областные слова, и хотя в прямом смысле этого не удалось сделать, однако много областных слов в него попало; в него вошли и многие старинные слова, способствующие пониманию древнего быта или заключающие в себе корни слов, употреблявшихся и в XVIII в. конечно оказалось в нем много и ц.-славянских слов. Таким образом здесь впервые зарегистрировано много совсем нового материала, не утратившего своего значения и до сих пор. Недостатки словаря не выходят за пределы тогдашнего состояния языкознания в России (Булич. «Очерк», 240 — 244).

В начале XIX ст. по научному изучению русского языка не явилось ничего особенно выдающегося. Российская Академия 1802 г. выпустила «Россійскую грамматику» — обыкновенный школьный учебник, не отличавший даже ц.-славянского и русского языков друг от друга. Главными источниками ее были: московское издание грамматики Смотрицкого и книга Ломоносова. Некоторые изменения в ней, в сравнении с Ломоносовым, представляли даже шаг назад.

Вышедшее в то же время «Рассуждение о старом и новом слоге российском» А. С. Шишкова (1803 г.) в научном отношении совершенно ничтожно. Он не отличал ц.-славянского языка от русского: «под именем Славенских, Славенороссийских и Русских книг можно разуметь различных времен слоги, или язык в смысле слога... Но чтоб Славенской и Русской язык были два языка... сего различия в них не существует» (Булич. «Очерк», 693—694). Не зная греческого языка, он совершенно неправильно судил о неологизмах, считая тако-

выми только переводы с французского. Приводимые им этимологии основываются лишь на внешнем облике слов: сопоставляются часто слова, ничего общего не имеющие (Ягич. Э. С. Ф. I, 173). К немногим положительным сторонам работы Шишкова относится порицание чрезмерного пристрастия к иностранным словам и любовь его к русскому языку. Но, вообще, значение «Рассуждения» для научного изучения русского языка ничтожно. Упоминаем о нем лишь потому, что оно вызвало довольно продолжительный спор о старом и новом слоге,—спор, также мало давший для науки, но на некоторое время заинтересовавший общество разными вопросами языка и, следовательно, косвенным образом подготовивший дальнейшее движение в научном исследовании разных сторон русского языка. Спор Шишкова и немногих его приверженцев с «Карамзинистами» — последователями нового слога, а также вообще по разным вопросам языка тянулся долго: он поднимался по выходе всякого нового сочинения Шишкова, в котором он обыкновенно с упорством и заносчивостью отстаивал свои взгляды о тожестве русского и ц.-славянского языков; лишь кое-где разговорный русский язык он признавал наречием славянского (= ц.-слав.) языка; везде он поддерживает и свои невозможные этимологии. Таковы, напр., его сочинения «Рассуждение о красноречии св. писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно» (Спб. 1811). К рассуждению были сделаны разные «присовокупления». В том же году Шишковым напечатаны «Разговоры о словесности», в которых среди разных нелепостей есть и ценные замечания «об отличиях старинного русского стихотворства», т. е. народного поэтического языка, где правильно отмечены тавтологические выражения, эпитеты, имена уменьшительные и ласкательные и т. п. (Булич. «Очерк», 749—764). И эти споры также возбуждали в интеллигенции интерес к языку и подготовляли почву к возникновению настоящих лингвистических трудов, которые постепенно и начали появляться.

Этот интерес к языку и древним памятникам письменности (припомним, что и «Слово о полку Игореве» было напечатано впервые в 1800 г.) вызвал и появление статей зачаточного характера по палеографии. Так в «Сев. Вестнике» 1805 г. явилось «известие о славном собрании рукописей Г. Дубровского», где перечислялись рукописи, указывалось, как возникло собрание, давались сведения о владельце; правда, здесь было много неточностей и преувеличений. Но эта первая ласточка вызвала и вторую — появление в 1806 году труда, положившего в действительности начало русской палеографии, «Письма к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутороканском» А. О(ленина). В составлении письма принимал участие и помощник Оленина А. И. Ермолаев. Здесь дано много снимков с камня, в разное время и разными лицами изданных, и с древних рукописей — Сборника Святослава 1076 г., Лаврентьевской летописи, Радзивиловской, с «Ярославля сребра» и некоторых других памятников. Не мало имеется и выписок из разных старинных произведений. Все это очень умело сделано «для сличения букв надписи Тмутороканской с древними нашими письменами». Сочинение написано с полным знанием целей палеографических исследований. Автор до того увлекается, что ему кажется, что он уже пишет «Славено-русскую палеографию», без которой, по его мнению, между прочим, трудно написать и русскую историю. Оленин не остановился на том, что сделал в 1806 г. Он собирал материалы для истории кирилловской азбуки по памятникам определенного времени, рисунки с разных памятников, между прочим и с тех, на которых есть разные надписи; многое начинал даже было печатать. В своей деятельности он как бы невольно следовал желанию А. Шлецера, высказанному в 1802 г. в его «Nestors Russische Annalen»: «Когда же придет время, в которое русские вздумают составить славянскую дипломатику, славянскую палеографию, будут учиться у Гаттерера и Шёнемана, соберут в хронологическом порядке славянские азбуки для каждого столетия особенно?»

Тем же интересом к языкознанию вызваны были рассуждения, касающиеся русского и церковнославянского языков,

иногда неопределенные, но все же приближающиеся к истине, в переписке еп. Евгения Болховитинова с гр. Хвостовым (Булич. «Очерк», 714 — 716). Еп. Евгению принадлежит и довольно обстоятельный палеографический труд: «Примечания на грамату Вел. Кн. Мстислава Володимировича... Новгородскому Юрьеву м-рю» (Вестн. Европы, 1818 г. №№ 15—16, снимок при 101 ч.). Дипломатический акт рассмотрен во всех отношениях.

Даже в таком общем журнале, как «Вестник Европы», нашли место статьи по языку и палеографии, очевидно интересовавшие тогдашнюю интеллигенцию. М. Т. Каченовский в 1809 г. напечатал: «Об источниках для русской истории» (ч. XLIII, XLIV и XLVI), где подробно говорит о русской палеографии: материале, на котором писали, о почерках — уставном, полууставном и скорописи. Рассматривает некоторые памятники (Реймское Ев., Сборник Св. 1076 г. [ошибочно 1046], Стихирарь 1157 г., списки летописей и под.), заводит речь о «рунических древлянских» рукописях, библиотеке Анны Ярославовны, высказывает пожелание о составлении кем-либо славянской азбуки по векам. Тут же он касается и языка ц.-славянского, представление о котором, повидимому, он имел не вполне установившееся: то «славенский язык есть отец всех наречий» — т.-е. праславянский, «что некогда он один был в употреблении», что после распался на наречия, что из него образовался и нынешний русский; то он был общенародным не в России, а в Моравии и Булгарии. Он разнится не только от современного русского, но и от языка древнерусского. Тут же отмечаются вольные и невольные описки писцов, вызванные их природными говорами. Таким образом эта статья возбуждала ряд интересных вопросов у историка и лингвиста.

Из работ несколько продвинувших научное изучение русского языка в это время следует назвать книгу учителя Выборгской гимназии А. В. Таппе: «Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen» (Спб. Рига. 1810), выдержавшую несколько изданий. Хотя это школьный учебник, но он внес новизну в спряжение, хромавшее и после

грамматики Ломоносова. Воспользовавшись взглядами Кенигсбергского ориенталиста и богослова Фатера, изложенными в его «Praktische Grammatik der Russischen Sprache» (Leipzig. 1808), на особенности русского спряжения, он впервые, после намеков Смотрицкого, развивает систему видов в русском глаголе, вследствие чего сокращает число времен, доходившее у Ломоносова до 10. Указанные им виды с незначительными изменениями отмечаются в грамматиках и до сих пор. В книге Таппе дан еще очерк истории русского языка, изложение главных моментов во внешней его судьбе, с указанием разных влияний на русский язык. Отзывы современников из русских об этой книге в общем были хвалебные, хотя и не все могли оценить главные ее преимущества; иностранцы вообще были в восторге (Булич. «Очерк», 733 — 739).

В это же время в Харькове вышла книга проф. И. Ф. Тимковского: «Опытный способ к философскому познанию российского языка» (1811), представляющая, по своему построению, во многом странное явление (Булич. «Опыт», 559 — 561), по проводимым в ней взглядам — смесь старины, во многом уже отжившей и оставленной критикой, с новыми очень серьезными веяниями, требовавшими установления связи в жизни языка с историей самого народа. Особенно замечательна в этом отношении VIII глава книги: «Древности языка Славено-Российского и отношения его к другим языкам», где, собственно говоря, предпринята попытка дать историю русского языка, начиная от эпохи — сказали бы мы — праславянской. Правда, при выполнении этой попытки отразилась вся шаткость тех quasi-научных приобретений, которые были сделаны до того времени. Автор правильно выходит из положения, «что история народа содержит в себе и историю языка его», но не имея твердых филологических знаний, по примеру своих предшественников, не возводит русский язык к праславянскому и вместе с последним — к индоевропейскому праязыку, а усматривает в нем сходство с «самскретом, которым одни брамины говорят и пишут, и с кельтским». Производя славян от сарматов, «корнем языка их мидский принимаем», говорит он. Затем он помещает славян

на Дунае, откуда они рассеялись по разным странам, и язык их распался на разные наречия. Дальше обозреваются влияния на славян разных соседних народов, от которых к ним зашли иностранные слова (от готов, чуди, татар, европейских народов). Покончив с внешними влияниями на язык славян, в данном случае русских, автор обозревает внутренние события, которые содействовали образованию наречий (новгородского, киевского и московского). Литературный язык наш является результатом слияния и очищения этих наречий. Образцом он имел переводы книг св. Писания, сделанные в Моравии и Киеве и др. местах. Язык изменялся далее и под влиянием школ, а также от того, что с распространением просвещения в язык и в грамматику вошли «бесполезные или уродливые речения, иностранными языками нанесенные». В языке русском Тимковский различает пять периодов: три до XVII в. и два до своего времени. В 6-м отделе VIII главы идет речь и о различиях русского языка от ц.-славянского. Автор правильно представляет себе те стороны, на какие следует обратить внимание (произношение, отличие в некоторых звуках, в формах склонения и спряжения, в синтаксисе и словаре), но за неимением прочных знаний он часто путает черты обоих языков, особенно, когда идет речь о высоком слоге. В книге много всяких примеров, приведенных часто правильно. Таким образом замысел Тимковского был широк, но выполнен, по состоянию тогдашней науки, не обстоятельно и ненадежно. Во всяком случае его работа ясно показывала, что вопросы истории языка уже, так сказать, носятся в воздухе и над ними пора задуматься.

Интерес к русскому слову в начале XIX столетия вызвал и возникновение в Москве в 1811 г. Общества Любителей Российской Словесности, деятельность которого, в свою очередь, поддерживала вопросы языкознания и содействовала их развитию. Оставляя в стороне словесность, отметим лишь те вопросы, которые касались языка. При открытии Общества и в первую годовщину его существования его первый председатель А. А. Прокопович-Антонский решительно отмечает, что успехи словесности зависят от разработки

языка; что нам нужно иметь точно установленные нормы языка, определенно выработанные — синтаксис и семазиологию, ясно очерченные правила постановки ударения. Все это у него хотя и в смутных выражениях решительно подчеркнуто. В изданиях Общества со-временем и явились первые научные статьи по указанным вопросам. Интерес к разработке вопросов русского языка Общество поддерживает, предлагая задачи для конкурсных сочинений, напр., в 1812 «Показать причины изменения русского языка и влияние, полученное им от иностранных языков, как-то: Польского, Латинского, Немецкого и Французского и невыгоды, от сего происходящие». Затем присоединены сюда еще вопросы о влиянии языков Греческого и Татарского (Труды Общ., ч. IV, 184 — 185, 203). После некоторого перерыва деятельности Общества вследствие войны и Московского пожара — в 1818 г. была предложена новая конкурсная задача: «Показать изменения российского языка от древних времен до осьмогонадесять столетия, принимая в основание памятники древней словесности: песни, сказки, предания, пословицы, надписи и другие письменные остатки» (Труды Общ., ч. XII, 131). Все эти меры, выдвинутые временем, и разные работы, касающиеся языка, сильно оживили, как мы уже отмечали, интерес к языку. «Никогда не было столько ученых прений в рассуждении языка, как ныне. Знак благоприятной! Утешительная надежда», в риторическом пафосе восклицает Мерзляков в «Рассуждении о российской словесности в нынешнем ее состоянии» (Труды Общ., ч. I, 73). Были даже попытки дать ответы на поставленные для конкурса вопросы. Затрагивался даже вопрос о том, что представляет из себя язык «славенский» — ц.-славянский. Есть ли это, как полагал Шлецер, язык праславянский (общеславянский), или же это язык, на котором говорило какое-нибудь одно славянское племя. М. Т. Каченовский («Вестн. Евр.» 1816, ч. 89, и «Труды Общ.», VIII, 160) правильно уже доказывал на основании свидетельств средневековых писателей, что уже в V — VI в. славяне жили на большом пространстве и не могли говорить на одном общем языке, а следовательно в IX в., когда ц.-славянский язык стал ли-

тературным, он был наречием праславянского языка, на котором должны бы сказаться особенности солунского говора и моравского. Но, не находя в потомках этих говоров сходства с ц.-славянским, Каченовский, а затем и Карамзин (История Г. Р., I, 250) не прочь были допустить высказанную тогда на Западе гипотезу, считающую ц.-славянский древнесербским языком. Во всяком случае тожество ц.-славянского с русским уже порывалось. И другие лица (как К. Ф. Калайдович в решении вопроса, на каком языке было писано «Слово о полку Игореве», ср. Булич. «Очерк», 776 — 778) также ширили и углубляли материал для решения разных вопросов по истории русского языка.

Видимо наступало уже время стать на твердую почву в научном изучении русского языка. Подготовительных работ сделано было не мало. Самые ошибки предшествовавших больше любителей-исследователей, очень кстати обнаруженные, показывали, куда не следует итти, и таким образом научный интерес само собой направлялся по правильным путям. Нужно было только явиться талантливым работникам, чтобы добиться желанных результатов. Первым из них по времени оказался А. Х. Востоков, явившийся настоящим русско-славянским филологом в России, по словам Копитаря, «почти неожиданной зарей настоящей славянской филологии на восточном небосклоне славянской земли». Востоков (с детства обрусевший немец) был филолог самоучка, увлекавшийся языками, как видно из его бумаг и собственного свидетельства (ср. Сборник ОРЯС, т. 70), еще на школьной скамье (кадетский корпус) и затем по окончании архитектурного отделения Академии Художеств. В его бумагах сохранились первые опыты (еще до 1802 г.) сопоставления коренных и первообразных слов «славенского» языка, разросшиеся со-временем в рукопись «Этимологич. словорасписание», которая могла бы дать, по словам И. Срезневского, до 40 печатных листов (Булич. «Очерк», 653 — 669). Уже самые ранние этимологические сближения свидетельствуют о верном чутье Востокова, а в дальнейших много удачных сопоставлений. Делал он это для указания разных степеней родства между сравниваемыми им

языками, по отношению же к русскому языку он имел в виду своею работой «пресечь единожды навсегда произвольные и неосновательные словопроизвождения, каких у нас немало выкидывала в свет самоумная неученость или всеугадывающая полуученость». Конечно, и у самого Востокова было еще много недосмотров, но его труд (неизданный) для своего времени был замечательным, указывающим, что его самообразование шло по правильному пути. Первый печатный его грамматический труд относится к 1808 г., именно: он поместил грамматические примечания в «Кратком руководстве к российской словесности» И. Борна. Тут он очень точно по своему времени формулировал случаи перехода *е* в *о* (селó — сёла, — женá — жóны) и коснулся других фонетических и даже синтактических особенностей русского языка (напр., употребления «что» вм. «который»). Под руководством А. И. Ермолаева шло у Востокова и ознакомление с древними рукописями. К 1810 г. он уже основательно был знаком с такими памятниками языка, как Русская Правда, Поучение Владимира Мономаха и вообще Летопись Нестора, Слово о полку Игореве, Сборник Святослава 1076 г. и др. Уже теперь он ясно видел отличия древнерусского языка от др. ц.-славянского и и уже теперь он ясно представлял, вопреки мнению Добровского, что напр., ъ в древнем языке не было бесполезною буквою, а обозначало особый звук, как отчасти это предчувствовали и некоторые его современики (Языков, Арцыбашев. Булич. «Очерк», 723). Прозорливому наблюдателю не трудно было заметить, что уже начиналась новая эра филологического изучения русского языка.

Эту новую эпоху открыл Востоков своим «Рассуждением о славянском языке, служащим введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (Труды Общ. Л. Р. С., ч. XVII, 1820). Это небольшое по объему сочинение было очень богато по своему содержанию, заключая в себе много открытий и мыслей. Автор его обнаружил замечательную свою эрудицию и прекрасное знакомство с древними памятниками и с другими славянскими языками, послужившими богатым матерьялом для сравнения.

Тут Востоков дает сначала широкое обозрение славянских наречий, указывает главнейшие признаки, по которым они различаются, касается классификации Добровского и более точно отмечает место русского языка, занимающего, по его мнению, середину между юговосточными и северозападными наречиями (ему свойственны приставки *роз-* и *вы-* и некот. др. черты); ц.-славянский язык он делит на древний, средний и новый; устанавливает точно отношение др.-русского языка к ц.-славянскому, а также и к другим славянским языкам. В истории русского языка устанавливает также три периода: древний (до второй половины XIV в. — язык Русской Правды, Слова о полку Игореве, Поучения Владимира Мономаха), средний, (— язык Судебника и Уложения) и новый (с XVIII в.). Предполагает на основании древних памятников, между прочим Фрейзингенских отрывков, большую близость славянских языков в старину. Переходя к рассмотрению отличий др. ц.-славянского языка, он в сжатом очерке перечисляет главнейшие черты и сообщает особенно ценные наблюдения относительно ѣ и ь, а также ѫ и ѧ. Относительно ъ и ь он более подробно развил уже раньше сложившееся у него мнение о том, что это были гласные произносившиеся особенно. В этом случае познания Востокова стояли выше, нежели у его современника Добровского, который признавал ъ ненужным знаком. Истинную природу ѫ и ѧ, как носовых гласных *о* и *е*, он уяснил посредством сравнения их с языком польским, где на месте их слышатся ą и ę. К сравнению привлечены и данные среднеболгарских памятников. Таким образом, сравнительный метод, к которому обращался Востоков в своих наблюдениях над языком еще с 1802 г., привел к блестящим результатам. В этом же рассуждении Востоков подчеркивает важность изучения рукописей и вообще палеографических изысканий. В примечаниях к рассуждению также отмечено несколько важных наблюдений по разным вопросам русского и славянского языковедения.

«Рассуждение» Восткова, с нашей точки зрения, не лишено и некоторых недостатков (ср. Булич. «Очерк», 781), но оно действительно было «неожиданной зарей славянской филологии», произведшей в ней целый переворот. На Востокова все

стали возлагать большие надежды, и Российская Академия поспешила избрать его в свои члены. Очень лестно отозвался о внимательных и глубоких замечаниях его Евгений Болховитинов и высказал пожелание, чтобы он издал такую славянскую грамматику, какой еще не было ни у одного славянского племени. О славянской грамматике мечтал и сам Востоков и к выполнению этого намерения шел правильным путем, изучая богатейшие рукописные собрания Публичной библиотеки, а затем и других книгохранилищ. С 1823 г. начинаются его переговоры с Румянцовым относительно описания рукописей богатейшего его собрания. Румянцов охотно снабжал Востокова разными библиографическими пособиями и редкими изданиями. Последний очень усердно занялся этим делом и выполнил его в высшей степени образцово, так что его «Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума» (Спб. 1842, F°, 839) является до сих пор примером подражения для подобных работ. Кроме внешнего описания рукописей, оно содержит в себе столько библиографического, палеографического и лингвистического материала, что уже по одному ему можно составить отдельные цельные исследования, как и поступил в свое время, напр. А. Н. Пыпин, написавший «Материалы для славянской палеографии из «Описания Румянцовского музея» (Учен. Зап. II Отд. А. Н., кн. II, вып. II, 1856). Во время составления «Описания рукописей Рум. Муз.» Востоков выпустил еще образцовые грамматические объяснения на три статьи Фрейзингенской рукописи «Собрание словенских памятников, находящихся вне России», составл. П. Кеппеном. Спб. 1827). И еще один труд явился в это время, это — русская грамматика заказанная, ему Департаментом Министерства Нар. Просвещения. Она сразу вышла в двух видах — сокращенная в 1831 г. и «Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная» (Спб. 1831). Тут очень много весьма ценного фактического материала, обдуманно собранного; недостает только глубоких теоретических обоснований и выводов. Представленный здесь Востоковым материал послужил основанием для после-

дующих бесконечных грамматических трудов других авторов, до А. А. Шахматова включительно.

В это же время Востоков готовил к изданию знаменитое Остромирово Евангелие, которое и выпустил в 1843 г. (Спб.), давши образец настоящих палеографических изданий памятников. Весь текст нарочно приготовленными для этого буквами напечатан «знак в знак, строка в строку, страница в страницу; под славянским текстом текст греческий; в приложении отмечены описки писца; рассмотрен грамматический строй языка дан полный указатель; приложены снимки» (И. Срезневский). Всюду точная наблюдательность, удивительно верная передача фактов, отсутствие гипотез.

Востоков принимал участие и в словарных работах. Так под его редакцией вышел 2-ой том Академического словаря 1847 г., а также «Опыт областного словаря» 1852 г. с «Дополнением» 1858 г. Наконец им составлен и выпущен Ц.-Славянский словарь 1858 — 1861 г., значительно превышавший 1-ое изд. словаря Миклошича и не утративший своего значения и после выхода 2-го изд. Миклошича «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum». Давно ожидаемая от Востокова ц.-славянская грамматика вышла в 1863 г.: «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам» (Спб.). Правда, и здесь, как и в русской грамматике, больше изложение фактов, без их объяснения, для которого у Востокова тогда еще не было материала. Ему принадлежит еще несколько отзывов о разных работах по ц.-славянскому и русскому языкам, содержащих немало ценных данных (ср. Ягич. Э. С. Ф., I, 222).

Деятельность Востокова настолько выделялась из общего хода научной работы его современников, что труды последних перед нею совершенно стушевываются и кажутся незначительными, хотя в предшествующее время и они показались бы ценными. Таковы, напр., работы Н. И. Греча «Опыт о русских спряжениях» (1811 г.), составленный применительно к книге Таппе, без упоминания его имени и с некоторым искажением фактов; таковы его пространная и практическая русская грамматика (1827 г.), явившиеся еще в нескольких видах; сюда же

принадлежит «Опыт истории русской литературы», во введении к которому он касается и общих вопросов по славянскому языкознанию (Булич. «Очерк», 787 — 789). Таковы же работы И. Сев. Фатера (ib., 789 — 793), Н. Полевого (ib., 797 — 802), где разумно поднят вопрос о праславянской грамматике, получивший некоторое разрешение лишь в наше время, и др. труды.

Однако один кружок ученых работников и при деятельности Востокова не оставался в тени — это кружок гр. Румянцова, занимавшийся собиранием, палеографическим изучением и обнародованием разных рукописей и вообще археографическими изданиями. В нем принимал участие некоторыми своими работами и Востоков. Такое палеографическое издание рукописей и вообще точное их изучение подготовляло к правильным суждениям о древнерусском языке и литературе, а грамоты, договоры и летописи давали обильный и проверенный материал для исторических изысканий вообще. Из деятелей этого кружка следует отметить К. Ф. Калайдовича, который, по свидетельству Погодина, близко его знавшего, был любителем, знатоком, искателем древностей: рукопись, книга, камень, крест, образ, монета — одинаково привлекали к себе его внимание и подавали повод к самым тщательным и подробным исследованиям. Он, можно сказать, жил в библиотеках, беспрерывно рылся в рукописях и вследствие этого открывал одну интересную вещь за другою, напр., Святославов сб. 1073 г., слова Кирилла Туровского, характерную рукопись Иоанна экзарха болгарского и др. Из изданий его, имеющих значение для палеографии, отметим «Памятники российской словесности XII в., изданные с объяснениями, вариантами и образцами почерков» (М. 1821), «Иоанн, экзарх Болгарский» (1824), сочинение, в котором приведено в известность множество важнейших и любопытнейших сведений о древней письменности. Тут же имеются хорошие снимки (16 гравированных изображений). Вместе со Строевым Калайдович издал «Обстоятельное описание славянороссийских рукописей, принадлежащих библиотеке гр. Ф. А. Толстова» (М. 1825). К описанию приложены «Палеографические та-

блицы почерков с XI по XVIII в.» (М. 1825). Палеографическая деятельность Калайдовича вместе с другими представителями Румянцовского кружка очень обстоятельно рассмотрена у Булича («Очерк», 802 — 942). Было ясно, что основательно-научное исследование русского языка без палеографически точного издания памятников и вообще без научного ознакомления с рукописями не возможно.

Нужды времени настоятельно требовали от ученых, занимающихся исследованием русского языка, хороших словарей — русского и ц.-славянского языков, так как прежние словари были несовершенны, да и разошлись. Это чувствовали и Российская Академия и Общество Л. Р. С. Но Академия могла выпустить только 2-ое изд. своего словаря. Хотя оно и превосходило 1-ое изд. количеством слов и разными поправками, но все же было далеко от совершенства; о разных новых лексических трудах делались только постановления, да представлялись проекты, а лиц сведущих и работоспособных не было (Булич. «Очерк», 944 — 965).

За осуществление мысли словопроизводственного словаря русского языка взялось московское Общество Люб. Р. С. Но и тут дело ограничилось только обсуждением плана издания и отчасти собиранием материалов (ib., 965 — 977). Если однако Обществу не удалось издать словопроизводственного словаря, то оно все же имело успех в другом отношении: оно энергично принялось за скопление материалов по русской диалектологии; правда, эти материалы ограничивались лишь лексическими данными, но их было получено немало из разных мест, и они не утратили своей цены и до сих пор. Некоторые из таких собраний были и напечатаны (ib., 977—1002). По малорусскому языку даже явилась печатная «Грамматика Малороссийского наречия» А. Павловского (Спб. 1818), тут же словарик в 1130 слов. В это время в журналистике уже раздается голос (П. И. Кеппена): «чтобы со-временем какое-либо ученое заведение познакомило публику со всеми наречиями отечественного нашего языка с приложением и списком слов оных» (Булич. «Очерк», 598,983). Тут пока еще простой интерес к народной речи, но со-временем будет

понята и важность ее исследования самой по себе и для исторического изучения языка. Все более или менее ценые грамматические труды XVIII в. не могли совершенно обойтись хотя бы без упоминания некоторых особенностей народного языка: о них упоминает Ломоносов, Шлецер, Тредьяковский, даже такие дилетанты, как Сумароков и др. В XIX в. с подъемом общего интереса к языку возрос интерес и к народной речи, о чем свидетельствуют разные большие рукописные статьи и собрания слов этого времени у Кеппена, сообщения Калайдовича, Каченовского, Евгения Болховитинова и др. (ср. Булич. «Очерк», 1100—1141). Некоторые в своих определениях даже очень близко подходили к современным, выработанным наукой схемам делений живого русского народного языка на говоры и наречия (еп. Евгений. Булич. «Очерк», 1124—1125). Были даже набросаны проекты этнографического атласа России — у Кеппена (ib., 1128). Предполагалось собранный материал непосредственно проверить на местах, для чего между прочим был командирован Адам Чарноцкий (Зориан Доленга-Ходаковский). Правда, собранный им материал не имел особой ценности, так как этнограф, по тогдашнему состоянию науки, не знал, на что собственно следует обращать особенное внимание в народном языке и как записывать подмеченные черты. Таким образом общий интерес к языкознанию, развившийся в начале XIX столетия, распространился и на диалектологию. Видно было, что наступило время и народную речь привлечь к изучению. Хотя перед нами и крупицы знаний, но и ими нельзя брезгать при научном ознакомлении с языком и при собирании и подготовке материалов для истории русского языка. В следующие десятилетия развившийся интерес к русскому языку дал уже солидные труды.

Из предыдущего изложения можно было видеть, как чисто эволюционным путем развивалось у нас изучение русского языка, как постепенно зарождались и возрастали разные области языкознания. Однако если бы продолжалось господство только практической грамматики хотя бы и с уклоном в общую философскую грамматику, даже с элементами палеогра-

фии и диалектологии, а также сравнений с некоторыми другими славянскими языками, мы все же не скоро перешли бы к историко-сравнительному изучению родного языка; нужно было, чтобы в филологической науке произошли некоторые особые события, которые заставили бы изменить точку зрения при занятиях языком. Мы подходим к сороковым годам прошлого столетия, когда сношения с Западом в области науки стали налаживаться и когда наши лучшие ученые, больше представители университетских кафедр, познакомились с зарождавшимися там в это время новыми методами и особыми целями при изучении языка. Пришлось убедиться, что практическое изучение грамматик с целью правильно говорить и писать, а затем пользоваться этим средством, как орудием, помогающим нам поскорее приступить к ознакомлению с той или другой литературой и правильному ее пониманию, недостаточно. Под влиянием идей Гумбольта, Я. Гримма, Боппа, Потта и др. (Буслаев. «О преподавании отечественного языка» [2], 5) язык у нас становится предметом изучения сам по себе, как непосредственная цель. Для лучшего уразумения его явлений пришлось обращаться к сравнению с другими языками, да и язык известного народа рассматривать не в один определенный момент, а со всеми его видоизменениями в течение исторической жизни. Словом, прежнее филологическое изучение языка начало заменяться лингвистическим; возникло сначала сравнительное языкоучение на почве сродных языков, а затем и сравнительно-историческое изучение языка. Это дало возможность открыть в языке «целую жизнь народов со всеми богатыми и разнообразными ее отправлениями». Конечно, рядом с зарождающимся новым родом изучения языка продолжало еще долго держаться и старое, пытавшееся более или менее искусно средневековые схемы грамматики древних языков приспособлять к своему родному. Даже лучшие наши ученые и педагоги находили, что «отечественный язык по существу своему необходимо должен подвергаться и филологическому и лингвистическому способу исследования» (Буслаев. «О преподавании...» [2], 5). Грамматике все еще назначалась служебная роль — познакомить с формами склонений и спряже-

ний языка с синтаксисом, построенным на логике. Изучалась конечно только речь образцовых писателей. Сообщалось много правил с массой исключений, так как филолог не разумел внутреннего состава грамматической формы и не мог правильно объяснять ее. Таким образом лингвистическое изучение входило в жизнь с большою осторожностью; находили еще очень мало питательным для науки материал грубых диалектов, область которых представлялась безграничной. Всем еще памятны были массы неправильностей, исключений прежних грамматик; не могли еще привыкнуть к органической жизни народного языка. Долго еще носились в воздухе и отклики философской грамматики, в которой все грамматические формы и явления приурочивались к известным категориям отвлеченного мышления; изучались не явления языка, хотя бы и классического, не говоря уже о родном, а рассматривалось значение слов. Естественно, что явления родного языка приносились в жертву логическому изучению всех вообще языков. Такими чертами можно охарактеризовать конец тридцатых и начало сороковых годов в нашей русской науке по отечественному языкознанию: прежний интерес к языку, развившийся в начале XIX столетия все более и более разростался; появлялись новые запросы и направления, хотя и старые способы изучения языка продолжали еще держаться. Романтическое увлечение народностью у некоторых, естественно, вызывало и увлечение языком. Лица, знакомые с научными течениями и работами на Западе, старались то же развивать и у себя на родине.

Провозвестником новых идей в русском языкознании этого времени является прежде всего известный писатель, основатель научной этнографии Н. И. Надеждин (Пыпин. «История русск. этногр.», I, 234 и сл.). По языку им собственно сделано мало, но все это было в новом духе, с выдвижением изучения народного языка, как главного признака русской народности вообще. Так уже в своих журнальных статьях по русской литературе, напечатанных, напр., в Телескопе 1836 г., он решительно отделяет русский язык не только от ц.-славянского, но и точно определяет его место среди других славян-

ских языков — в особую категорию. Тут же он правильно характеризует и наш древний литературный язык, как ц.-славянский лишь с примесью русской речи. В другом месте согласно с истиной он выражается и о цивилизации культурного класса нашего общества и о его языке: «Русские слова, выгнанные из высшего общества, достались в удел простолюдинам; ... их звук кажется грубым и жестким; отвыкшее ухо не может выносить их; да они уж и не выражают того, что хотелось бы выразить; употребление в низком народе привязало к ним и смысл низкий» (Пыпин, I, 257). Народная речь все же корень и основание речи литературной; поэтому для синтактического улучшения литературного языка нужно обратиться к живой народной речи, в которой надо видеть своеобразное и натуральное биение пульса живого русского языка. Такие мысли проводил Надеждин в общих журналах еще в 1836 г. В последующее время по изучению живой народной речи им сделано еще более в разных этнографических трудах, возникших при его содействии. В «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара (IX. Спб. 1837) он более подробно развивает свои взгляды на русский язык, касаясь тогдашнего его состояния и даже исторических судеб. Тут между прочим впервые правильно подчеркнута причина (финское влияние) появления смешения *ч* и *ц* в северновеликорусском наречии. И на такую тонкую черту синтаксиса этого наречия, как «я пришедши» вм. «пришел», Надеждин тоже обратил внимание. В Венских «Jahrbücher der Literatur» 1841 г. (B. XCI, 181—240) им написана даже специальная статья «Mundarten der russischen Sprache», не столько впрочем характеризующая русские говоры, сколько затрогивающая происхождение их. Эта статья обратила на себя в свое время всеобщее внимание.

Как образец рассуждений в старом стиле, но уже значительно усовершенствовавшихся под влиянием новых научных течений на Западе и у нас, следует назвать работу протоиерея Герасима Павского «Филологические наблюдения» (Спб. 1841 — 1842). Современники, видя ученость автора (знал классические языки и еврейский), были в восторге от его

«Наблюдений». Востоков находил в них «полнейший и ученейший грамматический обзор нашего языка, какой мы доселе (1844 г.) имеем, и богатую сокровищницу разнообразных сведений для всех занимающихся сим языком» (Отчет о XIII присужд. Демид. наград, 41 — 50). Многие даже считали «Наблюдения» эпохой в истории нашей грамматики (Учен. Зап. II Отд. А. Н., III, XLIII — XLIV). Более трезвая оценка их была сделана лишь после выхода 2-го издания Ф. И. Буслаевым (Отеч. Зап. 1852, апр. — май). Он находил, что «Наблюдения» являются выражением переходной эпохи в нашей науке: в них много противоречий и непоследовательности, перехода от старых Шишковских взглядов к новым — Гумбольта, Боппа, Гримма; историко-сравнительный метод в них не выдерживается. Часто допускаются такие положения, напр., насчет придыхательного характера ъ и ь, для которых нет никаких исторических оснований. Сравнения слов основываются лишь на созвучиях, а не строгих фонетических законах. Не видно в авторе и знакомства со старинными памятниками и с живою народною речью. Но в труде Павского было и много отдельных ценных замечаний, отчасти не утративших своего значения и до сих пор.

Из словарных работ в духе переходного времени следует назвать сочинение Ф. Шимкевича: «Корнеслов русского языка» (1841). Здесь делаются сравнения со всеми славянскими языками и 24-мя иностранными. Материал по тогдашнему времени подобран добросовестно, но ошибочных сопоставлений, от которых не свободны и теперешние словари, не мало.

В ином духе, но также — сказали бы мы — переходного характера от прежней эпохи к новой филологические сочинения М. А. Максимовича (ср. III т. Собрания сочинений; отзыв о нем у Ягича. Э. С. Ф, I, 489 — 492). Специалист-ботаник, он, увлеченный романтическим течением в науке, рано переходит к занятиям филологическими вопросами и больше сосредоточивается на классификации славянских языков. Еще в 1827 г. он возражает Добровскому против его деления всех славянских языков на две группы: северозапад-

ную и юговосточную, при чем у него было уделено мало внимания русскому отделу. Не нравилось Максимовичу и деление на три группы, при чем восточной русской давалось особое место (как это, напр., сделано у Надеждина). Он все славянство во всех своих статьях обыкновенно делит сначала на две половины: I-ая половина: Словены Восточные или Русские, II-ая половина: Словены Западные. Затем в каждой половине отмечает по два разряда: в I-ой: 1. Словены северовосточные или Руссы северные, 2. Словены юговосточные или Руссы южные. То же и во второй половине: 3. Словены северозападные или Вендские и 4. Словены югозападные или задунайские. Поэтому у него все славяне собственно делятся на 4 группы. Деление довольно симметричное, но неправильное по существу, так как первая половина не может быть противопоставлена второй. Русские все вместе составляют со стороны филологической такую величину, как северозападные славяне и югозападные — каждые в отдельности. Таким образом у Надеждина больше было научного чутья. В критике примéт Добровского многое теперешней наукой не может быть признано правильным [1]), но в свое время оно с хорошей стороны характеризовало наблюдательность и пытливость автора и отмечало его прекрасное знание русского языка во всех его отраслях, без какого-либо шовинизма в пользу южнорусской его ветви. «Только совместным и подробным исследованием (всех русских наречий), в связи с наречиями западнославянскими, филология наша может раскрыть те законы, по которым образовались разные виды русской речи, в том числе и господствующий ныне язык русский, определить с точностью их отличительные свойства, — и добыть себе верную и прочную теорию» — так говорит Максимович в «Начатках русской филологии». Слова его не утратили своей силы и до сих пор. В этой статье Максимович более подробно делит восточную половину: I речь южнорусскую на 1 наречие малорусское и 2 наречие червонорусское; II речь севернорусскую на 1 великорусское наречие и

[1]) Ср. M. Weingart, Dobrovského Institutiones, II (v Bratislavě 1925), 96—100.

2 белорусское. Опять деление симметричное, но с точки зрения особенностей языка неправильное. В дальнейшем у него близко к истине уже отмечены и охарактеризованы северновеликорусское и южновеликорусское наречия. В южновеликорусском указаны даже два подотдела: а) наречие среднерусское и б) московское, лежащее в основе литературного языка. Главнейшие черты наречий подмечены правильно.

Максимович впервые очень обстоятельно изложил вопрос о русском полногласии, причем устраняет существовавшее мнение (Добровского) о финском влиянии или влиянии климата (Востоков) на развитие этой черты в русском языке. Говоря об отношении русского языка к ц.-славянскому, он затрагивает роль ъ и ь в том и другом языках и основательно возражает Павскому, хотя и сам об этих звуках еще имеет недостаточно ясное представление.

Языка Максимович касается еще в своих «Филологических письмах» к М. П. Погодину. Дело в том, что в 1856 г. появилась «Записка о древнем языке русском» Погодина (Изв. II Отд. А. Н. V, 70—92), утверждавшая тождество языка русского со старославянским, доказывавшая, что до татарского времени не существовало ни малорусов, ни их языка; что в Полянской земле жили великорусы. Работа, как можно видеть уже из сказанного, не имела научной цены. Максимович непосредственным чутьем, так сказать, видел неосновательность приведенных положений, и в своих «Филологич. письмах», «Ответных» и «Новых письмах» старался опровергать Погодина, а затем и П. Лавровского, вмешавшегося в спор. Доказывая древность малорусского языка и мнимое запустение Украйны после татарского нашествия, он высказал много правильных отдельных наблюдений; но по существу поднятые вопросы в то время еще не могли быть решены, так как история русского языка была только в проекте. Полемика все же очень заинтересовала ученый мир и выдвинула многие вопросы, которые по существу находят свое решение только теперь, да и то не вполне.

Вопросов языка Максимович касается и в «Истории древней русской словесности», особенно вопроса о классификации

наречий. «Рассказ его почти всегда занимателен, производит впечатление образованного начитанного человека, хотя бы без специальной филологической подготовки» (Ягич. Э. С. Ф. I, 492). Во всяком случае труды Максимовича не могут быть забыты при общей оценке разработки русского языка: в них — говоря словами Бодянского — всюду проглядывает наблюдательный ботаник-филолог, подмечающий часто такие, повидимому, мелочи, которые потом обращаются в основу весьма важных явлений.

Решительный поворот в сторону историко-сравнительного изучения русского языка у нас начался после выступления на поприще русского языкознания Ф. И. Буслаева, имя которого принадлежит к заслуженнейшим и в истории русского языка, и истории этнографии, и истории русской словесности. Он первый решительно стал на сторону идей Ф. Боппа, Я. Гримма и В. Гумбольта, которые господствовали тогда на Западе, и в своих сочинениях в течение трех десятилетий насаждал их в русской науке. Уже в первом его труде по этому предмету: «О преподавании отечественного языка», I — II (М. 1844, 2-ое изд. значительно сокращенное в одной книге. М. 1867), имеющем в виду собственно педагогические цели, Буслаев является решительным последователем сравнительно исторического изучения языка, что ясно он подчеркивает уже в самом начале книги, при определении предмета преподавания и методов его; то же и во введении ко второй части. Эта последняя часть всецело посвящена истории языка в обширном смысле слова, содержа в себе исторические материалы не только для грамматики, но и для стилистики. В изложении обычных частей грамматики везде ссылки на исследования подобного рода В. Гумбольта, Я. Гримма, Ф. Боппа и др., не говоря уже о цитатах из сочинений славянских ученых Караджича, Шафарика, Палацкого, Добровского, Юнгмана, Линде и др. Конечно все научное и ценное взято и у русских предшественников Буслаева — Востокова, Павского, Кеппена, Шимкевича, Бодянского и др. Не забыты даже наблюдения Тредьяковского и Сумарокова. Кроме чисто грамматических сведений, изложенных по сравнительно-историческому методу,

и обширных материалов для стилистики, мы встречаем здесь уже и такие отделы, как история архаизмов, стихии чужеземные — грецизмы, варваризмы в летописях и в народном языке, провинциализмы, расположеные даже по разным губерниям. Многие из материалов, приведенных здесь, не утратили своего значения и до сих пор; к ним обращаются в разных сочинениях даже без ссылки на тот источник, откуда они взяты.

Тесно примыкает сюда и магистерская диссертация Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык» («Опыт истории языка по Остромирову Ев.» М. 1848), написанная по образцу книги Р. Раумера: «Die Einwirkung des Christenthums auf die althochdeutsche Sprache». Здесь Буслаев также старается применить общие положения и критический метод немецкой науки, чтобы определить предания и верования народа в период образования его языка, так как древнейшие формы эпической поэзии, по Буслаеву, ведут начало от образования самого языка: мифологические предания славян должны быть изучаемы в связи с преданиями других средневековых племен. Такой труд больше имеет археологически-бытовой характер, нежели строго лингвистический: это был первый опыт применить историко-сравнительное языкознание к древностям славянского языка; исследователь здесь заходит в такие отдаленные эпохи, куда еще никто не решался заглядывать на Руси. Буслаев доказывает здесь, что славянский язык еще задолго до Константина и Мефодия подвергся влиянию христианских идей; перевод Евангелия отличается чистотою выражения христианских понятий: все намеки на прежний языческий быт здесь совсем отсутствуют, тогда как готский перевод, с которым он сравнивает славянский, резко отражает языческое начало. Судя по языку можно притти к заключению, что в эпоху перевода св. Писания на Славянский язык у славян господствовало начало семейное, тогда как у готов во время перевода Ульфилы замечалось большее развитие понятий государственных. Вследствие этого для выражения разных отвлеченных понятий приходилось обращаться к грецизмам, удерживая их в собственной форме или переводя буквально. Из

рассмотрения языка перевода Буслаев делает заключение о характере того народа, на язык которого сделан перевод, и отчасти о самих переводчиках (А. Котляревский. «Древняя письменность», 120 — 124). Тем же вопросам посвящены впоследствии и работы Миклошича, исполненные по строго лингвистическому методу; но Буслаевское сочинение замечательно уже по тому, что оно первое в этом роде; выдается оно и по тому чувству любви к языку и народности, которое всюду проникает его.

Третье сочинение Буслаева по языку это — его «Опыт исторической грамматики русского языка», ч. I и II (М. 1858), переименованное во 2-м издании (1863) в «Историч. гр. р. языка». Книга эта явилась не плодом университетского преподавания, а составлена была по поручению военного ведомства в качестве пособия для учителей. Отличие этой работы от других грамматик указано самим автором в предисловии к «Опыту». 1) Современный книжный язык является результатом исторического движения и взаимного влияния русской речи разговорной, изменяемой по местностям, и языка ц.-славянского, положенного в основу нашей грамотности; поэтому историческая грамматика литературного языка ведется в непрерывной связи с изучением ц.-славянского, сравнительно с ним. 2) Историческая грамматика объемлет всю область русского языка, не только литературную речь, но и народную, так как в противном случае без знакомства с речью разговорной невозможно объяснить всех особенностей языка книжного. 3) Таким образом все свои выводы историческая грамматика основывает на авторитете не только письменных, но и устных памятников языка, подчиняя личное суждение грамматиста свидетельству фактов, почерпая последние из всех лучших авторов от Ломоносова до Пушкина. Она не замалчивает, подобно практической грамматике, такие факты языка, которые взяты из живой речи, словом, историческая грамматика избавляет себя от обязанности следить за чистотой речи. 4) Все свои положения, грамматические законы истор. грамматика выводит из фактов; орфографию она основывает на этимологии, а в синтаксисе стремится определить правиль-

нейшее отношение отвлеченных приемов логики к формам языка. 5) Историч. грамматика соединяет оба способа изучения языков — филологический и лингвистический: изучает она тщательно образцовых писателей, но при объяснении форм она придерживается законов, открытых сравнительно-историческою лингвистикою.

В свое время «Историч. гр.» Буслаева составила эпоху в русском языкознании, вызвала несколько серьезных отзывов специалистов (К. Аксакова, П. Лавровского, Майкова, Гатталы, Колосова и особенно Потебни) и послужила в сокращении образцом, особенно синтаксис, для учебников по русскому языку в средней школе почти до нашего времени. Теперь, когда наука ушла значительно вперед, о ней могут быть высказаны более трезвые суждения: это грамматика русского языка, сближенная с церковнославянской, построенная на логической основе. Тут множество метких наблюдений в области старинного языка, а также живых русских говоров; все эти наблюдения и вводятся в изложение. Даже сравнительный славянский и индоевропейский элемент, больше в качестве приложений, «для желающих», принимается в расчет. Но систематического изложения истории русского языка здесь нет; не имеется здесь и систематического анализа всех явлений русского языка, как это сделано в образце для Буслаева в «Deutsche Grammatik» Я. Гримма. Правда, автор в духе идей Гримма везде старается поднять в глазах читателя «значение языка как народной святыни, богатого сокровища многих дорогих и важных воспоминаний, уцелевших в течение столетий. В доказательство собраны Буслаевым цветки по полю древнерусской письменности или произведений народного творчества, не систематически, а с тонким подбором» (Ягич. Э. С. Ф., I, 537). В настоящее время после крупных успехов изучения древнерусских памятников и народных говоров, а также после появления классических трудов Потебни по синтаксису — грамматика Буслаева имеет только исторический интерес.

В серии «Учебных руководств для военных учебных заведений», кроме грамматики Буслаева, явился еще очень объемистый том «Историческая христоматия ц.-славянского и древ-

нерусского языков» (М. 1861) — очень важный сборник, обогативший славянорусскую филологию отрывками и целыми образцами старинных памятников, напечатанных не только палеографически точно, но еще и с очень ценными характеристиками, примечаниями литературного и грамматического содержания. Тут оказались некоторые памятники не известные до тех пор читателям даже по имени. Книга предназначалась для средних учебных заведений, но там она конечно не могла найти применения по своему характеру; для высших заведений она долгое время была незаменимым пособием. Сокращение ее, заново проредактированное учениками Буслаева, равно как и извлечение из «Историч. грамматики» до сих пор являются украшением нашей педагогической литературы для средней школы.

В заключение еще следует упомянуть об одном труде Буслаева палеографического характера, имеющем отношение и к истории языка, это — «Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV рукописей Моск. Син. библиотеки, с приложением 22 снимков» в издании «Материалы для истории письмен» (М. 1855). Исследование Буслаева является самой выдающейся статьей этого издания. Эта работа, как и другие, исполненные Буслаевым, возбуждают интерес к русскому языку и его древним памятникам, а также уважение к автору.

В духе исторического изучения языка и немногочисленные, но ценные работы П. С. Билярского. Под влиянием рано умершего слависта Прейса он изучал «Судьбы церковного языка». Так как в России из югославянских рукописей распространялись главным образом среднеболгарские, которые влияли и на русский литературный язык древнего периода, а у церковных писателей и среднего, то Билярский и решил подвергнуть их всестороннему исследованию со стороны языка и орфографии. Сюда принадлежат его работы: «Судьбы церковного языка. I. О среднеболгарском вокализме по патриаршему списку Летописи Манассии» (Спб. 1847, 2 изд. 1858). II. «О кирилловской части Реймского Евангелия» (Спб. 1848). В первой работе он рассматривает язык Летописи Манассии

по Син. списку. Остановился он на этом памятнике потому, что он еще не потерял свойств древнего языка и в то же время имеет ясно выраженные особенности своего времени, которые являются, в свою очередь, переходною ступенью к позднейшему болгарскому языку. Анализ памятника произведен очень внимательно, но все же делать заключение о среднеболгарском вокализме по одному памятнику не возможно. Но во всяком случае автор стоял на правильном пути: исследовать сначала отдельные памятники, а затем делать общие выводы. О кирилловской части Реймского Евангелия, по тогдашнему состоянию науки, он не пришел к правильному выводу: относил его к молдаво-валашской редакции и видел в нем памятник XIV в. После новейших исследований его, несомненно, считают русским памятником XI в. Специально русскому языку у него посвящена работа: «Замечания о языке сказания о св. Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи» (Зап. А. Н. 1862, II, 109—120). Она носит историко-литературный характер. В виду разницы слога Билярский не допускает возможности, чтобы они принадлежали одному и тому же автору. В методологическом отношении работа ценная (о личности Билярского и других его работах у Котляревского. Д. Р. П., 108—110, 167, у Ягича Э. С. Ф. I, 545—548, и у Истрина. «Письма к академику П.С. Билярскому». Одесса 1906).

Совершенно в ином роде грамматические работы современника Буслаева известного славянофила К. С. Аксакова. Хотя он и был знаком с трудами Буслаева и даже писал разбор его «Опыта истор. гр.», но он был далек от тех течений в филологии, которые с Запада были занесены к нам Буслаевым. В своих воззрениях на самобытное развитие исторической и культурной жизни русского народа, он не допускал необходимости применения к научному изучению русского языка методов западной науки: русский язык в его глазах был совершеннейший язык, как и русский народ был совершеннейший народ, само человечество. Изучать его надо сам по себе, без всяких предвзятых теорий и зна-

комств с историческим и сравнительным изучением языка. Вследствие этого его работы по языку представляют странное явление: с одной стороны отголоски мудрований в духе времени Шишкова, философской грамматики и вообще философских рассуждений старших московских кружков, увлекавшихся Гегелем, с другой — у него заметно и некоторое знакомство с историей языка: русский язык не смешивается с ц.-славянским, он изучается сам по себе вне условий истории его образования и конечно вне связи и родства с другими славянскими языками; не обращает он внимания и на результаты добытые, другими исследователями, а довольствуется лишь общими философскими рассуждениями, которые поэтому у него висят в воздухе, оказываются праздными и для науки непригодными. Старшая его работа «О грамматике вообще», написанная по поводу грамматики Белинского еще в 1838 г. (Полное собрание сочинений, II, 3 — 21), представляет в зародыше все черты позднейших его трудов этого рода. Его диссертация «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846 г., П. С. С., II, 23 — 388), собственно касается истории литературы, но и данные истории языка здесь (см., напр., II, 111 sq.) привлекаются повсюду. Правда, не везде подчеркивается существенное, кое-где проводятся и ошибочные взгляды, но все же ц.-слав. язык не смешивается с русским; факты располагаются по столетиям хотя и не рукописей, а появления самих памятников. Народный язык противополагается литературному (ср. еще положения VI, VII и VIII). «О русских глаголах» (1855 г., II, 407 — 438) и «Критический разбор Опыта истор. гр. р. яз. Буслаева» (1859, II, 439 — 660) не вносят ничего нового и развивают такие положения, с которыми решительно нельзя согласиться. Первая статья такого рода, что лучше было не затрагивать этого вопроса: Срезневский и Буслаев дали о ней довольно суровые отзывы; первый хвалил эту статью, как философскую и сожалел, что она не филологическая. Не лучше и его «Опыт русской грамматики» (1860 г., III т.). Это философская грамматика, построенная на строго логической основе. Всюду много слов, очень риторических выражений, но к фи-

лологии все это не имеет никакого отношения; где встречаются чисто филологические рассуждения, они не имеют цены. Нельзя впрочем сказать, чтобы при написании своего «Опыта грамматики» Аксаков не сознавал необходимости привлечения исторических и сравнительных данных: «Нужно было бы изложить Русскую грамматику в ее возможной полноте, в историческом движении языка и в сравнительном отношении к древним и современным языкам», говорит он в предисловии. Но такое изучение он считает зыбким. На язык он смотрит с точки зрения таинственной, мистической. «Слово есть высшее земное проявление самого разума, русский язык есть совершеннейший язык». Отсюда понятно, что «в грамматике нашей устройство русского языка рассматривается в той мере, в какой он себе оное выработал, при чем русский язык рассматривается самостоятельно и отдельно даже от соплеменных наречий». После этого дальше уже было некуда идти.

Труды К. Аксакова по языку производят тем более странное впечатление, что одновременно с ними явилась, кроме исследований Буслаева, еще магистерская диссертация М. Н. Каткова: «Об элементах и формах славянорусского языка» (М. 1845), прямо построенная на почве сравнительного изучения языков, черпающей свою основу в немецкой науке. Привлечение у него, хотя и не в достаточной мере, исторических данных и показаний других славянских языков говорит о том же. Свои выводы он строил главным образом на живом литературном языке, но всетаки обращался и к древним памятникам и, подобно Востокову, иногда пытался исторически следить за судьбою некоторых звуков, напр. глухих. Исторического материала в его работе вообще мало, но он ясно сознавал его важность. Одно из положений его диссертации решительно говорит: «единственный путь ведет к изучению законов языка — историко-сравнительный». Хотя и незначительное обращение Каткова к древним памятникам дало ему возможность сделать такое наблюдение, как «второе полногласие», впоследствии обстоятельно обоснованное Потебнею, Соболевским и Шахматовым. В этой диссертации, по словам Ягича (Э. С. Ф. I, 915), «и ныне еще читатель охотно отме-

чает много светлых мыслей и любуется критическим остроумием автора».

Решительный поворот в пользу исторического изучения русского языка у нас наступил после появления книги И. И. Срезневского: «Мысли об истории русского языка» (напечат. сначала в акте Спб. университета 1849 г., с приложениями в 1850 г.). В предшествовавших работах Востокова, Буслаева, Максимовича и др. ясно подчеркивалась необходимость решения разных вопросов русского языка на исторической почве изучения древнерусских памятников; даже в журналах того времени обсуждались вопросы о слиянии в живых русских наречиях разных иноязычных элементов: финских (сюда возводили между прочим причину русского полногласия), скандинавских, польских (влияние последнего языка на образование малорусского и белорусского наречий). Явно русские черты в таких памятниках, как Остромирово Ев., Сборник Св. 1073 г., давали толчок для суждения о том, какова древность русских черт и вообще русского языка и некоторых его наречий; каково их отношение к другим славянским языкам; каково отношение ц.-славянского языка к русскому. Требовалось дать на все подобные вопросы ответ и притом не частичный, а в известной системе, на основании известных принципов. «Мыслями» И. Срезневский и намеревался ответить, притом в строго методической системе на все вопросы, вызываемые судьбой русского языка. Как первый опыт, «Мысли» еще не представляют из себя подробного специального исследования; однако в этой работе строго проведен один принцип: постоянное, беспрерывное развитие языков путем превращений первоначальных богатых и разнообразных форм. Это превращение наблюдается в языках других славян, оно же свойственно было и русскому языку. Срезневский еще не мог восстановить прарусского языка, но на основании других славянских языков допускал его близость к самому древнему из славянских языков ц.-славянскому, усматривая различия между ними лишь в немногом, в особой роли ъ и ь, в отсутствии носовых гласных, в полногласии (сущность которого он, однако, представлял себе неясно); в области согласных еще не отмечены

ч вм. шт (щ) и *ж* вм. жд. Кое-что подчеркивается в формах и синтаксисе. Время с X по XIV век он считал переходным, когда употреблялись еще одновременно старые и новые формы. Здесь конечно он не отличал ц.-славянских особенностей от русских, невольно входивших в оборот литературного языка, хотя в то же время он решительно заявляет, что книжный язык отличался от народного всегда. Эти отличия он впрочем в X — XIV веках видит больше в привычках слога, чем в грамматических формах. Прочное начало образованию языка русского, отдельного от языка, которым говорил народ, положено было в XIII — XIV в., тогда же, когда народный язык подвергся решительному превращению древнего своего строя. Время XIII — XIV века для русского языка, как и для некоторых других славянских наречий, было временем решительного перехода к новому строю, выказавшему резко все свои особенности в XV — XVI веках. В XIII — XIV веках образовались и главные русские наречия — великорусское и малорусское. «Временное отделение Западной Руси от Восточной не могло не наложить печати на местных видоизменениях нового книжного языка: в XVI — XVII в. его западное видоизменение довольно ярко отделилось от видоизменения восточного». В «Мыслях» указана еще одна очень ценная методологическая задача: сначала изучить в отдельности каждый памятник, затем каждое наречие русского языка, влияние на него иностранных элементов; так же должен быть разобран и литературный язык в отношениях лексикальном, грамматическом и литературном, не забывая ни писателей образцовых, ни небрежных и т. д., и только тогда возможно приступить к составлению исчерпывающей истории языка (Владимиров 66 — 71). Таким образом в «Мыслях» собственно только конспект и отвлеченные указания на то, чего должна касаться история языка. Сюда следует еще прибавить его статью «О древнерусском языке» («Известия», V, 65 — 70). Как бы в исполнение своей программы в «Вестнике Географ. Общ.» Срезневский напечатал: «Замечания о материалах для географии русского языка» (1851, I, 1 — 24), «Русь Угорская», отрывок из «Опыта географии русск. языка» (1852, IV, 1—28).

В этом же роде и статья: «Частные вопросы о местных видоизменениях русского народного языка» («Известия», I, 185—188).

И. И. Срезневскому принадлежит еще издание разных древнерусских текстов с палеографическими и лингвистическими объяснениями; тексты издаются полностью или только в извлечениях, таковы, напр.: «Сказание о св. Борисе и Глебе по Синод. сп. XIV в.» (Спб. 1860) — фотолитографическое; «Древние памятники русского письма и языка с XI по XIV ст.» («Известия», X, 1863 г.). Это опыт хронологического указателя памятников древнерусской письменности. Составление такого указателя с определением хронологии каждого памятника — задача, требовавшая самых разнообразных знаний, многосторонних соображений, справок и огромного труда. Достоинство книги возвышается еще тем, что во второй части дано немало текстов, бывших дотоле не изданными. Кроме того, к изданию приложен прекрасный атлас снимков (в X т. «Известий» сокращенный и более полный отдельно). Многие номера «Сведений и заметок» также касаются русских памятников (Ягич. Э. С. Ф. I, 474 — 475). Ему же принадлежит капитальный труд: «Материалы для словаря древнерусского языка», I – III (Спб. 1890 — 1911), изданные уже после его смерти детьми.

Начал было заниматься древнерусскими памятниками в духе Срезневского и даже написал диссертацию в этом роде его ученик А. С. Будилович, которому принадлежит «Исследование языка др.-славянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи XI в.» (Спб. 1871). Но как видно из заглавия сам автор относил свою работу к др.-славянской области, а не русской, да затем он и заниматься стал другими предметами, имеющими лишь косвенное отношение к русскому языку.

Положения И. И. Срезневского по языку, высказанные им в «Мыслях», нашли наилучшее развитие в работах его старшего ученика П. А. Лавровского. В своей диссертации: «О языке северных русских летописей» (Спб. 1852) он не допускает в древнейшую пору русского языка (до образования русского государства) какого-либо разнообразия в строе языка,

его фонетике и формах грамматических, которое давало бы право видеть в языке два наречия; различие севера и юга могло сказываться лишь в словаре, что зависело от причин естественных — климата и произведений природы. Различие началось лишь с XIII — XIV ст., когда южная Русь была покинута севером после татарского нашествия. Следуя пути, указанному Срезневским в «Мыслях», П. Лавровский бо́льшую часть работы посвящает рассмотрению отличительных свойств древнерусского языка (утрата *ъ* и *ь*, непереходное смягчение *г*, *к*, *х*, окончания *-амъ*,*-ами*,*-ахъ* во множеств. числе, утрата достигательного, аориста и имперфекта, двойственного числа и пр., привлечены и синтактические особенности). От него он отличает старинный русский язык, «образовавшийся после забвения форм и оборотов древних и господствовавший в произведениях письменности отечественной с XV века». Значит, он разумеет старорусский литературный язык, который сохранился не только в письменных памятниках, но оставил свои следы и в произведениях народного творчества. Это дает ему основание, рассматривая язык летописей, сравнивать его с народной речью. Особенное внимание он уделяет новгородским особенностям. Последних оказывается мало (главным образом смешение *ч* и *ц*), остальные же черты — общие с южнорусскими. Отсюда естественно следовал вывод, что наши древние летописи и другие памятники домонгольского периода писаны языком, отличным от малорусского (конечно принимаются во внимание черты современного языка). В этом случае Лавровский во взгляде сошелся с Погодиным и стал противником Максимовича. Значит, и Лавровский появление русских наречий, как и Срезневский, относит к XIV в., забывая о новгородских приметах, отмеченных еще Востоковым для XI в. и найденных им самим в северных летописях. В «Описании семи рукописей И. Публичной библиотеки» («Чтения» 1858, IV) он впрочем признаки новгородского наречия подчеркивает, хотя и не придает им особенного значения.

Из других его работ по русскому языку заслуживают внимания «Замечания об особенностях словообразования и значения слов в древнем русском языке» («Известия», II, 1853);

«О русском полногласии» (ib., 1859), где он впервые выдвигает правильное наблюдение, что полногласные формы являются лишь в том случае, когда в неславянских родственных языках гласный предшествует звукам *r* или *l*; «Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими наречиями» (ЖМНП. 1859, № 6)— вопрос рассматривается здесь исторически. Когда возникло малорусское наречие — об этом он пишет в «Основе» 1861, № 8: «Ответ на письма Максимовича к Погодину о наречии малорусском» и № 11 — 12: «По вопросу о южнорусском языке»

Под влиянием «Мыслей» Срезневского занялся П. Лавровский и собиранием словарных др.-русских материалов, которые и помещал в издаваемых при редактируемых Срезневским «Известиях» — «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», это: «Выбор слов из летописей новгородских и псковских» (II т., 1 — 33), «Замечательные слова из Переяславской летописи» (ib., 126 — 128) (О других работах П. Лавровского у Ягича. Э. С. Ф. I, 548 — 550).

Говоря об историческом изучении русского языка в 50-х годах, пельзя обойти молчанием одного писателя этнографа, который не был специалистом филологом, но своими капитальными трудами много содействовал движению нашей науки вперед; имею в виду В. И. Даля. Его труды не были вызваны «Мыслями» Срезневского, но как раз соответствовали им в том пункте, где он требует предварительного изучения народного языка во всех отношениях. «Во всю жизнь свою», говорит Даль в своей автобиографии, «я искал случая поездить по Руси, знакомиться с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет или плесень... Сама жизнь на деле знакомила, дружила меня всесторонне с языком: служба во флоте, врачебная, гражданская, занятия ремесленные, которые я любил, — все это вместе обнимало широкое поле, а с 1819 г., когда я... убедился, что мы русского языка не знаем, я не пропускал дня, чтобы не записать речь, слово, оборот, на пополнение своих запасов». Так постепенно у этого врача, датчанина по происхождению, накоплялись богатства русского

языка. Одного у него недоставало — познаний по научной грамматике русского языка, реформировать которую он находил нужным (ср. Москвитянин 1842 г., I № 2, V № 9). Довольно ценная для своего времени его статья: «О наречиях русского языка» (V т. Вестн. Геогр. Общ. за 1852 г., перепечатана в предисловии к I т. Словаря 1 и 2 изд.). К недостаткам ее следует отнести неуменье Даля собранные им приметы подвести под общие грамматические правила, в чем сознавался и сам автор (Ягич. Критич. заметки об ист. р. яз., 8). Безусловно капитальным его трудом, которым он воздвиг себе памятник неувядаемой славы, является «Толковый словарь живого великорусского языка» в 4 томах (выходил выпусками с 1861 по 1868 г.; 2 изд. 1879 г.; 3-ье и 4-ое лучшее, переработанное, под редакцией Бодуэна-де-Куртенэ 1903—1913). По словам самого Даля, «словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно слово другим, но и толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных. Слова: живого великорусского языка — указывают на объем и направление всего труда». В пояснение значения того или другого слова приводятся, кроме синонимов, пословицы, поговорки, изречения. Словарь Даля для своего времени, да и теперь, является самым полным собранием слов живого великорусского языка, который несомненно питает литературную речь. И для целей исторического изучения языка он незаменим, так как по нему можно определить живучесть старинных слов, вышедших часто из употребления в литературной речи. Словарь Даля имеет значение и для определения уровня русской культуры: «стоит заменить словарное расположение предметным, и исследователь получит в нем изображение современной жизни русского народа, живую картину его современного нравственного бытия и деятельности, его нужд и потребностей, его мыслей, наивных верований, нравов и обычаев» (Котляревский. Д. П., 176). К недостаткам словаря относятся неправильности в расположении по гнездам, основанные на неверном словопроизводстве; присутствие кое-где слов собственного составления (они, правда, в объяснениях); очень слабая обработка исторической стороны языка.

Некоторые из перечисленных недостатков устранены редакцией 3-го и 4-го изданий, пополнившей в свою очередь словарь новыми запасами.

Значение знакомства с народными говорами для истории языка сознавалось уже давно, как мы об этом говорили неоднократно, при чем внимание исследователей было обращено не только на фонетику и формы языка, но и на словарь. За первую половину XIX ст. собраний последнего рода явилось несколько со стороны отдельных лиц и коллективных. Таковы, напр., работы: Макарова: «Опыт простонародного словотолковника» (Маяк, 1844, т. XVIII, Чтения, 1846—1847), «Опыт областного великорусского словаря» (Спб. 1852), изд. Отд. р. яз. и сл. А. Н., таково же обширное «Дополнение к Опыту обл. вел. словаря» (Спб. 1858). Все эти издания несомнено ценны, хотя в областном словаре «недостает полной ученой достоверности» (Котляревский), так как к народному иногда примешивается заведомо вымышленное или плохо записанное.

Одну из задач истории языка Срезневский усматривал также в определении и объяснении иноземных слов в языке русском. Многие из таких заимствований конечно сделаны еще в эпоху праславянскую, другие в прарусскую, но еще больше зашло иностранных слов в отдельные русские наречия в более позднее время. Без такого разграничения по эпохам, а также не всегда с указанием путей, как шли заимствования, и без прочной исторической основы, в некоторых случаях, впрочем, и удачно такие заимствования рассматриваются в разных филологических трудах середины прошлого столетия, группирующихся главным образом около наших Академических изданий; таковы, напр., труды: И. Срезневского «Мысли» (1850, стр. 129 sq.), Ф. Буслаева «Иностранные слова в славянских наречиях» (ЖМНП. 1867 № 8), Я. Грота «Областные великорусские слова финского происхождения» («Матер. для ср. и объясн. словаря», I, 65 sq)., его же «Областные великорусские слова, сходные со скандинавскими» (ib., 38 sq.), его же «Сравнительно-филологические и другие заметки о некоторых словах» (ib., I, 113 sq., III,

348 sq.), его же «Слова, взятые с польского или через посредство польского» («Филол. разыскания»), Буткова «О финских словах в русском языке» («Труды Р. Ак.», 1842, V), Сабинина «Матерьялы для сравнения русского языка со скандинавским» («Мат. д. ср. сл.», II, 129 sq.), Березина «Несколько замечаний об определении иностранных слов в русском языке» (Москвитянин, 1852 № 8, 106—109). Особенно много статей посвящено заимствованиям из восточных языков: Березина «Замечания о восточных словах в областном великорусском языке» (Матер. I, 186 sq., 323 sq.), Бобровникова «Областные великорусские слова, заимствованные от монголов и калмыков» (ib., I, 193 sq.), Григорьева «Областные великорусские слова восточного происхождения» (ib., 14 sq., 68 sq.), Казембека «Объяснение русских слов, сходных с восточными» (ib., 22 sq., 385 sq.), Петрова «Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными» (ib., 81 sq.), Шегрена «Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных» (ib., 145 sq.), Эрдманна «Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в Российский» (Казань. 1828).

Таким образом к началу 60-х годов, отчасти под влиянием «Мыслей» И. Срезневского, было сделано немало для возведения здания истории русского языка. Наука ждала только талантливых мастеров, и они не замедлили явиться в лице Потебни, Колосова, Соболевского, Шахматова и других лиц, группирующихся около них.

А. А. Потебня с успехом продолжал дело своих предшественников по изучению истории живого русского языка, как он звучал в устах народа; кроме того, он ввел под влиянием В. Гумбольта, Штейнталя и Макса Мюллера философскую струю в исследования по языку; много места он уделял в разных работах рассмотрению отношения мысли к слову; наконец, это же течение у него везде видно в его капитальных исследованиях по русскому синтаксису, им впервые поставленных на строго научную почву. Оставляя в стороне разные мелочи, остановимся на главнейших его работах. Сюда принадлежат: «Два исследования о звуках русского языка.

I. О полногласии и II. О звуковых особенностях русских наречий» (Воронеж. 1866, из Ф. З.). Работа о полногласии написана по поводу ст. П. Лавровского; она увеличивает фактический материал по рассматриваемому явлению, дополняет и расширяет разные соображения, высказанные предшествовавшими исследователями, и старается более прочно обосновать это явление на тогдашних положениях сравнительного языковедения. Но особенно ценна здесь вторая статья— об особенностях русских наречий. Воспользовавшись обнародованными до него материалами по живым русским говорам, Потебня не только дает их характеристику, по возможности исчерпывающую, но те или другие черты он старается осветить историческим материалом, также обыкновенно заимствованным из изданий старинных произведений. Таким образом у него предлагается как бы историческая диалектология русского языка. Особенно подробно он характеризует малорусское и великорусское наречия, но у него уже выступает постепенно и белорусское наречие, которое он пока не решается сопоставлять с малорусским и великорусским, как равное им, а видит в нем отпрыск южновеликорусского наречия, подвергшегося сильному влиянию малорусского. В рассмотрении южновеликорусского поднаречия очень ценны его наблюдения над заменой безударных гласных, впоследствии более подробно разработанные Богородицким и др. Известная формула (1. 2. 3. 1), указывающая силу слогов по отношению к ударению, установлена им впервые. Вообще у него везде заметно стремление не только констатировать факты языка, но и объяснить их. Очень замечательны главные положения, к которым он пришел в этом исследовании. «Русский язык, в смысле совокупности русских наречий, есть отвлечение; но возводя теперешние русские наречия к их древнейшим признакам, находим, что в основании этих наречий лежит один, конкретный нераздробленный язык, уже отличный от других славянских». Эти отличия в существенных чертах указаны правильно; некоторое увлечение, может быть, в *дж* при старославянском *жд*. «Раздробление этого языка на наречия началось многим раньше XII в.» Но дело автор представляет так, что

сначала явились черты отдельных говоров, а наречия уже образовались после. Однако, когда явились отдельные черты русских наречий, тогда уже не могло быть речи об общем русском языке. Впервые Потебня правильно представил причину основного различия великорусского и малорусского наречия в количественном различии гласных *о* и *е* в слогах закрытых. Тут же он отмечает, что переход *е* в *о* после шипящих и в других подобных случаях не зависел от ударения.

Особенно обстоятельно у Потебни везде рассматривается малорусское наречие, так как с ним он был знаком не только по печатным изданиям, но и практически. К малорусскому наречию он обращается и в других сочинениях, напр., «Заметки о малорусском наречии» (Воронеж. 1871 г. Ф. З.) и «К истории звуков русского языка» (I — IV. Воронеж — Варшава). В последней работе везде привлекается и общерусский материал. Тут он еще раз подтверждает мысль, что разделение русского языка древнее XI в. и что вся его история есть история русских наречий. Ясно, что и рассматривать явления языка огулом невозможно. В последних работах уделено немало места и русской лексикологии.

Но особенно ценны по глубине философских мыслей лингвистические исследования Потебни по синтаксису, вышедшие под скромным заглавием «Из записок по русской грамматике», I — II. 1874 г. Воронеж — Харьков, 2-ое изд. I — II, дополненное, 1889. III ч. вышла после смерти Потебни в Харькове под редакцией Харциева в 1899. Во введении (I) разобраны, напр., темы: что такое слово, грамматическая форма, этимологическая и синтактическая форма, создание и разрушение грамматических форм, грамматика и логика, предложение и его члены. Во II части рассматриваются «составные члены предложения и их замены в русском языке». Дополнением к I — II частям является III ч. «Об изменении значения и заменах существительного», есть еще и приложения. К синтаксису еще относится «Значение множественного числа в русском языке» (Воронеж. 1888). Синтактические исследования Потебни ценны не только по глубине мысли, но также потому, что в них везде привлекается материал из всего рус-

ского языка — литературного и народного, и не только современного, но и старого. Везде используются и выводы западной науки.

Говоря о Потебне и других русских ученых 60-х годов, нельзя не вспомнить, что в 1862 году в Воронеже был основан скромный провинциальный научно-педагогический орган: «Филологические записки, журнал исследований, рассуждений и наблюдений и критики по русскому языку и словесности, издаваемый А. Хованским». До 80-х годов здесь главным образом и печатались разные филологические работы русских ученых, а также переводные иностранные. Тут же явились и главнейшие сочинения Потебни. Этот журнал беспрерывно выходил до революции 1917 г., когда он погиб вместе с другими частными научными изданиями.

Уже в работах Потебни заметен большой уклон в сторону мелорусского наречия; специально ему посвящены работы П. И. Житецкого, современника Потебни и продолжателя его трудов в этой области. Житецкий не столько следит за диалектическими отличиями малорусского языка и даже не столько за его перерождениями на глазах истории, сколько пытается проникнуть в эпоху зарождения главнейших малорусских особенностей и понять их отношение к прарусскому языку. Русский праязык, древнерусский язык и современный малорусский — вот главные предметы его диссертации: «Очерк звуковой истории малорусского наречия» (Киев. 1876). «Главное внимание свое мы сосредоточим на сравнении звуковых элементов современного малорусского наречия в разных его говорах с первозвуками, из которых они образовались и которые рассеяны в памятниках древнего и среднего периода русской письменности» — говорит Житецкий. Из живых элементов особое значение придается северномалорусским говорам, особенно их дифтонгам (у͡о, у͡и, у͡э, ю͡о, ю͡и). Памятникам средней письменности он посвящает свой доклад о Пересопницком Евангелии 1556 — 1561 г. (на Киевском Археолог. съезде 1874 г.). К этому же вопросу он современем обратился в работе «Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в.» (Киев. Старина и отдельно 1888). Теоретические

построения Житецкого в то время еще не могли опираться на прочные основы, поэтому естественно подверглись обстоятельному разбору Потебни (в 20-м присуждении наград гр. Уварова), который старается подтвердить свой взгляд на довольно позднее падение глухих в русском языке, вопреки Житецкому, утверждавшему, что падение ъ и ь в русском языке началось очень рано, еще в прарусскую эпоху. К несомненным достоинствам диссертации Житецкого следует отнести его отправление от чисто физиологических явлений в языке, привлечение славянского сравнительного элемента, а также обращение к данным истории народа для объяснения истории языка, к чему с таким успехом в наше время обращался А. А. Шахматов. Работы Житецкого, несомненно, вызвали в науке интерес к малорусскому языку и немало содействовали дальнейшему его изучению у нас и особенно за границей в Галиции. Этот интерес поддерживался еще ценными материалами, собранными в «Трудах этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край» Чубинского, где (VII т. 1877 г.) напечатана хорошая с картой статья Михальчука: «Наречия, поднаречия и говоры южной России в связи с наречиями Галичины».

Верного ученика и продолжателя синтактических работ Потебня должен был иметь в А. В. Попове, которому принадлежала диссертация, напечатанная в Фил. Зап. 1879—1881 г., «Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях». Но ранняя смерть похитила этого даровитого ученого, и Потебне осталась лишь печальная необходимость напечатать некролог своего ученика.

Одновременно с Потебней на ученом поприще исторического изучения русского языка выступил другой ученик П. Лавровского М. А. Колосов. Хотя его ученая деятельность была непродолжительна (всего 13 лет), но она оставила заметные следы в русской науке. Из его ученых сочинений, минуя разные мелочи, сюда отнесем: «Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие» (Варшава. 1872);

«Загадочные звуки в истории русского языка» (Варш. 1876 г. по поводу кн. Житецкого «Очерк звуковой истории малорусского наречия»); «Почему в родительном падеже единств. числа прилагательных и местоимений окончание *го* (*аго*, *ого*) сменилось на *во* (*аво*, *ово*)?» (Фил. Зап. 1877). Достоинства и недостатки главного труда Колосова «Очерк истории»... в свое время отмечены Потебней в книге: «К истории звуков русского языка» (Варш. 1876). Он представляет первый систематический свод данных, касающихся звуков и форм русского языка, начиная с древнейших памятников и оканчивая XV столетием. Эта задача выполнена им очень тщательно и вполне добросовестно, насколько это можно было сделать в Варшаве, где нет русских рукописей, и при том в то время, когда о палеографически точном издании старинных памятников мало заботились. Все, что было сделано по изучению старинных памятников Востоковым, Срезневским, Буслаевым, Лавровским, у Колосова принято в расчет. Приводимые звуки и формы попутно также объясняются. Автор имел в виду также указание лингвистических признаков, кроме палеографических данных, по которым можно отнести памятники к тому или другому веку. Кое-где Колосов обмолвился и относительно принадлежности известных черт, больше особенных, северному—новгородскому, или южному—малорусскому наречиям. Рассматривая очень подробно приметы общерусского языка, Колосов, в сравнении с предыдущими исследователями, внес и лишнее: замену *ѣ* через *е*, мену *у* и *в*, изменение *ый* на *ой* и *ий* на *ей*. Эта прибавка основывалась на несколько неясном представлении общерусского праязыка, в который введены только черты великорусского наречия. Недостатки своего сочинения автор отчасти и сам сознает. Он не пишет истории русского языка, так как задачи ее слишком обширны и появление ее не возможно даже в близком будущем. «Мы находимся еще в периоде собирания и предварительной разработки материала». Исторический очерк, по мнению Колосова, представляет лишь систематический свод тех данных, которые рассеяны во множестве изданных памятников. Но если мы присмотримся

к системе, принятой Колосовым, то увидим, что она очень механическая: изложение фактов языка по столетиям слишком неудобно для уяснения развития тех или других явлений и распространения их в известных местностях. Все содержание очерка представляется отрывочным и, вследствие немногочисленности обнародованных тогда источников, нуждающимся в дополнениях, новой группировке материала и поправках. Две части книги — обзор особенностей древнерусского языка и свидетельства памятников — не связаны между собою: в первой части рассматриваются отличительные черты, как они указаны разными учеными, во второй излагаются особенности разных памятников. Объем задачи своей Колосов определяет словами: «мы следим за изменениями не всего русского языка, а только великорусского», а между тем в исследовании вопрос о разделении русского языка на наречия не рассмотрен, равным образом не отмечено, и какие памятники относятся к тому или другому наречию. Предугадывая подобный упрек со стороны читателей «Очерка», Колосов по вопросу о времени разделения русского языка на два главные наречия с уверенностью заявляет: «не считаем возможным со стороны кого бы то ни было решительно в настоящее время ответить на этот вопрос». Огульное распространение особенностей древних памятников на весь русский язык было причиной того, что некоторые черты, характеризующие отдельные наречия, были приписаны всему древнерусскому языку; это тоже один из существенных недостатков «Очерка». Выставив в предисловии верное положение относительно того, что «от настоящего м о ж н о заключать к прошедшему, но д о л ж н о лишь тогда, когда это прошедшее само не представляет нам достаточных данных для суждения о нем», Колосов слишком понадеялся на свидетельства своих источников и не привлекал для сравнения диалектологических данных живых русских говоров. Особенно полезны они были бы в тех местах, где идет речь о фонетике языка, так как о древних звуках можно судить лишь по теперешним, а не по сбивчивым показаниям славянорусской письменности. И сравнения с другими славянскими языками,

хотя бы и в самых незначительных размерах, напрасно не привлечены к делу. Тогда не пришлось бы допускать неестественных объяснений, напр., причастий на *-а* (мога), род. п. ед. ч. на *-е*, *-ѣ* и др. Еще обращают на себя внимание некоторые мелочи в отношении их объяснения, поставленные Колосовым на правильную почву. Так он, кажется, впервые точно устанавливает различие таких написаний, как блѣха, крѣвь (современное — блоха, кровь) и плѣкъ, тръгъ (др. русск. пълкъ, търгъ) и указывает причину разницы их огласовки. Рассуждая об отражении носовых гласных в русском языке, Колосов значительно опередил свое время в том отношении, что в появлении, напр., *ен* на месте ѧ он усмотрел «только след некогда существовавшего ринезма в общеславянском языке», а не русском. Высказывая это положение, он не восстает решительно и против мнения Гатталы (Č. M. K. Č. 1862, I, 138—139) о том, что в древнейшую эпоху др.-русск. язык знал носовые (ср. у Колосова 30, вын. 4), впоследствии подтвержденного также А. И. Соболевским в его лекциях. Колосов впервые высказал мнение, впоследствии развитое Фортунатовым и его школой, что общерусской заменой *ѣ* был дифтонг *ie*. Но это предположение высказано очень осторожно с прибавкой: «заметим, однако, что на основании памятников доказать сделанное предположение не возможно: в них на месте *ѣ* является *ѣ* или *е* или *и*, но никогда *ie*».

В статье «Загадочные звуки» Колосов рассматривает *ъ* и *ы*, которых он касался и в других работах. И здесь он поддерживает дифтонгичность древнего *ъ*. Что касается его заметки о форме род. п. на *-во*, то Колосов впервые высказал вполне основательное предположение, что *-во* могло явиться на месте *-ho*, а не *-go*.

Уже в своей вступительной лекции, читанной еще в 1871 г., Колосов высказался за необходимость изучения русской диалектологии, сознавая всю важность ее для истории языка. Однако, отвлеченный изучением старинных памятников, к занятиям ею он приступил лишь в 1874 г. Сначала он собирал и издавал народные произведения, особенно по поручению

Отделения р. яз. и сл. А. Н. (ср., напр., «Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия». Спб. 1876—1877), а затем свои наблюдения объединил в книге: «Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка» (Варш. 1878). И здесь, как и в Очерке, специальным предметом исследования Колосова служило лишь великорусское наречие в тесном смысле этого слова. И в рассматриваемой работе автор не заботился о характеристике отдельных мелких великорусских говоров, хотя разности северновеликорусского поднаречия в сравнении с южным определены во всех случаях. Задача Колосова, по его словам, «заключалась в том, чтобы определить звуковой формальный тип великорусского наречия сравнительно с бело- и малорусским». Каждая особенность народной речи, по возможности, ставится в связь с другими; явления современного языка сопоставляются с соответствующими др. русскими. Колосов стремился установить законы, управляющие изменениями в языке, но достигнуть этого он не мог, так как не были проделаны подготовительные работы и из них главнейшая—не указаны точно географическое распространение тех или других диалектических особенностей и цельные облики отдельных говоров. В виду указанного понятно заключение о трудах Колосова, сделанное В. А. Богородицким: «Проф. Колосов не различает в своем исследовании главнейших неударяемых положений, отчего его изложение неударяемого вокализма страдает спутанностью»... И в «Обзоре» обращают на себя внимание решения разных вопросов истории языка, как напр., вопроса о полногласии. Колосов одновременно с Миклошичем остановился на праславянской оглаогласовке *tort—tert*. В области безударных гласных он допускает переход *е* в *а* с предыдущей мягкостью не непосредственно, а при посредстве *ё*, т.-е., другими словами, указал то же наблюдение, которое значительно позже установил Шахматов, предположивший для общерусского языка переход всякого *е* в *о* перед несмягченным согласным. Распадения русского языка на наречия он относит к IX—X в., когда русский язык «быть может не представлял со стороны

звуков цельности в строгом смысле этого слова». Из наречий русских белорусское он считает более близким к великорусскому, чем к малорусскому, но в то же время находит, что старинное деление русского языка на три части не может считаться решительно ошибочным.

Не станем останавливаться на разных мелочах (ср. РФВ., L, 1 — 41), отмечу только, что в 1878 г. им основан ученопедагогический журнал «Русский Филологический Вестник», просуществовавший до 1917 г., когда он закрылся за неимением возможности печатать по отсутствию типографий с учеными шрифтами и бумаги. Редко кто из занимающихся русским языковедением не принимал в нем участия, печатая свои работы, исследования, диссертации, отзывы и т. п. Издавался он сначала под редакцией Колосова, с 1880 г. по редакцией А. И. Смирнова, а с 1905 под редакцией Е. Ф. Карского.

Под влиянием работ Колосова П. В. Владимиров (как говорит он сам: «Пятидесятилетие Мыслей Срезневского», 82 — 83) обратил внимание на некоторые рукописи Соловецкого м-ря и извлек из них данные, характеризующие более сев.-великор. наречие в работе: «Несколько данных для изучения сев.-великор. наречия в XVI и XVII в.» (Казань. 1878). Отвлеченный на время от лингвистических занятий чисто-литературными работами, он в 1888 г. выпустил опять труд, посвященный преимущественно языку: «Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык» (изд. ОЛДП.). Годом раньше он напечатал «Житие св. Алексея, человека Божия в западнорусском переводе конца XV в.» (ЖМНП. 1887 окт.). В обеих работах рассматриваются и особенности старого западнорусского языка, родоначальника современного белорусского. Ему же принадлежит «Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст.» (Киев. 1890. Чтения в Общ. Нестора Л., IV), где также попутно отмечаются черты южнорусские и западнорусские. Наконец, Владимиров дает отзыв о работах по белорусскому языку Е. Ф. Карского в статье: «Научное изучение белорусского наречия за последние десять лет (1886 — 1896 гг.)»

(Киев. Унив. Изв. 1898, май). Работа не во всех своих частях на надлежащей научной высоте.

Не произвела какого-либо движения в изучении русского языка, но подвела итоги всему сделанному в историческом изучении древнеславянского и древнерусского языков и письма книга проф. А. А. Котляревского: «Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения» (Воронеж. 1881, из Ф. З. Перепеч. в «Сборнике», L). Тут не только перечисляются все главнейшие работы, вышедшие до 1881 г., но и дается их оценка, хотя и краткая, но исчерпывающая, обыкновенно беспристрастная.

Настоящий расцвет в разработке русского языка в отношении историко-сравнительном начинается в нашей науке после выступления в ней энергичного ученого языковеда-реалиста А. И. Соболевского, около которого группируется целый ряд других ученых, так или иначе примыкающих к нему. Его исследования касаются и старославянского языка, явления которого он большею частью рассматривает сравнительно с русским, и языка русского — древнего и современного во всем его разнообразии — литературной речи и народных говоров. Мы рассмотрим лишь те работы, которые специально касаются русского языка.

Уже в первых своих статьях по русскому языку, появившихся на страницах РФВ. в 1881 г., объединенных под общим заглавием «Исследования в области русской грамматики», составлявших магистерскую диссертацию начинающего тогда ученого, перед наукой выступил очень начитанный в древнерусских произведениях исследователь, обладающий обширными познаниями в области языка, богатой сообразительностью и смелостью в решении разных спорных вопросов. Некоторые объяснения его, строго обоснованные на реальных данных старинных произведений и живых фактах русского и других славянских языков, подтвержденные выводами сравнительного языковедения остаются до сих пор достоянием науки. Таковы его наблюдения над окончанием *ъ* в род. п. ед. ч. основ. на -ĭa, винительном и именит. множ. ч. тех же основ, а также на -ĭo; над окончанием 3 л. ед. и мн. ч. глаголов без личного

суффикса и нек. др. — Вторая его диссертация: «Очерки из истории русского языка» (часть 1-ая. Киев. Университетские Изв. 1884 г. с приложениями, не вошедшими в отд. издание), стоящая еще выше первой, внесла порядок в хаотическую массу др.-русских памятников, описанных и неописанных, указав несколько примет, по которым они легко распределяются по разным областям. Предшествовавшие исследователи пока только успели определить новгородскую примету — смешение *ц* и *ч*, А. И. Соболевский указал несомненные признаки южнорусских памятников так называемого галицко-волынского типа и памятников псковских. На основании изучения языка 15-ти больших памятников он пришел к заключению, что галицко-волынские памятники XII — XV веков характеризуются появлением в них *ъ* на месте *е*, явившегося из *е* в слогах закрытых, ставших таковыми после падения *ъ* и *ь* в тех случаях, где со-временем в малорусском явилось— в северном *ie͡*, а в украинском *і*. Впоследствии к чертам южнорусского типа, куда, кроме галицко-волынского, зашел еще и киевский, Соболевским и критиками его работы были добавлены и другие особенности, о чем у нас речь после. Псковские особенности установлены автором на основании разбора до 10 рукописей, явившихся в этой области. Его ученики, держась указаний «Очерков», число таких памятников значительно увеличили. — И после напечатания «Очерков» А. И. Соболевский в ряде статей, появившихся в РФВ., собирает данные, характеризующие рукописи, относящиеся к той или другой области. Такова его статья «Смоленско-полоцкий говор в XIII — XV в.» (РФВ, XV), «Одна особенность старого новгородского говора» (ib., XVI), «Псковской Трефолой 1446 г.» (ib., XIX) и др., «Источники для знакомства с древнекиевским говором» (ЖМНП. 1885) и др. Попутно Соболевский не оставляет без внимания и других вопросов, имеющих отношение к истории русского языка.

Обе отмеченные диссертации А. И. Соболевского, другие статьи по истории языка и многочисленные накопленные им материалы непосредственно из рукописей послужили основанием его главного труда «Лекций по истории русского

языка» переделывавшихся и дополнявшихся при новых изданиях (Киев, 1888, 4-ое изд. М. 1907). Фактический материал, собранный здесь, до сих пор еще не заменен ничем другим и служит богатым пособием для всех занимающихся историей русского языка.

«Лекции» Соболевского не есть еще «история русского языка»: они предназначены для учебных целей. Поэтому содержа в себе весь материал, нужный для истории языка, или по крайней мере исторической грамматики, они располагают свои сведения в таком порядке, какой наиболее удобен для учебных целей. По той же причине и само изложение в них, в угоду популярности, иногда слишком упрощается, хотя и без вреда для научности. Изложение везде реально-фактическое. «Мы не предлагаем ни на чем не основанных гипотез и не предаемся лингвистическим мечтаниям (вошедшим, увы, в моду в молодую науку о русском языке)»—говорит автор в предисловии к 3-му изданию «Лекций». После краткого введения о составе русского народа и о причинах, вызывающих те или другие изменения в языке, дается перечисление источников и пособий по изучению последних. Не достает только характеристики изучения русского языка в предшествовавшее время. Впрочем статья «Из литературы предмета», довольно обширная, приложена в конце книги, а в 1-м издании была разбита по соответствующим главам. В III главе рассматриваются главные звуковые особенности русского языка, отличающие его от других славянских языков. Здесь, в сравнении с предыдущими исследователями, сильно выдвигается «второе полногласие»; подчеркиваются некоторые новые мелкие черты (отсутствие *г* перед *н*, появление на письме *щ* вм. группы *сш — сх* и под.); пока недостаточно выяснена причина возникновения в русском языке групп -*оло*- из праслав. *-el̆- (в слове молоко) и -*ол*- из прасл. *-ьl̆- (волк). Значение начального *о*- при инославянском *е*- несколько умаляется. Более подробно эта особенность рассмотрена в специальной статье, напечатанной в РФВ. VIII. Глава IV рассматривает главные звуковые особенности древнерусских говоров. Эта статья впервые является в подобных работах, так как до сих пор

отмечались черты лишь некоторых отдельных говоров. Все данные, указанные в «Очерках», с дополнениями перечисляются здесь. Характеризуются говоры — новгородский, псковской, смоленско-полоцкий, старый западнорусский (белорусский), галицко-волынский, киевский и нек. др. В V главе рассматриваются звуки др.-русского языка «в начале его исторического существования», которые таким образом большею частью совпадают с прарусскими звуками; но тут же рассматриваются и те особенности, которые относятся к отдельным др.-русским говорам, в предыдущей главе очерченным в общих штрихах. VI и VII главы посвящены истории гласных и согласных звуков. Тут рассматриваются изменения прарусских звуков до их современного состояния. При этом обыкновенно указываются те причины, условия и положения, от которых зависели изменения звуков во всем русском языке или на почве отдельных его наречий и говоров. Во главе истории др.-русских звуков поставлено, как и естественно ожидать, исчезновение глухих, которое вызвало разные перемены в области гласных и согласных. Эти изменения в области гласных затем и рассматриваются. Далее идет история *ъ* и последствий его совпадений с другими звуками — опять по всем наречиям и говорам русского языка. Затем излагаются явления, находящиеся в связи с ударяемостью и безударностью гласных — аканье и т. п.; тут же отмечаются другие мелочи, касающиеся гласных звуков. В области согласных во главе изложения также поставлены следствия исчезновения глухих, произведшие новые положения между согласными. Рассматриваются затем и другие явления в этой области, вызванные другими причинами. Можно бы указать некоторые маловажные случаи в истории гласных и согласных, которые не отмечены в «Лекциях» (ср. «Критич. заметки» Ягича, 30 — 87), но ведь перед нами не исчерпывающая история языка, а только «Лекции» по ней. В VIII главе разбираются главные формальные особенности русского языка в склонениях и спряжениях, а потом в IX — X главах дается история форм склонения и спряжения. Факты жизни языка везде сопровождаются соответствующими объяснениями. XI гл. рассматривает русское ударение — отдел

совершенно новый в сочинениях подобного рода. XII гл. — заключение — подводит главнейшие итоги продыдущему изложению. «Русский язык древнейшей эпохи был один язык в полном смысле этого слова. Он делился на говоры, из которых говоры северозападного угла древней Руси — новгородский, псковской, смоленско-полоцкий — выделились в отдельную группу, благодаря особенностям своего консонантизма. Прочие говоры — говоры южной, западной и северовосточной Руси — были почти тожественны, и все их отличительные черты заключались в различной звуковой окраске очень немногих слов и в различных окончаниях очень немногих форм». «Исчезновение глухих *ъ* и *ь* повело к разделению русских говоров на две группы — югозападную и северовосточную». «Северовосточная часть русского языка в свою очередь распалась на две группы. Не позднее XIV в. получило свое начало аканье, или изменение качества неударяемых *о*, *а*, *е*». «Вместе с тем последовало разделение южной группы северовосточной части, благодаря переходу в западных говорах этой группы *д* и *т* мягких в *дз* и *ц*».

«Целый ряд явлений, развившихся в русском языке в историческую эпоху, свойствен также всему русскому языку». «Общие черты сближают между собою русские наречия настолько, что сходство их друг с другом замечается даже предубежденным глазом».

«Около XVI в. русский язык в значительной части своих черт был уже тем, чем он является в наши дни».

В «приложении» к лекциям даны образцы древнерусского склонения и спряжения XI в.

Уже в своих «Лекциях» А. И. Соболевский, рассматривая те или другие явления языка, для уяснения и освещения их обращается к данным живой народной и литературной речи. Но этим он не ограничился, а стал читать своим слушателям целые курсы по русской диалектологии, чего, повидимому, не предпринимали до него профессора русского языка в высших учебных заведениях. Эти курсы попали и в печать, под заглавием: «Очерк русской диалектологии» (Живая Старина, 1892, 1 — 4), где изложены южновеликорусское, северновелико-

русское, белорусское и малорусское наречия. Во 2-м издании книга вышла под заглавием: «Опыт русской диалектологии. Вып. 1. Наречия великорусское и белорусское» (Спб. 1897). Диалектологические вопросы занимали Соболевского и после в разных статьях и заметках (ср. №№ 117, 121, 124, 147, 203, 229, 261, 262, 277, 278, 341 в указателе трудов при его автобиографии, напечатанной в «Имп. Академии Наук, III. Материалы для биографического словаря д. чл. И. А. Н.», ч. II, Прг. 1917, 158 — 170). В «Очерке» — «Опыте» собрана масса печатного материала, характеризующего главные наречия и говоры русского языка. Материал этот расположен по определенным районам и отдельным местностям. Нет сомнения, что эта работа Соболевского в сильной степени заинтересовала исследователей русского языка явлениями живой речи и побудила их заняться более внимательным наблюдением над народным языком и собиранием, а также объяснением его особенностей. Дело этим не ограничилось: явилось желание поставить теперешние явления в связь с прошлым языка, а иногда даже видеть зарождение их в прарусском и праславянском языках.

К историческому изучению русского языка имеют отношение и работы А. И. Соболевского по палеографии. Уже в своих «Очерках» и других сочинениях, касающихся древних рукописей, он не только извлекает лингвистические материалы, но и знакомит с палеографическими особенностями памятников. В Петроградском у-те и Археологическом институте, в бытность свою профессором этих заведений, Соболевский читал систематические курсы по палеографии. Они несколько раз литографировались и пользовались вполне заслуженным вниманием лиц, интересующихся этим предметом. Наконец они появились и в печати, под заглавием: «Славянорусская палеография» (2-ое изд. Спб. 1908). Эти курсы, как и «Лекции по ист. р. яз.» и «Опыт диалектологии», послужили руководящим пособием для других лиц, занимающихся палеографией. Под его редакцией на средства Археологич. института выпущено несколько альбомов снимков: «Палеографические снимки с русских рукописей XII — XVII в.» (Спб. 1901);

«Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в.» (Спб. 1903); «Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI — XVIII в.» (Спб. 1906). Есть и другие его статьи, имеющие отношение к палеографии.

Имеют отношение к научной разработке русского языка и заинтересовавшие А. И. Соболевского в последние годы вопросы, касающиеся древнейших взаимоотношений русских племен, а также связей их с доисторическими обитателями Европейской равнины, географической и племенной номенклатуры. Сюда относятся, например, его статьи: «Русско-скифские этюды» (ИОРЯС, XXVI и XXVII).

В своих работах, касающихся др. ц.-славянского языка, Соболевский также попутно затрагивает и явления русского языка, часто излагая те и другие параллельно.

Один отдел работ А. И. Соболевского, касающийся говоров южной Руси и состава населения в теперешнее время и в старину, вызвал ряд критических и других статей, написанных с некоторой нетерпимостью к чужим мнениям, со стороны А. Е. Крымского, несомненно хорошего украинского патриота, арабиста по специальности, но не всегда опытного в вопросах славистики. Таковы его статьи: «Филология и Погодинская гипотеза» (Киев, 1904), где вспоминается спор Погодина с Максимовичем и отражение Погодинских взглядов у Соболевского; «Деякі непевні крітерії для діялектольогічної клясификації староруських рукописів» (Науковый сб., присвяч. М. Грушевскому. Львів. 1906); «Древне-киевский говор» (ИОРЯС, 1906. кн. 3); «Украинская грамматика» (М. 1907 — 1908) производящая странное впечатление: в ней недостает начала, нескольких листов и целых выпусков в середине, изложение научных фактов, подчас очень ценное, сопровождается крайним полемическим задором по адресу академика Соболевского. С бо́льшим спокойствием написаны статьи в книжке: Акад. Ол. Шахматов — Акад. Аг. Крымский: Нариси з історії української мови та хрестоматія» (Київ. 1922).

Некоторые сочинения А. И. Соболевского подверглись разбору известного слависта И. В. Ягича, который в быт-

ность свою профессором Петроградского у-та читал и историю русского языка. В книге «Критические заметки по истории русского языка» (Спб. 1889) он дает немало материалов, которыми считал возможным отчасти восполнить пробелы «Лекций» Соболевского, отчасти выставить и оправдать свои взгляды. Многолетняя ученая деятельность Ягича больше касается славянской филологии вообще, но и в области русского языка им оставлены заметные следы. В 1882 г. им была представлена в Отделение русск. яз. и словесности И. А. Н. записка, в которой он предлагал Отделению взять на себя «полное издание древнейших памятников русской письменности». Отделение одобрило его предложение; и вот в 1886 г. вышел первый большой том, заключающий в себе «Служебные минеи за сентярь, октябрь и ноябрь по рукописям 1095 — 1097 г.» Труд по внешнему виду и по достоинству капитальный. В 1895 г. им же выпущено другое подобное в высшей степени интересное издание. «Рассуждения южнославянской и русской старины о ц.-славянском языке», имеющее значение при изучении старинных югославянских и русских рукописей, особенно XV и следующих веков. В разных его работах, касающихся др. ц.-слав. языка и других славянских языков, имеются данные, относящиеся и к русскому языку. Особенно в большом изобилии использован русский материал в его работе по славянскому синтаксису: «Beiträge zur slavischen Syntax» (Wien, 1899. Denkschriften, XLVI). Хотя эта работа появилась и вне пределов России, но ее автор состоял нашим академиком. Нельзя не упомянуть еще и о его библиографической работе, давшей нам немало материала для предшествовавшего изложения: «История Славянской Филологии» (Э. С. Ф. I. Спб. 1910).

Перечень ученых трудов Ягича, в том числе и по русскому языку имеется в его автобиографии, напечатанной в «И. Академии Наук. Материалы для биограф. словаря д. членов И. А. Н.». Ч. II (Пгр. 1917), 251—273. Дополнение к ним в некрологах Ягича († 1923); ср. ИРАН 1923, сент., и ИОРЯС XXVIII, мои статьи.

Тут же следует упомянуть о работах и другого не специалиста по русскому языку из славистов, но оставившего

и в истории русского языка некоторые следы. Имею в виду разные сочинения Р. Ф. Брандта. Уже в его «Начертании славянской акцентологии» (Спб. 1880 г.) русскому языку уделено подобающее место. Затрогивает он разные вопросы истории русского языка и в «Грамматических заметках», печатавшихся в РФВ. 1881 и след. годах, а также в многочисленных примечаниях к переведенной Н. В. Шляковым под его редакцией «Сравнительной морфологии славянских языков» Ф. Миклошича (М. 1884 — 1887). Брандту приходилось читать сначала в Нежине в Историко-филологическом институте, а потом в Москве и курс истории русского языка, результатом чего вышли его «Лекции по исторической грамматике русского языка», вып. I. Фонетика (М. 1892) — работа, касающаяся больше литературной русской речи. Особенно подробно рассмотрен в ней вопрос о полногласии. Во 2-м издании (М. 1913) она переделана в «Лекции по истории русск. языка», курс популярный, читанный слушателям Моск. Археологического Института. Исторический материал берется больше из «Лекций» Соболевского.

Непосредственно к Соболевскому примыкает своими исследованиями по русскому языку его ученик Н. М. Каринский, занявшийся главным образом углублением намеченных его учителем вопросов по русской исторической диалектологии. Сюда принадлежат: его диссертация «Язык Пскова и его области в XV в.» (Спб. 1909); «Очерки из истории псковской письменности и языка». I — II (Пгр. 1916 — 1917). Для правильной оценки этих работ необходимо принять во внимание и несколько пристрастный в другую сторону отзыв Шахматова (ЖМНП. 1909, июль). Каринский написал и несколько мелких работ по русскому и старославянскому языкам, напр. «О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа» (РФВ. XL), «О говорах восточной половины Бронницкого у.» (ИОРЯС. 1903, кн. 1 и 2), «Остромирова Ев., как памятник др.-русск. языка» (ЖМНП. 1903, № 5) и др., а также несколько пособий (хрестоматии, альбом глаголических снимков), исполненных вообще со знанием дела.

Ему принадлежит, наконец, ценное издание, законченное Академией Наук: «Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. 68 фототипических снимков с древнерусских памятников, преимущественно XI в. на 29 таблицах к печати приготовил и вводною статьею снабдил проф. Н. М. Каринский» (Ленинград. 1925. f° большое. 19 + 29 таблиц).

Очень талантливого ученика имел А. И. Соболевский в Л. Л. Васильеве, рано потерянном для науки. Ему принадлежит несколько тонких наблюдений над языком старинных рукописей и живых русских говоров, напечатанных больше в РФВ (ср. тт. XLVII, LVII, LVIII, LXI, LXIX, LXX и LXXVIII) Таковы еще: «Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в Обоянском говоре» (ИОРЯС. 1904, кн. 1), «К истории звука *ъ* в Московском говоре в XIV — XVII веках» (ib., 1905, кн. 3) и др. Весьма ценна в разных отношениях не законченная еще печатаньем его работа: «О значении каморы в некоторых др.-русских памятниках XVI — XVII веков. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии» (РФВ, LXXVIII, 156 sq.). Васильев также углубляет положения Соболевского, но у него заметно и стремление самостоятельно обследовать с разных сторон особенности старинных рукописей и живого языка с целью указать те причины, которые вызвали известные действия. В некоторых случаях на работах Васильева сказывается и влияние Шахматова, который, в свою очередь, очень внимательно следил за выводами молодого ученого.

Параллельно с историко-сравнительным изучением русского языка в трудах Потебни, Колосова, Соболевского, их учеников и последователей у нас шло и просто лингвистическое изучение русского языка, больше литературного, с физиологической и психологической точек зрения (без привлечения данных истории языка) в школе известного языковеда И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Уже сам основатель этой школы, профессор сравнительного языковедения в Казанском, Юрьевском и Петроградском университетах, в своих общих курсах старался базироваться на данных русского языка: ср. его «Глоттологические (лингвистические) заметки» (вып. I. Во-

ронеж. 1877), «Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков» (РФВ. V); «Заметки об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний» (ib. XLVIII) и т. п. Некоторые экскурсы он уделял и специально русскому языку, напр., «Отрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка» (Вып. I. Воронеж, 1882). В том же роде действовал и его ученик Н. В. Крушевский, в широком размере в своих лекциях и исследованиях старавшийся использовать русский и другие славянские языки.

Особенно много сделал в указанном отношении ученик названных языковедов проф. В. А. Богородицкий, которому по русскому языку принадлежит больше трудов, нежели по сравнительному языковедению. Первые его работы — все по живому русскому языку: «Гласные без ударения в русском языке» (РФВ, IV, 1880 г.); «Введение в изучение русского вокализма» (ib. VII — IX); такова же его магистерская диссертация: «Гласные без ударения в общерусском языке» (Казань, 1884). В перечисленных работах развиваются те мысли, которые в свое время были намечены еще Потебней, но не получили в его сочинениях окончательной отделки. И у Богородицкого, который основывается в своих заключениях главным образом на литературной речи, в провинциальном ее произношении, вопрос о редуцированных гласных русского языка еще не выяснен вполне. Большой труд Богородицкого «Курс грамматики русского языка», печатавшийся сначала в РФВ (X, XII, XIII, XV — XVII, XXVII), а затем с разными переделками, дополнениями и сокращениями напечатанный отдельно в Казани несколько раз (последнее изд. 1918 г.) — весь построен в духе Бодуэновской школы. Отличительная его особенность — популярность изложения при сохранении научности в содержании. Начиная уже со 2-го изд. «Общ. курса р. грамматики» к ней прибавлен «Краткий очерк диалектологии и истории русского языка» (Казань 1910. 8°, стр. 273 — 405). Отличительная особенность этой прибавки — простота и доступность изложения с приведением соответствующей библиографии; хотелось бы встретить

ольше самостоятельности в использовании историко-сравнительного материала. Как новость в трудах Богородицкого является привлечение данных экспериментальной фонетики. Этому вопросу у него посвящены и специальные статьи, напр. «Наблюдения посредством мышечного чувства над произношением звуков русского языка» (РФВ. LVII), «Заметки по экспериментальной фонетике» (ib. LXVIII), «Опыт физиологии общерусского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными» (Казань, 1909), «Очерки по языковедению и русскому языку. Пособие при изучении науки о языке» [3] (Казань, 1910); «Курс экспериментальной фонетики применительно к литературному русскому произношению» (Казань, 1917). При чтении всех трудов Богородицкого одна черта школы особенно бросается в глаза: большая склонность к употреблению научной терминологии Бодуэна, больше иностранной, маловразумительной для обыкновенного читателя, и обращение к формулам, напоминающим по форме математические, но очень далеким от последних по точности содержания. Они часто не только не разъясняют тех или других положений науки, но даже затемняют их, отпугивая обыкновенного среднего читателя нередко непонятными значками.

Во всем следовал своей школе и С. К. Булич, также проф. сравнительного языковедения, но преподававший больше русский с ц.-славянским языком и писавший свои работы чаще по этим языкам. Такова его диссертация: «Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке» (Ч. I. Спб. 1893). Буличу принадлежит и обширный труд «Очерк истории языкознания в России» (Спб. 1904), давший обильный материал и для вводной части нашего «Очерка» теми своими отделами, которые касаются русского языка (а они составляют большую часть книги). Ему принадлежит и несколько мелких статей по русскому языку и библиографических очерков в энциклопедических словарях.

К той же школе принадлежит и языковед Ленинградского у-та Л. В. Щерба, также занимающийся славянскими и русским языком. Его работа «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (Спб. 1912) дала самостоятель-

ные, часто новые решения основных вопросов русского вокализма. Он едва ли не единственный из учеников Бодуэна в России продолжал углублять и развивать те общетеоретические основы психологической лингвистики, которые заложены его учителем. Другие его труды перечислены в ИРАН 1924, 513 — 515.

Особое место в истории изучения русского языка занимает известный историк русской литературы и писатель, академик Я. К. Грот, деятельность которого по русскому языку началась очень давно, еще в 50-х годах (с 1847 г.), но продолжалась до 1892, а в своих результатах на нашей школе и печати сказывалась до последней орфографической реформы в 1917 г. Грот не принадлежал ни к какой лингвистической школе ни русской, ни иностранной, но он внимательно прислушивался к господствующим в науке течениям, старался не отставать от них и быть на надлежащей высоте. Только последнее историко-сравнительное течение вместе с русской диалектологией его почти не затронуло. Это и естественно, так как он изучал живую литературную речь с уклоном к орфографии, а также словарный состав литературного языка и отчасти народного, затем язык отдельных писателей. Во всех указанных областях у Грота много ценного материала; не менее собрано им сведений и фактов для истории литературной речи XVIII — XIX веков.

Все труды Грота по языку объединены в одном большом томе (II-м) посмертного издания (Спб. 1899 г., 8° слов. XVIII + 943), еще самим автором впервые названном в 1873 г. «Филологическими разысканиями», и с таким названием издававшимися с добавлениями три раза. Сам автор делил их на две части: 1. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка и 2. Спорные вопросы русского правописания.

Что касается произношения звуков русского языка, то эти вопросы занимали Грота давно: уже с 50-х годов и до 1884 г. Он рассматривает господствующие теории в применении к звукам литературной русской речи (ср. стр. 220 — 262, 473 — 507 и др.) и не без успеха приходит к настоящим научным заключениям, хотя естественно придерживается тер-

минологии, господствовавшей в то время. Так, напр., в статье «О произношении *э*, *е*, *ъ*» (Спбург. Ведом. 1847 г.) он одновременно с известным академиком Бетлингом («Beiträge zur Russischen Grammatik». Bulletin № 195, 196, т. IX № 3, 4) установил различие, выражаясь теперешним языком, между напряженным и ненапряженным *е* в зависимости от следующего твердого или мягкого согласного. Много места уделяет он физиологии звуков и в «Спорных вопросах русского правописания», вошедших в его популярное издание «Русское правописание» 1884 г. (последнее, 22 изд., 1916 г.). Не мало полезных данных имеется у Грота и по русскому ударению в статьях: «О спряжении русского глагола и о важности в нем ударения», «О глаголах с подвижным ударением», «О русском ударении вообще и об ударении имен существительных» (263 — 353). Здесь во многом Грот является продолжателем Востокова («Русская грамматика... полнее изложенная»). Целый ряд статей у Грота посвящен языку отдельных писателей и их заслугам в истории русского литературного языка. Сюда принадлежат: «Карамзин в истории русского литературного языка» (46 — 98); язык Державина исследован в издании его сочинений. Много сделано Гротом и по словарю русского языка. Им дана исчерпывающая рецензия на словарь Даля (1 — 45), рассмотрены некоторые словарные издания по народному языку, а также словарные работы у Шведов, Немцев, Датчан и др. Все это делалось с целью подготовки к новому изданию академического словаря, который и вышел от *А* до *Д* под редакцией Грота (1891). Несколько статей уделено у Грота рассмотрению иностранных заимствований в русском языке (о старинных технических терминах, «шпильман», слова сходные со скандинавскими, финскими, взятые из польского). Вся вторая часть «Филолог. разысканий» посвящена рассмотрению истории русского правописания и вопросу об орфографии у народов Запада и у русских. Русское правописание рассматривается, начиная от Тредьяковского и кончая реформой 1884 г. Книга Грота по этому предмету разошлась в сотнях тысяч экземпляров, воспитав на зафиксированной орфографии целый ряд поколений.

Аподиктичность установленного Гротом канона, подкрепленная строгими министерскими циркулярами, послужила и причиной ниспровержения старого правописания, которое по своей мелочности стало в конце концов невыносимым, непосильным для народа, особенно, когда понадобилось ввести всеобщее обучение. Не выдержало оно и строго научной критики, так как многие его положения не опирались на основания, вытекающие из истории языка.

Под влиянием знакомства с трудами по русскому языку Потебни, Колосова, Миклошича, Соболевского, написанными в историко-сравнительном духе — с одной стороны, с другой — под неизбежным влиянием законов живого языка, как они отразились в трудах Бодуэна-де-Куртенэ, Богородицкого, Брандта и др., началась и деятельность по русскому языку автора настоящего Очерка Е. Ф. Карского, впервые выступившего на указанном поприще в половине 80-х годов XIX столетия. Будучи природным белорусом, получив воспитание и образование среди белорусов, следовательно, с самого детства вращаясь в белорусской среде, автор приобрел некоторую опытность в белорусских говорах, которую затем подкрепил знакомством с записанными произведениями на народном языке. Естественно, что еще на студенческой скамье он занялся изучением белорусского наречия, собиранием живых материалов по языку, наблюдением действующих в нем законов и обоснованием тех изменений, которые произошли в нем в течение его многовековой жизни. Результатом таких изучений и явилась работа: «Обзор звуков и форм белорусской речи» (М. 1885). Благосклонное отношение критики к этой работе и первоначальная служба в Белорусской области (Вильна) побуждали автора продолжать свои исследования в начатом направлении. Удалось лично сделать несколько записей из разных мест, да кроме того познакомиться со вновь выходившими сборниками народных произведений Шейна, Романова, а также других лиц, менее важными. Виленская Публичная библиотека, богатая в то время разными западнорусскими рукописями, дала обильный исторический материал. Результатом всех этих изучений явилась работа «К истории

звуков и форм белорусской речи» (Варш. 1893). После этого у автора явилось желание познакомиться со всеми главнейшими памятниками старого западнорусского наречия, хранящимися в библиотеках Петрограда, Москвы, Варшавы. Старинные произведения изучались с палеографической, фонетической, морфологической, отчасти синтактической и лексикальной сторон. В результате явился ряд небольших исследований: «К вопросу о разработке старого западнорусского наречия» (Вильна. 1893), где перечислены все бывшие известными в то время автору памятники; «Два памятника старого западнорусского наречия: 1) Лютеранский (л. б. Кальвинский) катихизис 1562 г. и 2) Католический катихизис 1585 г.» (ЖМНП. 1893, авг.): «О языке так называемых литовских летописей» (Варш. 1894. Варш. Унив. Изв. 1894 № II и III); «Западнорусские переводы псалтыри в XV — XVII в.» (Варшава, 1896). В последней работе рассмотрены все рукописи псалтыри с западнорусскими особенностями в языке. Указаны источники переводов. Всюду главное внимание обращено на язык. В дальнейших работах также продолжалось изучение старинных памятников, давших материал для очерков: «Западнорусский сборник XV в. И. Публ. б. Q I № 391» (Спб. 1897, из ИОРЯС, II); «Западнорусское сказание о Сивилле пророчице по рукописи XVI в. Текст сказания, его состав и язык» (Варш. 1898. В. Унив. Изв. 1898 № II); «Особенности письма и языка рукописного сборника XV в., именуемого летописью Авраамки» (Варш. 1899. В. Унив. Изв. 1899 № III). Одновременно продолжалось и изучение живых белорусских говоров разных мест как непосредственно, так и по ответам на «Программу для собирания особенностей белорусского наречия», основа для которой была составлена автором; издана она Отделением Р. Яз. и Сл. А. Н. (Спб. 1897, 2 изд. 1916) и им же разослана. Когда автор ознакомился с главнейшими памятниками старого языка и современного белорусского, а также с научной разработкой того и другого, у него явилось желание объединить все свои труды по белорусоведению в одном издании «Белорусы», программой которого являлись язык и словесность. В настоящее время это издание уже закончено.

Содержание его следующее: I т. «Введение в изучение языка и народной словесности» (Варш. 1903. 8°. X+466). Тут рассмотрены — территория, занятая белорусским племенем; древнейшие обитатели в доисторическое время и при начале русского государства; язык русских племен, населявших белорусскую территорию в древнейшее время; зарождение белорусских особенностей; старейшие заимствования у финнов и иранцев; объединение всех белорусских племен под властью Литвы и окончательная выработка белорусской народности и языка; заимствования из литовского и латышского языков; белорусы с литовцами под властью Польши; наплыв иностранных слов в белор. наречие; воссоединение белорусов с общерусскою жизнью; количество белорусов в 1903 г. и их народные говоры; очерк изучения живого белорусского языка и народной поэзии; очерк постепенного ознакомления ученых с памятниками старого западнорусского языка; изучение самого языка; ненародные произведения на современном белор. наречии. II т. «Язык белорусского племени». 1-ый вып. «Исторический очерк звуков белорусского наречия» (Варшава 1908. 8°. IV+XXIV+579). После двух вводных глав, где имеется очерк физиологии звуков современного белорусского наречия и палеографический очерк с изложением особенностей письма западнорусских памятников, дана история звуков гласных и согласных бел. наречия, а также рассмотрено ударение. 2-ой вып. «Исторический очерк словообразования и словоизменения в белор. наречии» (Варш. 1911. 8°. XV+408). 3-ий вып. «Очерк синтаксиса белор. наречия. Дополнения, поправки» (Варш. 1912. 8°. XV+347). III т. «Очерки словесности белорусского племени». Вып. 1. «Народная поэзия» (М. 1916. 8°. XIV — 557). Вып. 2. «Старая западнорусская письменность» (Пгр. 1921. 8°. VIII+246). Вып. 3. «Художественная литература на народном языке» (Пгр. 1922. 8°. XVII+454).

В «Белорусах» автор старался подвести итог всей своей деятельности по белорусскому наречию, а также вообще научному исследованию белор. речи. В последнее время им же популяризированы с поправками и дополнениями некоторые отделы «Белорусов» в работах: «Этнографическая карта бело-

русского племени» (Пгр. 1917. 8°. VI + 32), «Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением» (Пгр. 1918. 8°. 60) [1]). Взаимоотношений белорусов и соседей с запада касается автор в статье: «Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области» (ИОРЯС, XXIX, 1925).

Кроме белорусского языка предметом изучения автора была русская филологическая наука во всем ее объеме. Тут прежде всего следует отметить работы по славянской кирилловской палеографии. Первоначально палеографич. наблюдения автора явились в виде навеянного известными литографированными лекциями А. И. Соболевского университетского курса «Из лекций по слав. кирил. палеографии, читанных в Варш. у-те» (Варш. 1897. 8°. IV + 173 + 24 «Дополнения и поправки», из РФВ. XXXV, XXXVII). В переработанном заново виде с многочисленными снимками лекции вышли под заглавием: «Очерк славянской кирилловской палеографии» (Варш. 1901. 8°. XIV + 518). 5-ое несколько сокращенное издание 1915 г. Снимки — «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII в.» вышли отдельно три раза. В связи с палеографическим изучением памятников находится издание «Листки Ундольского. Отрывок кирилловского евангелия XI в.» (Спб. 1904. Издание ОРЯС АН), а также: «Особенности языка и письма Мстиславова Ев.» (Варш. 1895. РФВ. XXXIV); «Архангельское Ев. 1092 г.» (ib. LXIX). Кроме двух последних работ к истории русского языка имеет отношение статья «Митрофан Алексеевич Колосов. Из истории русского языковедения» (ib. L). Оставляя в стороне разные мелкие статьи по истории русск. языка, отмечу еще речи о языке Ломоносова (РФВ. LXVII), Пушкина (ib. XLII) и Гоголя (ib. LXI). К изучению малорусского языка имеет отношение «Малорусский Люцидарий по рукописи XVII в.» (Варш. Унив. Изв. 1905, IX). Кроме того, в редактированном с 1905 по 1917 г. РФВ. напечатал

[1]) Оценка всех работ по белор. языку сделана коллективно (главн. обр. Шахматовым) при представлении автора к избранию в ордин. академики (см. Протокол Общ. Собр., напечатан. как рукопись, от 9 мая 1916 г., стр. 106 — 111).

целый ряд отзывов о разных работах по истории русского языка, по литературному языку, диалектологии, палеографии и т. п. Последняя более крупная печатная работа: «Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка)». (Ленинград. 1924).

Так шло в течение XIX и начала XX в. постепенное накопление материала для построения здания истории русского языка. Главнейшие памятники старого языка были изучены. Пользуясь их показаниями, пытались, хотя и осторожно, определить путь, пройденный теми или другими явлениями всего языка и отдельных наречий, даже решались отметить главные вехи многовековой жизни всего языка. Усиленно собирался и изучался живой материал из всех наречий и говоров русского языка; не оставлена была без внимания литературная русская речь — современная и прежняя; палеография и орфография также были привлечены к делу. Что же после этого предстояло сделать новым работникам? — Прежде всего продолжать работу их предшественников: накоплять рукописный лингвистический материал непосредственно из первоисточников, извлекать из уст народа живые данные языка, находящиеся в преемственной связи с отдаленнейшим прошлым, доходящим до эпохи прарусской и часто даже праславянской, объяснять эти данные применительно к рациональным теориям сравнительного языковедения; после этой подготовительной работы естественно выступало — построение истории русского языка, попытка чего, как мы видели, с значительным успехом уже была сделана в известных «Лекциях» А. И. Соболевского. Продолжить это дело и по возможности завершить его предстояло безвременно скончавшемуся в 1920 г., нашему современнику, деятелю последнего сорокалетия, академику А. А. Шахматову. Он является ярким представителем школы знаменитого московского языковеда Ф. Ф. Фортунатова, к которой со-временем примкнуло и несколько лиц другого направления.

В своих занятиях историей русского языка Шахматов следовал заветам своего учителя, применял его методы и раз-

вивал его взгляды на явления языка. Так, помня положение, что «исследование того или другого отдельного языка является научным только тогда, когда изучается история этого языка, но изучение истории того или другого языка возможно лишь при сравнении его с родственными языками, и задача исследователя какого-либо индоевропейского языка состоит в том, чтобы проследить историю изучаемых явлений до эпохи распадения общего индоевропейского праязыка» (Фортунатов. «Лекции по фонетике старославян. языка», 5), наш ученый не довольствовался рассмотрением какого-либо явления только на почве памятников русского языка, а строил прарусскую и праславянскую формы и подбирал для них аналогии в явлениях индоевропейского праязыка. Конечно при таких операциях, когда необходимо было от фактов живого языка восходить к теоретически-построенному прарусскому, праславянскому и основному индоевропейскому языкам, допускались широкие иногда очень сложные гипотезы, что у предшественников и современников Шахматова, стоявших больше на реальной почве фактов, наблюдалось лишь изредка. Если со-временем оказывалось, что выставленная гипотеза не объясняет всех фактов, или слишком сложна, Шахматов заменял ее другою. Отсюда нередкое несходство его взглядов, высказанных в начале ученой деятельности и впоследствии. И в этом случае — сходство с его учителем Фортунатовым, который нередко менял свои взгляды на разные явления языка. Видя в жизни языка преемственность, строгую эволюцию, постепенное развитие сложных форм из простейших элементов, Шахматов живые явления языка возводил к старым, зарождение их часто допускал в прарусском языке, фонетические явления новых наречий он стремился объяснять из фонетических вариантов уже праязыка; с другой стороны, для объяснения старинных явлений, отражающихся в древнерусских памятниках, он привлекает данные живого языка во всем разнообразии народных говоров.

Подобно своему учителю, Шахматов разные изменения в русском языке, те или другие отличия его форм, старается объяснить больше фонетически, детально исследуя все условия

возникновения каждого явления, и лишь в редких случаях, когда о звуковых явлениях не могло быть и речи, обращался к факторам психологическим, к действию аналогии; но вообще он избегал злоупотреблять этим довольно легким способом объяснения явлений языка.

Очень близко знакомый с рукописным материалом, которым он начал заниматься еще с гимназической скамьи и не прекращал обращаться к нему в течение всей своей жизни, принимая между прочим деятельное участие и в издании старинных памятников, летописей, он очень внимательно относился ко всем показаниям письма, видя отражение живых явлений часто там, где прежним исследователям представлялись только описки. Чтобы подобные факты не были униками, привлекались все новые и новые исторические и живые материалы. Только при таком положении дела можно было высказать на все свой собственный взгляд, избегая повторять господствовавшие воззрения. Если иногда и возможно открыть сходство с чужими взглядами, то в этом не всегда придется видеть заимствование, а скорее нужно предполагать случайное совпадение, так как обнаружится, что у Шахматова все продумано глубоко и заново.

Работой по истории русского языка «Zur Kritik der altrussischen Texte» (Archiv f. sl. Phil., V) в 1881 г. еще на гимназической скамье началась ученая деятельность Шахматова; той же области посвящено и большинство его последующих исследований, возникших в эпоху расцвета таланта; из той же области развиваются темы и в главнейших трудах, сохранившихся в рукописях. Ученая деятельность его протекала строго систематически: сначала из-под пера его выходили труды, посвященные отдельным вопросам, рассматриваемым в истории языка. Из более крупных трудов этого рода назовем: «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV в.». (Спб. 1885), написанное автором еще в бытность его студентом Московского университета. Кроме ценного с палеографической точки зрения издания грамот, здесь имеется и исследование о языке их, очень важное в научном отношении. К числу новых в науке и оригинальных выводов этой работы

принадлежит мнение о звуковом значении *ъ* в ц.-славянском и древнерусском языках. Области фонетики языка и отчасти тех же звуков посвящена его диссертация: «Исследования в области русской фонетики» (Варш. 1893). Здесь приводится масса исторических и диалектических данных, больше собранных самим автором, для определения характера древнерусских звуков *о* и *е*. Тут напр., основание (*ӧ*) для живого русского перехода *е* ударяемого, стоящего перед твердым согласным, в *о* (жена́ — жо́ны) возводится не только к прарусскому, но даже к праславянскому языкам: также и для разных других замен основных русских *о* и *е* в наречиях русского языка указываются в зародыше основания еще в прарусскую эпоху. Здесь же находим подробную историю звука *ъ* в русском языке, да и вообще тут дана судьба важнейших явлений в области русского вокализма. В ряде исследований под общим заглавием «К истории звуков русского языка» (ИОРЯС) рассмотрены вопросы о смягчении согласных, об общеславянском *ä*, о первом, втором и третьем полногласии и т. п. Области современного русского литературного и народного языка посвящена его работа «Русское и славянское аканье» (РФВ. 1902 г.).

Данные живых русских говоров привлекаются не только для уяснения судьбы древнерусского вокализма и консонантизма, но и служат предметом самостоятельных изысканий. Шахматов знакомился научно с народным языком не только по многочисленным собраниям других лиц, но и сам дважды ездил в Олонецкую губ. для изучения сев.-великорусских говоров; изучал Ельнинские и Мосальские говоры, чему и посвящена особая работа в РФВ за 1897 г., ездил в Егорьевский и Спасский уезды Рязанской губ., изучал на месте и белорусские говоры в Борисовском у. Мин. г.

Рано заинтересовался Шахматов вопросом о русском праязыке и об образовании русских наречий. Первая попытка дать точную формулировку этого вопроса в связи с историей народа относится уже к 1894 г. (РФВ). В переработанном виде под заглавием: «К вопросу об образовании русских наречий и народностей» статья эта явилась в 1899 г. (ЖМНП). Здесь Шахматов для древнейшей эпохи предполагал распадение

прарусского языка на три части: говоры южнорусские, легшие в основу малорусского наречия, среднерусские — в своей восточной ветви послужившие основой южновеликорусского наречия, а в западной — для белорусского, наконец севернорусская часть прарусских говоров дала северновеликорусское наречие. Однако эта стройная гипотеза не удовлетворила его. Новые факты, накопленные диалектологией, и исторические исследования языка постепенно заставляют углублять и изменять указанную схему. Уже в своих литографированных лекциях (Спб. 1910 — 11) он старается более точно формулировать высказанный раньше взгляд, «что в северном Поднепровье в эпоху общерусского единства различались три племенные группы: северная группа, отошедшая впоследствии к северу, восточная, отошедшая на восток, и западная, оставшаяся на прежних местах... Четвертую группу составляли южные племена, занявшие среднее, а затем и южное Поднепровье». Со-временем, под давлением кочевников, восточнорусы с юговостока стремятся в прежние свои пределы в верхнем Поднепровье и, слившись с оставшимися здесь племенами, образуют белорусскую народность; южнорусы, несколько потесненные с юга, объединив все южные племена, дают народность малорусскую; восточнорусы и севернорусы оказывают взаимное влияние друг на друга и образуют великорусскую народность. Во введении к «Очерку древнейшего периода истории русского языка» (Пгр. 1915) Шахматов уже решительно утверждает, что общерусский праязык выделил из себя первоначально три наречия—южное, северное и восточное (VIII). В белорусском тут он видит уже не западную ветвь среднерусских говоров, а «соединение северной группы южного наречия с западной группой восточного. Да и великорусское наречие рассматривается как соединение северного наречия с восточной группой восточного наречия. В том и другом не придется усматривать ветви распавшегося общерусского праязыка, а необходимо будет признать образование эпохи, наступившей вследствие влияния одних наречий на другие в дальнейшей жизни языка. Во «Введении в курс истории русского языка» (Пгр. 1916, 46) он приходит к заключению,

«что прародиной русского народа была территория антов, следовательно область между Прутом и Днепром. Отсюда анты были потеснены аварами в современную Волынскую и северную часть Киевской губ. Эта область и стала колыбелью русского племени и русской прародиной» (ib. 48). Исторические условия, вызвавшие движения среди русских племен, послужившие причиной образования теперешних наречий, и окончательную группировку их Шахматов дает в своей последней печатной работе: «Древнейшие судьбы русского племени» (Пгр. 1919). Восточное славянство, когда-то зашедшее далеко на восток, в VI в. автор помещает в бассейне среднего Днепра, где они очутились под давлением авар. Радимичей и вятичей, о которых летописец сообщает, что они пришли от ляхов, Шахматов заставляет двигаться в бассейн верхнего течения Днепра и к Оке, сделать что они опять были вынуждены аварами. Теперь же расширяется, по его мнению, польское влияние на западные окраины, населенные дреговичами, радимичами и даже кривичами. В образовании великорусской народности придается огромное значение тем русским племенам, которые под властью хазар жили на юго-востоке Руси, в бассейне нижнего Дона и Азовского моря, и двинулись отсюда на северозапад под давлением полчищ печенегов и половцев. Язык их уже называется восточнорусским или степным (стр. 64). Так постепенно складывался взгляд Шахматова на распадение общерусского пранарода и его праязыка, на взаимоотношение русских племен и их языка, на образование теперешних наречий.

Прежде чем приступить к возведению здания истории русского языка Шахматов произвел подготовительные работы еще и в другом направлении: он занялся изучением славянских языков, чтобы представить себе ясно праславянскую эпоху, к которой возводятся зародыши и общерусских черт. Результатом таких изучений явились между прочим его отзывы о «Лекциях» Т. Флоринского (ЖМНП. 1895), истории чешского языка Я. Гебауера (Спб. 1899), о трудах Балканской комиссии (1901), о книге Л. Щербы по лужицкому языку (1917).

Особенно много места и времени уделял Шахматов изучению ударения в славянских языках, преимущественно в сербо-хорватском, так как характером ударения объясняются в праславянском и многие фонетические явления, особенно в группах из гласных в соединении с сонорными согласными. Тут назовем статьи: «К истории сербохорватских ударений» (РФВ. 1888 — 1890); сюда относятся и его изучения Ю. Крижанича (ib. 1895), и статья в ИОРЯС об ударения в славянских языках (III т. кн. 1 1898), и отзыв о труде Решетара по тому же предмету (ib. 1902). К той же области принадлежит его статья «Об общих явлениях в греческих и славянских ударениях» (Χαριστηρία, 1896).

Для историка языка важны и те заимствования — лексические, а иногда и фонетические, которые сделаны у соседей; ассимилируясь эти соседи иногда и совершенно сливались с русскими племенами. Еще более заметна их роль в передвижениях русских племен, чем отчасти обусловливалось и образование новых народностей. Всем этим вопросам посвящены Шахматовым, напр., статьи и издания: «Споды — исконные соседи славян» (ЖСт. 1911), «К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях» (ИОРЯС. 1911). «Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen» (A. f. sl. Ph. 1911), «Древние ляшские поселения в России» (Славянство, 1911), отзыв о кн. Эндзелина «Славяно-балтийские этюды» (ИОРЯС. 1913), «К вопросу о польском влиянии на др.-русские говоры» (РФВ. 1913).

Дать историю русского языка Шахматов задумал давно. Его очерк «Русский язык» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (56 полутом, 1900 г.) является как бы программой этого исследования. Много времени ушло на детальное обдумывание сочинения и на подготовительные работы, и только к 1913 г. в рукописи был готов 1-ый выпуск: «Очерк древнейшего периода истории русского языка», вышедший из печати в 1915 г. (Пгр. 8° больш. XXVIII + L + 369), где после нового пересмотра подведены итоги всему сделанному Шахматовым по древнейшему периоду истории русского языка в области фонетики. Весь труд задуман глубоко. Автор дал

пока введение в историю, составляющее обоснование всех его взглядов. Тут изложены взгляды автора, касающиеся образования русских племен и русских наречий. Весь фонетический материал сгруппирован затем в шести отделах: в I отделе дана характеристика звукового состава общеславянского праязыка для того, чтобы видеть, какие общие черты унаследованы теми праславянскими диалектами, которые легли в основу прарусского языка. Факты языка дают основание предполагать, что одно время все зарождающиеся славянские диалекты распадались на две группы — северозападную и юговосточную; к последней принадлежали и русские племена. II отдел и посвящен изложению тех звуковых явлений, которые развились в эпоху этой общей жизни. В III отделе рассматриваются те явления, которые возникли на почве общерусского пранарода и его праязыка, когда еще все племена, выделившиеся из него современем, жили совместной жизнью. К нему примыкает IV отдел, составляющий собственно его часть — изображение звукового состава древнерусского языка перед его распадением на говоры. В V и VI отделах рассматриваются явления, свойственные еще всему древнерусскому языку, но возникшие уже после распадения общерусского праязыка. Тут же намечается и зарождение главнейших диалектических различий трех русских наречий.

Этот капитальный труд, как и большинство других филологических работ Шахматова, находится в тесной связи с взглядами его учителя Фортунатова, на что сам автор и указывает неоднократно. С другой стороны, тут использован и весь материал, добытый самостоятельными изучениями Шахматова, и выводы, к которым пришли другие ученые, занимающиеся теми же дисциплинами, хотя наш автор и относится к ним очень критически, стараясь везде проявить самостоятельность выводов и оценки фактов. В своей работе автор не столько заинтересован обилием диалектического и рукописного материала, русского и инославянского, сколько объяснением разнообразных лингвистических данных. Для этого и здесь нередко допускаются очень сложные гипотезы, только бы они вели к пониманию тех путей, какими в многовековой жизни народа

шли больше физиологические изменения существовавших звуков и зарождение новых фонетических явлений. Весь лингвистический аппарат пересматривается и привлекается к делу. Напр., в области гласных принимается в расчет и качество их (различие по образованию) и количество (сверхдолгие долгие, краткие, полудолгие, полукраткие, слоговые, неслоговые редуцированные и т. п.), разное ударение в слове, различное положение гласных в слове в отношении к другим гласным соседних слогов. В области согласных допускаются твердые, мягкие, полумягкие согласные; кроме того, и у обычных согласных подмечаются разные оттенки в образовании их; те или другие перемены ставятся также в связь с положением согласных в группах звуков как первичных, так и вторичных. Таким образом и при суждении об изменении звуков в их историческом прошлом на первом плане стоит их современное состояние у нас и у других славян, так как, по мнению автора, современное состояние языка в своих зародышах восходит к праязычным явлениям, часто даже индоевропейским. К свидетельству старых памятников он относится с осторожностью, полагая, что известное звуковое явление долго не находило в них отражения. Конечно, при таких слишком широких аналогиях и обобщениях возможны и ошибки, так как легко принять, напр., случайное сходство явлений, наблюдаемых в разных даже очень отдаленных местностях, основанное на одинаковости действия психических законов, за заимствование одной языковой группой у другой. К продолжению истории русского языка имеет отношение его статья: «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка» («Украинский народ в его прошлом и настоящем», II, 664 — 707).

Говоря о деятельности Шахматова по истории русского языка, нельзя не подчеркнуть и неоспоримой его заслуги по составлению словаря русского языка. Этим он занялся с самого его избрания в члены А. Н. в 1894 г.; редактором словаря, после Я. К. Грота, он состоял и по день смерти. По мысли Шахматова, словарь русского языка должен был обхватить все лексическое богатство русского народа, а не ограничиваться только тем, что употребляли в своих произведениях

русские писатели (как это сделано в I томе). Шахматов стал в этом случае на ту единственно правильную точку зрения, что живой язык народа — корень и основание его литературного языка. Как история народа не может ограничиваться только бытописанием одних высших слоев, так и история языка не должна суживать свою сферу рассмотрением только того словесного запаса, который употребляет лишь одна часть общества, хотя бы и самая интеллигентная. Чтобы словарь служил не только целям практическим, но и научным, народные слова приводились в точной звуковой передаче их в источниках; кроме того, в словарь для сравнения вводились основные слова и из других русских наречий — белорусского и малорусского, а также большею частью и из других славянских языков, начиная со старославянского. Таким образом и здесь, как и в истории языка, дело велось в широком масштабе: по собранным запасам можно было определить, что принадлежало всему русскому языку, а не только литературному или великорусскому наречию, что следует предположить для общерусского праязыка и даже — что восходит к праславянской основе [1]).

Научные труды Шахматова по русскому языку не ограничивались только историей последнего. Он уделял свои незначительные досуги и исследованию литературного языка, его синтаксису. Двухсотлетний юбилей Академии Наук содействовал изданию и работ последнего рода: «Очерк современного русского литературного языка» (Ленингр. 1925) и «Синтаксис русского языка» (I вып. Л. 1925) — оба очень ценные издания напечатаны по рукописям автора, к сожалению не вполне им обработанным. Этому же предмету посвящена его статья «Русский язык. Его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка» («История русск. литературы до XIX в.» под редакцией А. Е. Грузинского, I, 39 — 63). Он принимал

[1]) Под редакцией и набюдением Шахматова, как председателя ОРЯС, вышли „Словаря русского языка" т. II (Е. Ж. З); III т. вып. 1 (И—изба); IV т. вып. 1—9 (К—крикун); V т. вып. 1 (Л—легкий).

самое деятельное участие и в заседаниях комиссии по вопросу о реформе русского правописания, начиная еще с 1904 г.

Таким образом всестороннее изучение и научное исследование русского языка во всем его объеме, обыкновенно в связи с историей самого народа, составляло главнейшую задачу деятельности Шахматова [1]).

Один из учеников Ягича, в бытность его профессором Петроградского у-та, славист по специальности Б. М. Ляпунов, в работах по русскому и старославянскому языкам примкнул к московской школе, явившись ревностным проводником ее идей. По русскому языку ему впрочем принадлежит мало работ: «Несколько слов о говорах Лукояновского у. Нижегородской губ.» (ЖСт. 1894 г. и отдельно с дополнениями) в которой не только охарактеризован народный говор указанной местности, но и документально исторически обоснован состав ее населения. Собственно истории языка касается его диссертация «Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи» (Спб. 1899. 8°. VI+289). Вышедший вып. 1 содержит в себе «Очерк из истории иррациональных гласных в русском языке». Действительно, кроме палеографического очерка памятника (Введение), здесь в 4-х главах, составляющих все сочинение, и идет речь об ъ и ь. Связь со школой Фортунатова видна уже в названии ъ и ь «иррациональными», т.-е. по Ляпунову, «неполнослоговыми» звуками (7-ое положение к диссертации), и по всему изложению, где вообще отстаиваются положения этой школы. В работе везде богатое сравнение с другими славянскими языками. Из других его работ, касающихся русского языка, отметим: «Памяти А. А. Потебни» (Сборн. Харьк. Ист.-филол. Общ., IV); «Единство русского языка в его наречиях» (Одесса. 1921); «Памяти Акад. А. А. Шахматова» (ИОРЯС, т. т. XXVIII и XXIX) [2]).

---

[1]) Довольно разносторонне деятельность Шахматова очерчена в XXV т. „Известий Отделения русск. яз. и словесности Р. Академии Наук", посвященном его памяти. Здесь напечатана его автобиография и список всех его работ.

[2]) Отзыв о научных заслугах Б. М. Ляпунова и перечень его работ имеется в ИРАН, 1923 г., стр. 449—455.

Примкнуть к Фортунатовской школе своими взглядами старался и одессит по образованию Е. Ф. Будде, впоследствии профессор Казанского университета. Большинство его работ по русской диалектологии. Сюда принадлежат — его магистерская диссертация: «К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора» (Варшава. 1892, из РФВ. XXVII и XXVIII); докторская работа: «К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губ.» (Казань, 1896). Таковы же и разные мелкие заметки и работы, а также отчеты о многочисленных поездках с диалектологическими целями. Влияние московской школы сказывается в них в тонкости наблюдений и в стремлении точно передавать все оттенки звуков. Диалектологические данные подтверждаются соображениями и фактами исторического характера. С другой стороны, интерес Будде простирался на историю русского литературного языка XVII — XIX в. Сюда относятся работы «Опыт грамматики языка А. С. Пушкина» (Спб. 1904. Сборник II Отд., т. 77); «Очерк истории современного литературного русского языка» (Спб. 1908. Э. С. Ф., вып. 12). Работы последнего рода пока еще преждевременны, так как судить о языке того или другого писателя нужно не по неисправным изданиям, а скорее по рукописям, или по изданиям, корректированным самим автором. Кроме того, проф. Будде принадлежат «Лекции по истории русского языка» (Казань. 1907 г., было и 2 изд.), написанные в духе Шахматовского «Русского языка» в Энцикл. словаре Брокгауза и Ефрона (ср. отзыв Н. Н. Дурново. Изв. ОРЯС. 1908 г. кн. 3). Будде принадлежит и несколько педагогических статей по русскому синтаксису (напр. РФВ. LXIV, LXX), в которых проводится немало рациональных взглядов на этот предмет.

В полном смысле слова воспитанник Московской школы Н. Н. Дурново. Главнейшие его труды посвящены изучению народных говоров. Везде видна солидная предварительная филологическая и историческая подготовка, богатое знакомство с литературой предмета, тонкая наблюдательность. Таковы его работы: «Диалектологическая карта Калужской губ.»

(Спб. 1903. Сборник II Отд., т. 76), «Описание говора д. Парфёнок Рузск. у. Моск. г.» (Варшава, 1903, из РФВ. 8°. VI + 267 + VII). Здесь описан говор одной только деревни, но он исследован всесторонне; записи везде ведутся строго фонетически, попутно затрогиваются разные лингвистические вопросы, которые находятся в связи с объясняемыми явлениями языка. В таком же роде и его докторская диссертация, которая печаталась при особенно неблагоприятных условиях времени революции: «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие». Вып. 1 (М. 1917. 8°. II + 224), вып. 2 (Шамординская пустынь Кал. г. 1917. 8° малое, 87). Здесь автор касается не только чистых южновеликорусских говоров, но главным образом — средневеликорусских, переходных говоров. Вся работа состоит в углублении тех данных, которые были известны по южновеликорусским говорам, в указании возможных причин рассматриваемых явлений и в возведении последних к русскому праязыку. Главное внимание сосредоточивается на объяснении разных заместителей редуцированных *о*, *а*, *е* с предыдущей мягкостью согласного и без нее. Не везде однако ответы даются решительные. что несколько умаляет значение работы, но с другой стороны, эта нерешительность заинтересовывает читателя, заставляя его подумать о настоящем решении выставленных положений. Русской диалектологии посвящены и другие работы Дурново, исполненные им единолично или вместе с другими лицами; так в «Трудах Московской Диалектологической Комиссии» им сделаны сводки данных по разным губерниям (ср. РФВ, тт. LVIII, LIX, LXI, LXII, LXVI, LXVIII, LXX); значительные части в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» (М. 1915, из РФВ), изданном тою же комиссией, обработаны также им. Под его редакцией издан XI-ый вып. «Материалов для изучения великорусских говоров» (Сборник ОРЯС, т. 99, 1922 г.). В качестве университетского преподавателя Дурново читал в Харькове и Саратове курс истории русского языка. Вторая часть этих лекций появилась и в печати, но только на правах рукописи: «Очерк истории

русского языка. Вып. 2. Историческая морфология. 1. История форм склонения и спряжения» (Харьков. 1913). В настоящее время его «Очерк истории русского языка» уже напечатан (М. 1924). К той же области принадлежит его «Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины)» (М. — Пгр. 1924), содержащий очень точную научную формулировку разных грамматических терминов. В последние годы им напечатано несколько небольших работ по русск. языку, напр. «Заметки по истории русского литературного языка» (ИОРЯС, XXIII); «А. А. Шахматов, как исследователь русского языка» (ib. XXV); «De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne» (Revue d. Ét. slaves, II, 235—255); La catégorie du genre en russe moderne (ib., IV, 208—221): «К истории звуков русск. языка» (Slavia, I), и др. [1])»

Под руководством Шахматова получил окончательную обработку зародившийся еще в Юрьеве труд Д. К. Зеленина: «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» (Спб. 1913. 8°. XVI + + 544 + 1 карта). Работа посвящена известному частному явлению русской диалектологии, распространенному в великорусских говорах (копейка, Ольга, сверьхю). Автор не довольствуется только указанием пространственного и временного развития этого явления, а также объяснением его, но привлекает к делу и этнографическую сторону вопроса, которая «чревата выводами». При объяснении лингвистических вопросов Шахматов привлекал к делу данные истории известного племени, у Зеленина обращается внимание и на показания этнографии. Нет сомнения, что умелое использование этих данных вместе с фактами истории может привести к богатым научным выводам и открытиям, особенно относительно местностей со смешанным населением. Другие работы Зеленина больше в области чистой этнографии.

К Московской Фортунатовской школе примкнули и некоторые иностранцы, оставившие заметные следы и в русской

1) Перечисление ученых работ Н. Н. Дурново и отзыв о них в ИРАН 1924 г., 515—518.

науке. Среди них неоспоримо первое место должно быть отведено Олафу Броку. Русским языком он заинтересовался рано. Уже в 1895 г. он печатает в Archiv'e Ягича (XVII и продолжение в XIX) «Zum kleinrussischen in Ungarn»; затем касается границ между словаками и малорусами в статьях, напечатанных в Христиании в 1897 и 1899 г. После этого он вскоре переходит в наши академические издания, где печатает «Угрорусское наречие села Убли (Земплинского комитата)» (Спб. 1899). Уже здесь бросается в глаза тонкое знание фонетических особенностей славянской речи, часто недоступных привычному уху лиц, говорящих в данном случае по-малорусски. Особенно строго проведено у него здесь различие между открытыми и закрытыми гласными (ненапряженными и напряженными). По предложению Отделения Русск. яз. и Слов. А. Н. он предпринимает лингвистическое путешествие по разным областям России, с целию определить особенности типичного южновеликорусского и северновеликорусского говоров. Результатом этого путешествия явились работы: «Описание одного говора из югозападной части Тотемского уезда» (Спб. 1907. 8°. 151) и «Говоры к западу от Мосальска (с картой) (Пгр. 1916. 8° больш. 128). Обе работы очень ценны не столько по собранному материалу, сколько с методической стороны. Наконец, в Энциклопедии Славянской Филологии (вып. 5. 2) им напечатан «Очерк физиологии славянской речи» (Спб. 1910. 8° больш. 262), где и русскому языку отведено соответствующее место.

После работ О. Брока нельзя не упомянуть о сочинении другого иностранца Рад. Кошутича: «Граматика руског језика. I. Гласови. А. Општи део» (Петроград 1919), которое выпущено Отделением РЯС, как наше академическое издание. В книге даны очень тонкие наблюдения сербского ученого над нашим литературным произношением.

Из учеников А. А. Шахматова, работающих в области русского языка, одним из самых плодовитых является С. П. Обнорский. Для всестороннего суждения о его заслугах по русскому языкознанию следует подождать выхода в свет его диссертации о склонениях в русском языке, хотя уже и до-

сего времени им напечатаны очень солидные работы. Таковы, напр., «О языке Ефремовской кормчей XII в.» (Спб. 1912 г.); «Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 г.» (ИОРЯС, XXIX); «К истории глухих в Чудовской псалтыри XI в.» (РФВ, LXVIII); Формы склонения по сатирам Кантемира (ib., LXIX); «Die Form des Vokativs im Russischen» (Zeitschrift, I); Dualspuren in der nominalen Deklination des Russischen» (ib. II); «Памяти академика А. А. Шахматова» (ИОРЯС, XXV) и др.

В. В. Виноградов задумал всесторонне исследовать судьбу *ъ* в Сев. великор. наречии в работах: «Исследования в области фонетики Севернорусского наречия. Вып. I. Очерки из истории звука *ъ* в севернорусском наречии» (ИОРЯС,— XXIV—XXV). Ср. отзыв А. И. Соболевского (ib., XXVIII); «Методы изучения рукописей, как материала для построения исторической фонетики русского языка, в исследованиях акад. Шахматова» (ib., XXV). Другие его работы (довольно многочисленные) относятся к области стилистики.

Говоря о лицах, продвинувших вперед научное изучение русского языка в России, нельзя умолчать и о группе славистов и вообще языковедов, которые немало уделяли внимания и отечественному языку. К ним, напр., принадлежат:

Известный языковед А. И. Томсон, который до последнего времени пишет и статьи, касающиеся русского языка, напр. «Винительный падеж прямого дополнения в отрицательных предложениях в русском языке» (РФВ. XLIX); «Фонетические этюды» (ib. LIII); «Phonetische Beobachtungen zur Russischen» (Zeitschrift, II).

Г. А. Ильинский в своих многочисленных работах по славяноведению всегда уделяет должное место и русскому языку. Так в «Славянских этимологиях», в которых до настоящего времени разобрано около 90 слов, он дает и этимологии русских слов. В своей «Праславянской грамматике» (Нежин, 1916) во всех отделах он не забывает и данных русского языка, а главное приводит подробную библиографию на всех языках по разным вопросам; вследствие чего интересующемуся теми или другими вопросами русского языка не

приходится самому подыскивать литературу предмета, а прямо приступать к изучению его и к дальнейшим исследованиям. Есть у него и статьи прямо касающиеся русского языка, таковы, напр., в последнее время: «Zur Geschichte des Imperativs im Kleinrussischen» (Zeitschrift f. sl. Phil., II), или «К вопросу о чередовании гласных ряда *о* и *е* в начале слов в славянских языках (Slavia, II и IV) где идет речь о начальном русском *о* при инославянском *е*.

М. Р. Фасмер в своих работах по сравнительному языковедению и славистике уделяет много места и русскому языку. Назовем, напр., «Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке» (Сборник ОРЯС, LXXXIV, 1909 г.); I—II ч. этюдов в ИОРЯС XI—XII. Не забывает русского языка он и в своем немецком издании «Zeitschrift für slavische Philologie» (Leipzig с 1924 г.).

С. М. Кульбакин, кроме того, что не забывает русского языка в его наречиях в своих многочисленных работах по славяноведению, в последнее время выпустил очень ценное пособие по малорусскому языку: «Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии» (Харьков, 1919).

А. М. Селищев дает ценные диалектологические наблюдения по малоисследованным сибирским говорам. Таковы его работы: «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Иркутск. 1920). Тут материалы не только по этнографии, но и по языку. «Диалектологический очерк Сибири» (Иркутск. 1921). Сравни по поводу этой книги замечания А. В. Пруссак (ИОРЯС, XXVI) и ответ на них автора (ib., XXVIII). «Русский язык инородцев Поволжья» (Slavia, IV).

М. Г. Долобко, работая в области славянского ударения, уясняет и многие вопросы, связанные с последним в русском языке. Следует пожелать, чтобы его кропотливые исчерпывающие работы в этом роде поскорее появились в печати.

Д. В. Бубрих много сделал в той же области. Хотя у него везде выступает праславянское ударение, но всюду находится материал, имеющий отношение и к русскому языку. Таковы его исследования: «О трудах А. А. Шахматова в об-

ласти славянской акцентологии» (ИОРЯС, XXV): «Севернокашубская система ударения», где в приложении дается «Праславянская акцентологическая система» (ib., XXVII); «Die Akzentlehre von A. Belic'» (Zeitschrift, I).

Деятельная работа началась в последнее время и по изучению малорусского языка. Кроме раньше отмеченных работ назовем еще труды следующих лиц: Е. К. Тимченко: «Українська грамматика» (К. 1907), его же: «Функции генитива в южнорусской языковой области» (РФВ, LXIX — LXX); его же: Номінатив і датив в українській мові «(К. 1925). его же: «Льокатив у українській мові «К 1925); его же «Вказівки, як записувати діялектичні матеріяли на українськім язиковім обширі» (К. 1925 УАН); его же и Михальчука: «Программа до збирання діалектичних одмін української мови (К. 1910).

Лучший словарь малорусского языка «Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская Старина», редактировал Б. Д. Гринченко». I — IV т. (К. 1907 — 1909).

Г. К. Голоскевич напечатал работы: «Описание говора с. Бодачевки (Колодиевки) Ушицкого у. Подольск. г.» (ИОРЯС, 1909 № 4) и «Евсевиево Ев. 1283 г.» (Исслед. по русск. яз. 1914).

Е. Б. Курило выпустила: «Уваги до сучасної української літературної мови» (К 1915). «Фонетичні та деяки морфологічні особливості говіркі с. Хоробричів Городнянського повіту, тепер Сновської округи на Чернігівщині (К. 1924); «До характеристики і процесу монофтонгізації чернігівских дифтонгічних звуків» («Україна» 1925, 4 кн.).

Всев. Ганцов: «Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку» (ВАН, Зап. Іст.-філол. від., II — III. К. 1923); «Діялектологічна класіфикация українських говорів (з картою)» (К. 1923); «Чергові завдання української діялектології (Зап. Етногр. т. I, Київ. 1925); «Das Ukrainische in neueren Darstellungen russischer Mundarten» (Zeitschr., II, 213—235); «До історії звуків в українській мові» (У Київі, 1926. Зап. У. А. Н. VII—VIII) (ср. в Slavia, IV, отзыв о некоторых работах Ганцова, сделанный Дурново).

Заметно стремление дать исторические очерки малорусского языка, таковы, напр., работы:

И. И. Огиенка: «Курс украинского языка» (К. 1918), П. О. Бузука: «Коротка історія української мови» (Одесса, 1924); или К. Німчинова: «Український язик у минулому й тепер» (Харків. 1925).

По белорусскому языку, кроме работ автора этого очерка, сделано в общем мало. Можно отметить только П. Расторгуева. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии (Курс Белоруссоведения. Москва. 1920), 185—257. Хорошее введение в историю языка сделано Волк-Левоновичем в статье: Гістарычнае вывученьне белорускай мовы ў славянской філёлёгіі (Працы Беларускага Дзяржаўнага Універсытэту ў Менску, 1925, № 6—7, стр. 98—127). Остальные научные силы Белоруссии сорганизовываются для составления исчерпывающего словаря белорусскаго языка, так как существующие словари И. И. Носовича («Словарь белор. наречия». Спб. 1870) и В. Добровольского («Смоленский областной словарь». Смол. 1914 г.) этим требованиям не соответствуют. Уже составлена С. М. Некрашевичем и обстоятельная записка по этому предмету: Да пытаньня аб укладаньні слоўніка жывой белорускай мовы (Полымя 1925. № 5).

Другие работы по диалектологии и собирание материалов по этому предмету указаны у меня в «Русской диалектологии».

В числе задач научного изучения русского языка всегда было составление этимологического словаря этого языка. Мы видели, как неудачны были прежние попытки этимологизации русских слов и что было причиной этого явления. Однако со-временем постепенно накоплялись научные материалы по этому предмету как со стороны русских, так и иностранных ученых: появился Etymologisches Wörterbuch Миклошича, вызвавший разборы Р. Брандта (РФВ. XVIII, XXI—XXV), много этимологических заметок дал А. Потебня в том же РФВ и др. изданиях, после высказывали много остроумных соображений А. Соболевский, Г. Ильинский, К. Буга и др., так что в одном только РФВ к 1913 г. накопилось объясненных слов

(правда не исключительно русских) около 1.700 (ср. «Указатели» Варшава, 1913 г., стр. 93—114). Много этимологий имеется в «Известиях» ОРЯС. Была даже попытка в 90-х годах XIX ст. сделать сводку всего материала в книге П. Горяева: «Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка» (Тифлис, 1892), в свое время разобранной Г. Ульяновым (РФВ, XXIX). Несравненно удачнее опыт этилогического словаря, к сожалению не законченный, предпринятый одним из учеников школы Фортунатова А. Г. Преображенским: «Этимологический словарь русского языка» 1—9 (А—О), 10—14 (П—С). Ср. отзывы Ф. Ф. Фортунатова в «Сборнике отчетов о премиях и наградах за 1911 г.» (стр. 221—228), Б. М. Ляпунова в «Известиях» ОРЯС, XXX.

Уяснение смысла отдельных слов и выражений, особенно метких и ходячих также составляет задачу исследователя русского языка. Очень важным пособием в этом отношении может служить книга М. И. Михельсона, вышедшая 3-м переработанным изданием в начале XX ст., удостоенная Академией Наук Макарьевской премии: «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний», I—II, СПБ. s. a. И. В. Помяловский в своем отзыве об этом издании отмечает следующие его достоинства: труд Михельсона представляет «такую справочную книгу, которая... послужит для всех, интересующихся образностью русской речи, краеугольным камнем, на котором можно будет строить дальнейшие выводы». «Кроме того, указания на этимологическое происхождение многих русских и всех иностранных, получивших у нас право гражданства, слов—дает богатый материал для будущего этимологического словаря русского языка» (Отчет о первом по ОРЯС ИАН присуждении премий митрополита Макария. Спб. 1901).

Разбору словарных заимствований в русском языке в старину посвящена работа Н. А. Смирнова: «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» (Сборник ОРЯС, LXXXVIII, 1910 г.).

По славяно-русской палеографии появилась книга известного слависта В. Н. Щепкина: «Учебник русской палео-

графии» (М. 1920), содержащая много нового по орнаменту, миниатюрам и описанию книг. Ему принадлежит и несколько мелких статей по этому предмету, напр. «Новгородские надписи graffiti» (М. 1917).

О снимках Н. М. Каринского уже была речь.

Для решения вопроса о времени написания тех или других памятников на бумаге нельзя обойтись без хорошего альбома снимков водяных знаков. Опыты составления таких альбомов у нас идут с начала XIX ст. Имею в виду: Лаптева: «Опыт в старинной русской дипломатике» (Спб. 1824), Тромонина: «Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге».. (М. 1844) и особенно Н. П. Лихачева: «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (Спб. 1891) и «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», 3 тома и приложение (Спб. 1899).

Перечисление русских древнейших рукописей и их описаний имеется у меня в «Сл. Кирилловской Палеографии».

Старопечатные книги подражают старинным рукописям, поэтому историка русского языка интересуют и исследования о начале книгопечатания в России и характер первопечатных книг. По этому вопросу следует упомянуть о работах: М. И. Щелкунов: «Искусство книгопечатания в его историческом развитии» (М. 1923); И. Свенцицкий: «Початки книгопечатаня на землях України в память 350-лiтя першоi друкованоi книжки» (У Жовкві, 1924), П. М. Попов: «Початки друкарства у Слов'ян» (Київ, 1924); его же: «Друкарство, його початок і поширення в Европі» (К. 1925).

Настоящий очерк изучения русского языка закончим указанием некоторых новых работ по русскому синтаксису. Семя, брошенное Потебней, медленно всходило, но все же успело дать некоторые заметные плоды. Систему Потебни положил в основу изложения своего синтаксиса ученик харьковского философа-лингвиста проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский, выпустивший «Синтаксис русского языка» (1-ое изд. s. a., 2-ое Спб. 1912). Не имея глубины «Записок» Потебни, он отличается удобопонятностью изложения; везде заметен уклон в сторону психологии. Некоторые вопросы у него по-

служили предметом специальных статей, напр., «Из синтактических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений» (ИОРЯС 1900, кн. 4).

Н. К. Грунский дает историю разработки русского синтаксиса в работе: «Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков». Тут в I т., вып. 3 (Юрьев. 1911), рассмотрено значение работ Потебни.

Синтактических вопросов касаются и некоторые представители Московской Фортунатовской школы. Так сам Ф. Ф. Фортунатов дал хороший разбор вопроса «О залогах русского глагола» (ИОРЯС 1899, кн. 4). Его ученик Г. К. Ульянов в своих работах о глагольных основах касается значения их и вообще синтактической стороны не только в старославянском и литовском языках, но и в русском. И А. А. Шахматов в Петроградском у-те читал курс русского синтаксиса, который в настоящее время и напечатан. Работа не получила окончательной обработки ее автором, но замечательна по богатству собранного литературного и отчасти диалектологического материала. Популярный «Русский Синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского (М. 1914, 2 изд. 1920) вышел из той же школы. Автор пытается строго провести везде чисто формальную точку зрения, стараясь решительно отграничить область грамматики от смежных областей логики и даже психологии. Как недостаток книги следует отметить чрезмерное увлечение в сторону популяризации, вследствие чего нередко наблюдается излишнее многословие, незаметно отвлекающее автора от проведения выставленного им чисто формального принципа. В синтаксисе также не следует игнорировать исторических и диалектологических данных: держась только фактов современного литературного языка, не все можно понять, как следует, и объяснить удовлетворительно.

Формальный метод у М. Н. Петерсона («Очерк синтаксиса русского языка». М. 1923) доведен до крайности (ср. Slavia, IV, 197—198).

Синтактический материал из I-ой Новогородской летописи обстоятельно выбран и сгруппирован, больше применительно

к системе синтаксиса Шахматова, в работе Е. С. Истриной: «Синтаксические явления Синодального списка I-ой Новгородской летописи» (Пгр. 1923, из ИОРЯС, т. т. XXIV и XXVI).

Так шла научная разработка русского языка в России. Все стороны языка подвергались изучению в разных отношениях, при чем применялись и методы, выработанные для этой цели в западной науке и эволюционно развившиеся самостоятельно у себя. Результаты изучения, особенно за последние 50 лет, могут считаться очень успешными. В настоящее время уже можно приступить к следующим заключительным работам:

1. Составить диалектологический атлас живого русского языка по отдельным наречиям, с указанием территории распространения в каждом из них тех или других черт.

2. Дать исчерпывающую историю каждого из русских наречий во всех его ветвях — а) великорусского, б) белорусского и в) малорусского.

3. Написать историю русского литературного языка.

4. После этого окажется легко выполнимой и история русского языка во всей его совокупности, начиная от эпохи выделения его из праславянского языка. Эта история должна обнимать фонетику, словообразование, словоизменение, ударение и синтаксис.

5. Затем должны следовать исторические словари отдельных русских наречий, для чего пришлось бы использовать и существующие уже материалы по живым русским говорам (словари Отделения русск. яз. и словесности А. Н., Даля, Носовича, Добровольского, Гринченко — Киевской Старины, Желеховского и др.) и по старинным памятникам (И. Срезневского и отчасти др.).

6. Дать полный словарь русского литературного языка нового периода.

7. Разобрать лексический состав русского языка с указанием слов, известных всем его наречиям и отдельным группам их, напр., белорусскому и малорусскому, белорусскому и южновеликорусскому и т. п.

8. Дать этимологический словарь русского языка, точно выделив заимствования из других языков.

Из литературы предмета.

Булич, С. К. Русский язык и сравнительное языкознание. Энциклоп. словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Спб. 1899, т. XXVIII стр. 823 — 833.

Его же. Очерк истории языкознания в России. Т. I (XIII в. — 1825 г.). Спб. 1904. Из Записок И.-Фил. ф. И. Спб. у-та, ч. LXXV.

Владимиров, П. В. Пятидесятилетие „Мыслей об истории русского языка" И. Срезневского. (Киевские) Университ. Известия 1899 № 2, 65 — 97.

Известия Отделения русск. яз. и словесности Р. А. Н. т. XXV (1920), посвящ. памяти А. А. Шахматова, и др. томы.

Карский, Е. Ф. Белорусы, т. I. Варш. 1903.

Его же. Митрофан Алексеевич Колосов. Из истории русского языковедения. Варш. 1903, из РФВ, L.

Котляревский, А. А. Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения. Воронеж. 1881 из Ф. З. Перепечатано в Собрании Сочинений Котляревского.

Пыпин, А. Н. История русской этнографии. I — IV. Спб. 1890 — 1892.

Русский Филологический Вестник, I — LXXVIII, 1879 — 1918. Варшава, Москва, Петроград, Казань. „Указатели" 1913.

Соболевский, А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. IV. М. 1907.

Шахматов, А. А. Очерк древнейшего периода истории русск. языка. Э. С. Ф., вып. 11. 1. Пгр. 1915.

Ягич, И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о ц.-слав. яз. Спб. 1895.

Его же. История славянской филологии. Энциклопедия Славянской филологии. Вып. I. Спб. 1910.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ.

Ададуров, В. Е. 9.
Аксаков, К. С. 37—41.
Алексеев, П. А. 13.
Арцыбашев 21.
Барсов, А. А. 12.
Белинский, В. 40.
Березин 49.
Берында Памва 5.
Бетлинг 72.
Билярский, П. С. 38.
Бобровников 49.
Боголепъ 4.
Богородицкий, В. А. 50, 57, 69—70.
Бодуэн де Куртенэ, И. А. 47, 68—69.
Бодянский, О. М. 34.
Бопп, Ф. 28, 31, 34.
Борн, И. 21.
Брандт, Р. Ф. 67, 73, 95.
Брок, О. 91.
Бубрих, Д. В. 93.
Буга, К. 95.
Будде, Е. Ф. 88.
Будилович, А. С. 44.
Бузук, П. О. 95.
Булич, С. К. 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 13, 14, 16, 17, 20, 21, 22, 25, 26, 27, 70, 100.
Бурцев-Протопопов 7.
Бутков 49.
Буслаев, Ф. И. 28, 31, 34—38, 39, 40, 42, 48, 54.
Васильев, Л. Л. 68.
Weingart, М. 32.
Вейсман 9.
Виноградов, В. В. 92.
Владимиров, П. В. 43, 58, 100.
Востоков, А. Х. 20—24, 31, 33, 34, 42, 54, 72.
Волк-Левонович 95.
Ганцов, Вс. 94.
Гаттала 37, 56.
Гаттерер 15.
Гебауер, Я. 82.
Гегель 40.
Голоскевич, Г. К. 94.
Горяев, П. 96.
Греч, Н. И. 24.
Григорьев 49.
Гримм, Я. 28, 31, 34, 37.
Гринченко, Б. Д. 94, 99.
Грот, Я. К. 48, 71—73, 85.
Грузинский, А. Е. 86.
Грунский, Н. К. 98.
Гумбольт 28, 31, 34, 49, 99.
Даль, В. И. 46—47, 72, 99.
Добровольский, В. 95, 99.
Добровский Иосиф 5, 22, 33, 34.
Долобко, М. Г. 93.
Дубровский 15.
Дурново, Н. Н. 88—90, 94.
Евгений (Болховитинов) 16, 23, 27.
Евдокимище 4.
Епифаний (Славинецкий) 6, 7.
Ермолаев, А. И. 21.
Желеховский Е. 99.
Житецкий, П. И. 5, 52, 53, 54.
Зеленин, Д. К. 90.
Зизаний Лаврентий 4.
Ильинский, Г. А. 92, 95.
Иоанн, экз. болгарский 3.
Истомин Карион 7.
Истрина, Е. С. 99.
Истрин, В. М. 39.
Казембек 49.
Калайдович, К. Ф. 20, 25.
Калепин 6.

Караджич, В. С. 34.
Каринский, Н. М. 67, 97.
Карский, Е. Ф. 5, 58, 73—77, 99, 100.
Катков, М. Н. 41.
Качеповский, М. Т. 16, 19, 20, 27.
Кеппен, П. И. 23, 26, 27, 34.
Колосов, М. А. 37, 49, 53—58, 68, 73.
Константин (Кирилл и Мефодий) 3, 35.
Константин Костенческий 3.
Копиевич 7.
Корецкий-Сатановский Арсений 6.
Кошутич Рад. 91.
Котляревский, А. 36, 39, 47, 59, 100.
Крижанич, Ю. 6, 10, 83.
Крушевский, Н. В. 69.
Крымский, А. Е. 65.
Кульбакин, С. М. 93.
Курило, Е. Б. 94.
Лавровский, П. А. 33, 37, 44—46, 50, 53, 54.
Лаптев 97.
Ласкарис 5.
Линде, Б. 34.
Лихачев, Н. П. 97.
Ломоносов, М. В. 8, 9, 10—12, 13, 27, 36.
Ляпунов, Б. М. 87, 96.
Майков 37.
Макаров 48.
Максим (Грек) 3.
Максимов 7.
Максимович, М. А. 31—34, 42, 45, 65.
Мелетий (Смотрицкий) 5, 6, 9, 10, 13.
Мерзляков 19.
Миклошич, Ф. 24, 36, 57, 67, 73, 95.
Михальчук 53, 94.
Михельсон, М. И. 96.
Мосхопул 3.
Мюллер Макс 49.
Надеждин, Н. И. 29, 30, 32.
Некрашевич, С. М. 95.
Німчинов, К. 95.
Носович, И. И. 95, 99.
Обнорский, С. П. 91—92.
Овсянико-Куликовский, Д. Н. 97.
Огиенко, И. И. 95.
Оленин, А. 15.
Павловский, А. 26.
Павский, Г. 30, 31, 34.
Палацкий 34.
Петерсон, М. Н. 98.
Петров 49.
Пешковский, А. М. 98.
Погодин, М. П. 33, 45, 65.
Полевой, Н. 25.
Поликарпов 7.
Помяловский, И. Ф. 96.
Попов, А. В. 53.
Попов, П. М. 97.
Посошков 10.
Потебня, А. А. 37, 41, 49—53, 68, 73, 87, 95, 97.
Потт 28.
Прейс 38.
Преображенский, А. Г. 96.
Прокопович-Антонский, А. А. 18.
Пруссак, А. В. 93.
Пушкин, А. С. 36.
Пыпин, А. Н. 23, 29, 30, 100.
Расторгуев, П. 95.
Раумер, Р. 35.
Решетар 83.
Романов, Е. Р. 73.
Румянцов 25.
Сабинин 49.
Свенцицкий, И. 97.
Селищев, А. М. 93.
Скопула Иоанн 7.
Смирнов, А. И. 58.
Смирнов, Н. А. 96.
Соболевский, А. И. 41, 49, 56, 59—66, 67, 68, 73, 76, 77, 92, 95, 100.
Срезневский, И. И. 20, 24, 40, 42—44, 45, 46, 48, 49, 54, 99.
Строев 25.
Сумароков 8, 12, 27, 34.
Таппе, А. В. 16, 24.
Тимковский, И. Ф. 17, 18.
Тимченко, Е. К. 94.
Томсон, А. И. 92.
Тредьяковский, В. К. 7, 8, 9, 10, 12, 27, 34, 72.
Тромонин 97.
Ульфила 35.
Ульянов, Г. К. 96, 98.
Фасмер, М. Р. 93.

Фатер 17, 25.
Флоринский, Т. Д. 82.
Фортунатов, Ф. Ф. 56, 77, 78, 87, 96, 98.
Харциев 51.
Хованский, А. 52.
Храбр Черноризец 3.
Чарноцкий, А. (Зориан Доленга Ходаковский) 27.
Чубинский 53.
Шафарик, П. 34.
Шахматов, А. А. 6, 24, 41, 49, 53, 57, 65, 68, 76, 77—87, 90, 91, 98, 100.
Шегрен 49.
Шейн, П. В. 73.
Шёнеман 15.
Шимкевич 31, 34.
Шишков, А. С. 13, 14, 31, 40.
Шлецер, А. 9, 15, 27.
Шляков, Н. В. 67.
Штейнталь 49.
Щепкин, В. Н. 96.
Щелкунов, М. И. 97.
Щерба, Л. В. 71, 82.
Эндзелин 83.
Эрдманн 49.
Юнгманн 34.
Ягич, И. В. 3, 4, 5, 14, 24, 31, 34, 37, 39, 46, 47, 62, 65, 66, 87, 91, 100.
Языков 21.

СБОРНИК
ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
Том CI. № 2

В. Н. Перетц

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СТАРИННОЙ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVI—XVIII ВЕКОВ

I

ЛЕНИНГРАД
1926

8

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР.
Апрель 1926 г.
Непременный Секретарь, академик *С. Ольденбург.*

Издательство Академии Наук СССР.

Начато набором в декабре 1925 г. — Окончено печатанием в апреле 1926 г.

Ленинградский Гублит № 9354. — 11 п. л. — 650 экз.

Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12.

Оглавление.

	Стр.
Предисловие	3— 4
I. К вопросу об «Учительных Евангелиях XVI — XVII вв.»	5— 14
II. Иван Вишенский и польская литература XVI в.	15— 49
III. «Тестамент царя Василия» в украинских переводах	50— 72
IV. Опыт перевода «Лѣствицы» на украинский язык	73— 77
V. Нил Синайский в украинских переводах XVII в.:	
1. «Цвѣтник Духовный»	78— 86
2. «Об осми помыслах»	86— 91
VI. След украинского перевода Киево-Печерского Патерика	92—100
VII. К истории украинской повести XVII в.	101—139
VIII. Вирши Харьковского архимандрита Онуфрия	140—176

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В последнее время появилось несколько попыток обозреть состав старинной украинской литературы (М. Возняка, ак. М. Грушевского, А. Барвинского, учебник А. Дорошкевича и др.). Большею частью, если не исключительно, ученые авторы (не говоря уже о составителях учебников для средней школы — педагогов) пользуются при построении схемы истории украинской литературы и при заполнении её материалом только данными, уже опубликованными в специальных журналах и в отдельных изданиях. Отсюда проистекает некоторая неполнота представлений наших о размерах литературного движения на Украине в XVI — XVIII вв., о характере памятников, о содержании их, о тех модных формах, которые проникали на Украинскую почву и о воскрешении иногда таких памятников, которые в славянской оболочке, казалось, уже давно умерли для читателей. Чтобы эта неполнота была по возможности сведена к минимуму, необходимы упорные архивные разыскания в различных библиотеках и музеях севера и юга, Украины же — в особенности. Такие разыскания отчасти облегчаются наличностью для многих библиотек печатных описаний. Но что в этих описаниях соответствует действительности в настоящее время, после пережитых потрясений,

особенно резко ощущавшихся в провинции, в небольших городах, в монастырях — сказать трудно...

Втечение последних двух лет я производил разыскания памятников старинной украинской литературы, главным образом, в Москве, Киеве и Ленинграде. Некоторые результаты этих разысканий я ниже и предлагаю читателю; остальной материал надеюсь опубликовать позже, когда представится возможность.

I.

К вопросу об «Учительных Евангелиях» XVI — XVII вв.

Во второй половине XVI в. в украинской литературе появляются в довольно большом числе «Учительные Евангелия», т. е. собрания поучений и слов на недели и праздники, обычно начиная с недели о мытаре и фарисее.

Эти сборники известны в большом количестве рукописей на протяжении XVII-го и XVIII-го веков; из них посчастливилось только одному, напечатанному А. Л. Петровым в Сб. отд. р. яз. и словесности, т. 99, в качестве материала по угрорусской литературе и языку. Следует заметить, что такие рукописные сборники, в большей или меньшей степени отражающие живую украинскую речь, не имеют ничего общего, кроме плана, с известным Уч. Евангелием патр. Филофея (или Каллиста), переведенным с греческого в конце XIV или в нач. XV в.[1] Поучения — «науки» — взяты в этих новых Уч. Ев. откуда-то из неизвестного источника и, вернее всего, обязаны своим возникновением тем членам клира, которые, убедившись в непонятности ученого церковно-славянского языка для паствы, обратились к речи, если не вполне народной (простонародной), то во всяком случае к такой, которая была понятна грамотным людям. Этою-то «про-

[1] См. о нем и его украинском переводе у А. С. Архангельского, Очерки по истор. западно-русск. литер., 1888 г. и у В. П. Адриановой, Отчет семин. р. филол. в Житомире, 1910.

стою мовою» и написаны многочисленные Учит. Евангелия, то с большею, то с меньшею примесью церковно-славянизмов и полонизмов в тех случаях, когда автор не находил в народной речи соответствующего слова, или когда переписчик считал своим долгом «исправить» язык переписываемого им памятника, сообразно с пониманием «чистоты и правильности» литературной речи.

Когда и откуда взялись эти Уч. Евангелия? Один из польских писателей к. XVI — н. XVII в., Карнковский, оставил нам любопытное и ценное свидетельство: у Руси, пишет он, «po więtszej części księża nie rozumiejąc po rusku śpiewają, a daleko mniej pospólstwo, gdyż nie w samych słowiech, ale i w rozumieniu rzeczy nauka zawisła. Przeto *do nauczania pospolitych ludzi kazania często służą, które u katolików mało nie w każdym kościele* bywają». [1] Дошедшие до нас Уч. Евангелия подтверждают это неловкими промахами их авторов, заимствовавших из своих источников детали, совершенно излишние в православном богослужении. Напр. в Уч. Ев. 1592 г. (в Екатеринославском Музее им. Поля), л. 7, после текста евангельского читаем: «Едно жь рачте кожды на своих мѣстьцехь *сѣсти*, положивши на своя лица крестное знамение...», [2] или л. 59 об.: «То есть текьсть нынѣшнеи святои евангелiи, на которую то евангелію имаю нѣщо ширѣй вашим милостям повѣдѣти... и кождый *сѣдши* рачте положити на ся креста христова знаменія, жебы не прешкожоваль намь сатана слухати слова божія». [3] Это предложение — встать во время чтения евангелия и сесть на свои места во время проповеди — указывает на католическую или протестантскую среду.

Вторая половина XVI ст. является эпохой, которая положила начало большому количеству сборников поучений и в польской литературе, где они назывались обычно «postyllami». За сочинение postyll берутся люди разного звания и подготовки,

[1] «Eucharistia»... Kraków, 1602, fol. F⁴.

[2] Отчет об экскурсии в Полтаву и Екатеринослав, Киев. 1910, с. 38.

[3] Там же, с. 73.

различных религиозных направлений, но с определенною целью — для распространения и внедрения в массы тех идей, которые они считают спасительными. Наряду с традиционными средневековыми проповедями в польской языковой оболочке, появляются проповеди кальвинская и арианская (социнианская) на живом народном языке, как позже — на Украине и Белоруссии.

Образцом простоты в проповеди этой эпохи являлся еп. венский Фабер, [1] вызвавший немало подражаний; он вступил на новый путь в изложении и истолковании евангельских эпизодов, приблизив к пониманию масс богословские истины: «ecce *stylo humili*, non sublimi, sed valde familiari usus sum», — писал он, и, действительно, старался избегать любимых схоластами тонкостей. Под его пером проповедь становилась снова, как в первые века христианства, — простым, ясным, цельным изложением мысли, исполненным теплоты и сериозности. Она отличалась доступностью, соединенною с основательностью, опирающейся на библейскую начитанность, была приспособлена к жизни, ее случайностям и потребностям. [2] Как появившиеся в польской литературе XVI в. postylli, так и украинские «Учительные Евангелия», написанные на «простой мове», отвечали тем же требованиям жизни, чтб и проповеди Фабера, а в отношении формы излагались именно «stylo humili», без избытка богословских тонкостей, но с большим запасом морального элемента. Это и не удивительно, если мы вспомним, кто были составители postyll. Приведем два примера.

В те времена на Червоной Руси занимал выдающееся положение род Гербуртов; к нему принадлежал приятель Оржеховского, сторонник единения с иноверцами, каштелян Саноцкий Ян. И несмотря на свои симпатии, свидетельствовавшие о некоторой доле свободомыслия, он в особом трактате энергично боролся против лозунга протестантов, что *каждый* может понимать и толковать Св. Писание. Вот его точка зрения: ...«Aza oracze, mu-

[1] Homiliarum Jo. Fabri... centuria prima. Coloniae, 1541.

[2] Grabowski, Skarga, s. 13.

rarze, kowale, cieśle, czapnicy, blicharze i inni także rzemieślnicy, którzy małe a proste rzeczy robią krom mistrza mogą być tym, czym chcą?» «Owa, co lekarzom należy, lekarze to sprawują, i szwiec skóry a krawiec igły pilnują; samo tylko Pisma św. nauka jest taka, którą wszytcy pospolicie ku sobie ciągną. Wolno jest wszytkim a uczonym i prostym o Piśmie św. gadać; to Pismo świegotliwa baba, to mało rozumny starzec, to wielomowny sofista, to wszyscy sobie biorą, wydzierają, uczą pirwej, niźli się go uczyli».[1]

Десять лет спустя каноник Поводовский также роптал на то, что теперь каждый объясняет св. Писание по своему, не опасаясь трудностей: мужик, студент, богослов смотрят на него различно и толкуют по своему: Takżeć zaprawdę wiele się teraz ludzi biblią bawi, żadne rzemiosło najpodlejsze tak bezpiecznie, sobie lada od kogo nie bywa przywłaszczone, jako Pismo św., chocia nad wszystkie nauki jest natrudniejsze».[2] В этом ворчаньи чувствуется глубокое неудовольствие клира, чувствующего, что дело нравственного руководства массою ускользает из его рук. Но именно вследствие расширения круга postyll, написанных на польском языке и попросту, ширится не только свободомыслие, но и право народного языка быть употребляемым в рассуждениях о сериозных предметах. Вслед за Postyllą Рэя — появляются анологичные сборники кальвинистов, Grzegorza z Żarnowca[3] и Krysztofa Kraińskiego,[4] побуждая и католиков выступить на борьбу, с тем же оружием, расчитывая

[1] Jo. Herburt a Fulstin cast. san. locorum de fide communium latino-polonicorum lib. I. Cracoviae 1568; fol. B.; Grabowski, Skarga, s. 117.

[2] Kazania niektóre o szczyrym słowie Bożym... Pozn. 1578, fol. J_2, Grab., Skarga, s. 201.

[3] Postylla albo wykłady ewangelii niedzielnych i na święta na cały rok kościoła Krześcijańskiego Powszechnego. Dla ćwiczenia człowieka pospolitego w naukach a członkach wiary krześciańskiej potrzebna. I dla okazania nauczycielów przeciwnych a od nich przestrzeszenia napisana. Przez uczonego męża ks. Grzegorza z Żarnowca kaznodzieję prawdziwego słowa Bożego. Без места и., 1591 г.

[4] Postylla kościoła Powszechnego Apostolskiego słowem Bożym ugruntowanego i zbudowanego na Jezusie Chrystusie. Spisana ku chwale Boga w Troicy św. Jedynego przez ks. Krysztofa Kraińskiego. Без места печ., 1611 г.

на *простых* людей: так в своей Postylle Бялобржеский подчеркивал, что *простых людей* бог выбрал своими провозвестниками, и потому не следует смешивать науку и религию, приспособлять св. Писание к Аристотелевой мудрости.[1] С этим подчеркиванием роли простых людей мы встретимся и у Вуйка, решившегося парализовать влияние кальвинских проповедников, действуя их же оружием. Он подражал изданиям кальвинистов во всем, начиная с языка, расположения проповеди, кончая гравюрами и форматом, не уклоняясь от любимого его противниками полемического тона.

Он посвятил свою Postyllę [2] королю Генриху Валуа, что также не лишено значения. Достоинства этого проповедника прославлял в предисловии его ученик, Гроховский, сравнивая своего наставника с пчелою, собирающею мед из разных книг. План Вуйка был несложен. Он предлагал сущность евангельского чтения на данный день, за сим толковал моральное значение текста, указывал на вытекающие из него нравоучения, наконец, резюмировал свои рассуждения.[3] Таков план поучений и в старейших украинских Учит. Евангелиях. При этом еще одна черта роднит их; любопытно отметить, как Вуек относится к могуществу и мудрости сильных мира сего: надо верить по просту, оставив мирскую суету и всякие колебания — «Pan przedsię w uściech *niemowlątek i prostaczków* sprawuje chwałę swoją», и если они замолкнут, — по евангелию — камни возопиют, хотя бы и гневались гордые, сильные и ученые фарисеи. Подобно этому проповеднику и Бялобржескому, говорит и украинский автор Учит. Евангелия к. XVI в.: «Господь правдывый Христос и правдывый Богъ а невымовная глубина и щирое милосердие также из свое доброты и великого милосердия — *простыи* и *убогии* люде возвал на уряд апостольский и учинил их пастырями церкви

---

[1] Postylla orthodoxa, cz. I, Krak., 1581; Grabowski, ibid., ss. 195 — 196.

[2] Postylle część pierwsza od Adwentu aż do świętej Trójce w ktorej się zamykają wszystkie przedniejsze tajemnice naszego odkupienia... Krak. 1573.

[3] Grabowski, Skarga, s. 132.

своей святои и сыны вѣчного живота. Обачмо ж, христиане, що за особы возвал Христос на тот зацный и великий уряд апостольский. Не возвал жадных людей поважных, тоест яко царев и князев и иных людей преложеных. А для чогож тое Господь учинил? Того дѣля, ижбы приневоляли убогих людей, абы по неволи вѣрили Христу для закону и боязни их. Але Христос не хотѣл подневольнои вѣры таковои мѣти, иж бы люде поневоли вѣрити мали...» [1] Позже — отголосок этих идей и превознесение «простоты» и «убогих людей» мы еще отчетливее увидим у Ивана Вишенского, воспитавшегося в кругу понятий, слагавшихся в конце XVI в.

Вуек не заботился об оригинальности: в этом Гроховский не ошибся; он ошибся только в том, что не с разных цветов собирал свой мед красноречия и морали этот неутомимый проповедник. Он имел богатый источник и для толкования Евангелия, и для назидания: это была «Postilla» доминиканца Ferus'a, очень ценившаяся во второй половине и за пределами Германии. [2] Но Ferus, использованный Вуйком, в свою очередь шел по следам Фабера, упомянутого выше венского епископа. [3] Следы этих источников чувствуются и в украинской проповеди Учит. Евангелий.

Вуек обычно следовал течению мысли своего образца, сокращая лишь длинные рассуждения Ferus'a. Для нас обстоятельство это имеет значение: возьмем напр. поучение Ferus'a на четвертую неделю после Богоявления. Он говорит здесь о различных искушениях, окружающих человека отовсюду, [4] при чем сравнивает искушения эти с морем, угрожающим ладье (человеку), предлагает средства, чтобы успешно сопротивляться им, чтобы

---

[1] Учит. Ев. к. XVI века библ. Нар.Дома в Львове, см. Сб. «Отечество», с. 189.

[2] Вышла в свет в Антверпене, 1555 г., Grabowski, Skarga, s. 135.

[3] D. Joh. Fabri ep. vienn. «Sermones fructuosissimi cunctis ecclesiae cath. defensoribus ac doctrinae evangelicae professoribus summopere necessarii. Coloniis 1537; Homiliarum Joh. Fabri ep. vienn. de tempore et de sanctis centuria prima Colon. 1541; Grabowski, op. cit., s. 402.

[4] Postillae sive conciones rever. D. Jo. Feri... Auxo. 1559, fol. e_1 — e_2.

по христиански устроить жизнь. Вуек следует за своим образцом, а украинский аноним-составитель Учительного Евангелия к. XVI в. идет по стопам Вуйка. Пример: в слове на неделю 3-ю по Пятидесятнице описывается мир — «езеро», «въ которомъто морѣ бывает завжды вода смердячая» и «дивувь и страховъ и небезпеченства наполнено», в котором рыбы гоняются одна за другою, большая пожирает меньшую. Человеку представляется выбор ладьи, которая перевезет его чрез это бурное и опасное море: одна — старый закон, другая — новый, «в которого Христос избавитель вступити рачил». Им мы спасаемся и никогда не утонем.[1]

Заметим еще одну сторону проповедей Вуйка: обращаясь к неученой аудитории, не к богословам, а к заурядным обывателям, без богословской подготовки, он не гнался за большою точностью и евангельские отрывки приводил не в признанном и одобренном переводе с Вульгаты — Леополиты, изд. Шаффенберга, а в своем собственном переводе. Так же точно поступали и украинские составители Учительных Евангелий.

Интересно присмотреться также и к литературной манере Вуйка: и здесь также мы встретим некоторые черты, позже обнаруживающиеся и у украинских проповедников и полемистов к. XVI — XVII вв. Так напр., Вуек нападает на врагов святой веры, которые от великой своей мудрости все переиначивают и перетолковывают. «Bo u nich», пишет он — «wszystko jest nanice: z człowieka bestyą, ze dnia noc, a z nocy dzień czynią. A gdyż oni wszystko wspak wywracają, ì słusznie się im też dostać ma wywrócone, to nejświętsze imię Jezus. A Jezus kiedy wywrocisz, co będzie ìnnego, jedno «Sus ei», to jest «Świnia mu». Ależ się im nic lepiej nie przystoi. Toć ich własna ì rodzona ciotka, z którą się też obyczajem nadobnie zgadzają».[2]

В своих сочинениях Вуек черпает материал отовсюду, особенно из истории, при чем не обходит и такого апокрифического

---

[1] Отчет об экскурсии семин. русск. филол. в Полтаву и Екатеринослав, 1910 г., с. 73.

[2] Postylla, cz. I, fol. H_5.

источника, как пророчество Сивилл, в чем на него чрезвычайно походит І. Галятовский, положивший в «Небе Новом» в основу всех чудес — пророчения Сивилл и использовавший и своем «Ключе» почти через 100 лет, самые разнообразные данные из области легендарной, исторической и научной литературы своего времени и предшествовавших веков.

Обращение с источниками и даже со святыней — вплоть до кощунственных анаграмм, эта неразборчивость в приемах, стремление засыпать слушателя пестрым набором фактов и анекдотов — все это, столь свойственное польской иезуитской проповеди с конца XVI в., нашло себе отражение в поздней украинской проповеди. Но в старшем ее периоде, в Учит. Евангелиях и до половины XVII в., проповедники стараются сохранить целомудрие речи, избегая вульгарности и не стремясь ко внешней занимательности. В этом отношении не столь у Мефрета, не столь у Бессия следует искать источников старого украинского проповедничества, а у польских авторов XVI в. Неудивительно, что украинские ораторские упражнения в половине XVII в. уже оказались старомодными, что и побудило знаменитую плеяду второй половины его избрать другие образцы для подражания.

Справедливо ли думать, что иезуитская проповедь всецело отразилась на ораторстве украинских авторов вт. пол. XVII в.? Едва ли можно утверждать, что *главную* роль, по крайней мере в создании *теоретических* воззрений Галятовского и др., сыграли польские иезуиты. Орден неоднократно предостерегал своих проповедников именно от того, что усвоили себе украинские проповедники XVII в., именно от слишком тонких толкований догматов и от пристрастия к отвлеченностям: «...ut a rerum subtilium curiosa tractatione se abstineant». [1] С другой стороны, известный иезуит Высоцкий несколько позже выступал с осуждением пустословия; он даже осуждает всякую реторику: «...Lecz kaznodziei krześcijańskiemu to się nie godzi, i owszem nie tylko wielo-

[1] Regulae Soc. Jesu, Vilnae, 1582, fol. O_3.

mówstwo albo jakie pochlebstwo, ale i też wszelka nauka, któraby nie była ku zbudowaniu i pożytkowi dusz ludzkich, jest nam koniecznie zakazana».[1]

Те же «Regulae» не советуют иезуиту-проповеднику пересыпать свою речь реминисценциями из области понятий и мифов античного мира, ослеплять слушателя блеском и богатством эпитетов, импонировать ему закругленными периодами; следует остерегаться шуток и анекдотов, а напротив, влиять на чувства; не избегать патетичности, где нужно, но вместе с тем быть простым, естественным. Эти требования совершенно не были приняты во внимание поздними украинскими проповедниками. Речь Галятовского, не говоря уже о других, поражает обилием толкований разного рода, касающихся вещей, недоступных человеческому разуму; она пестрит реминисценциями из истории античного мира, иногда даже уподобляя священные для христианина имена классическим героям. Радивиловский щедро рассыпает шутки и анекдоты из различных источников, стараясь сделать свои проповеди более занимательными.

Но в одном пункте, намеренно, или инстинктивно идя вслед за требованиями литературного вкуса, а может быть и уступая духу времени, украинские проповедники совпадают с иезуитскими: последние всегда должны были сохранять осторожность, помнить, что не следует в присутствии народа порицать правительство и государей, сохранять тон сериозный и практический, влияя на чувства слушателей.[2] В этом отношении украинские проповедники были безукоризненны: они — или всецело стоят на стороне командующего класса, восхваляя, как напр. И. Старушичь, шляхетство за избиение казаков-ребеллизантов;[3] или — дипломатически молчат, как напр., позже Галятовский и Радиви-

---

1 Kazanie na pogrzebie J. O. Ks. J. M. P. P. Jana Olelkowicza z łaski Bożej książęcia Słuckiego i Kopylskiego. W Wilnie, 1593, fol. E_4; Grabowski, Skarga s. 251.

2 «Modus concionandi... ita sit ad docendum comparatus, ut ad animarum motum praecipue dirigatur», Regulae, fol. O_4, Grabowski, Skarga, s. 228.

3 В. Перетц, К истории обществ. отношений в Малороссии в. XVII в.

ловский, — о таких явлениях общественной и политической жизни, на которые ранее, подобно Рэю и Скарге, — резко и патетично отзывался Иван Вишенский. Видимо, надо искать для упомянутых украинских ораторов иных образцов. Ими, вернее всего, являются латинские и польские проповедники, ближе стоящие к гуманистическому течению и относящиеся к XVI веку.

II.

Иван Вишенский и польская литература XVI в.

Среди украинских писателей конца XVI и начала XVII в. заметно выделяется и литературным талантом и своею необычайною плодовитостью афонский монах Иоанн, украинец родом из с. Вишни в Галичине. Его произведения не раз уже издавались, [1] о нем существует достаточно обширная и обстоятельная литература, [2] в которой характеризуется этот своеобразный писатель и человек, объединявший в себе самые разнообразные черты: и аскета

---

[1] Акты Южн. и Зап. Росс. II, 1865 г.; Архив Ю. и З. России, ч. I, т. VII, 1887 г.; Голубев, Петр Могила. I, прилож.; Киев. Стар. 1889 г.; т. XXV, 21 — 36; 1890, т. XXIX, 111 — 120.

[2] Памятники изд. Врем. Ком. при Киев., Под. и Вол. генер.-губ. 1848, 248; Строев, Рукописи Царского, № 486; А. Петрушевич, Зоря Галицка, 1860 (Житие Иова, с. 233—235); Костомаров, Историч. монографии, III, 203; Соловьев, Истор. Росс., X; Макарий, Истор. р. церкви, X; Кулиш, Истор. воссоединения Руси, I, 1874, 289 и сл.; С. Л — въ, Подольск. Епарх. ведом. 1875 г. №№ 15, 17 — 21; Завитневич, Палинодия Захарии Копыстенского, 1883; Сумцов, Характеристика южнор. литер. XVII в. и Иоанн Вишенский, южнор. полемист н. XVII в., Киев. Стар. 1885 г., янв. 1 — 18, апр. 649 — 677 (т. XI) и отд.; Мирон (Ів. Франко), там же 1889 г., т. XXV; И. Житецкий, там же 1890, т. XXIX; А. Крымский, там же 1895, кн. 9 — 10; Ів. Франко, Ів. Вишенський і його твори, Львь. 1895 (рец. К. Студинського, Зап. Наук. Тов. ім. Шевч. 1895, V); Ів. Франко, Новий причинок... Зап. Н. Т. ім. Ш., 1900, тт. 35 — 36; В. Щурат, До біогр. і писань Ів. Вишн., там же 1909, т. 87; Tretiak, Piotr Skarga w dziejach i literaturze unii Brzeskiej, Kr. 1912; T. Grabowski, P. Skarga na tle literatury religijnej... Kr. 1913; курсы истории украинской литер. Огоновського, Ефремова, Возняка, и др.; М. Грушевський, Істор. України-Руси, т. VI; К. Студинський, Памятки полемічного письменства к. XVI — поч. XVII в. I, 1909.

монаха, и народного трибуна, обличителя народных суеверий и роскошной жизни верхних слоев украинского общества к. XVI в., а главное — выступавшего как убежденный и пламенный борец за идеи дорогие ему: равноправие хлопа и шляхты, свободу исповедания и преимущественное значение непосредственно принятого Христова учения по сравнению с хитростью европейской науки, ненавистными для него носителями которой являлись иезуиты.

В настоящей статье я не буду касаться ни биографии Ив. Вишенского, ни вопроса о круге его творений, ни историко-литературного анализа их: я коснусь лишь одного момента его биографии и сделаю попытку осветить ту сторону литературной деятельности этого писателя, которая до сих пор мало привлекала к себе внимание исследователей.

Известно, что как только вышла в свет книга П. Скарги «O rządzie i jedności Kościoła Bożego», автор послал экземпляр ее патриарху Мелетию, который через иеродиакона Исаакия передал книгу на Афон, чтобы русские монахи дали, рассмотревши ее, достойный ответ католическому богослову. Этот ответ был дан Скарге Иваном Вишенским в «Краткословном ответе Феодула». [1] Но почему собственно нашему, до того времени почти неизвестному аскету-полемисту выпало на долю выйти на поединок со знаменитым иезуитом? Почему из афонских монахов, среди которых, возможно, было не мало украинцев, только его голос слышится на протяжении ряда лет и громит унию, ее сторонников и поддерживает слабеющий в борьбе дух украинского народа? А между тем, он не претендовал на ученость и знатность, сам признавался, что он — простак, «невытертое черевичище». Возникает вопрос, в какой мере имело основание это самоунижение перед сильными и учеными противниками? Действительно ли он был невежественным человеком, и ограничивался ли круг его начитанности рекомендуемыми им Псалтирем и «пла-

[1] См. Ів. Франко, Іван Вишенський і його твори, с. 243, 248, 255—6.

чивым Охтаиком»? Эти вопросы мы попытаемся — если не решить окончательно, то хотя бы осветить, поставивши сочинения Ивана Вишенского на почву литературных идей его времени, особенно ярко выразившихся в тогдашней польской литературе. Однако — не вполне, а лишь ограничивая круг наших сравнений способами выражения наиболее важных для Ив. Вишенского идей, которые он развивал в своих посланиях.

Две идеи особенно характерны для этого украинского полемиста; их он повторяет и развивает перед читателем образно и выпукло, горячо и красноречиво, не как инок, коему подобает отличаться смирением, а резко, порою с угрозою и насмешкой. В своих нападках на высшее духовенство, которое было склонно к унии с Римом, он прежде всего вооружается против *социального неравенства* вообще, как против явления общественной жизни, противоречащего духу христианства, заступаясь перед великими сего мира за украинский простой народ и подчеркивая его тяжелое положение, которое особенно рельефно выступало на фоне роскоши и расточительной жизни высшей шляхты и духовенства. Затем он нападает на «внешнюю», светскую науку, которою хвалятся иезуиты, и которою они сумели опутать польскую и украинскую шляхту — науку легкую и веселую, которую насаждали в сопровождении представлений, комедий и других публичных увеселений, имевших целью приохотить учеников к посещению школы и незаметно привить им новые понятия, культурные вкусы и наконец — религиозные воззрения.

Этих двух тем, и связанного с ними осуждения роскоши и франтовства шляхты, доводивших народ до нищеты, касались в своих произведениях не раз и польские писатели XVI в., иногда разрабатывая каждую тему особо, иногда же — именно в той связи, в какой наблюдаем их у Ивана Вишенского.

План нашего рассмотрения обличений этого писателя сравнительно с польскими его предшественниками и современниками будет следующий: мы сначала соберем из посланий Ив. Вишенского отзывы и нападки на роскошь, на франтовство шляхты,

истощающие простой народ; затем — о притеснении крестьянства; далее — о равноправии всех людей, независимо от происхождения; наконец о «внешней» науке и о театре, при чем к каждой группе мнений будем указывать параллели и цитаты из польских писателей различных направлений (католиков, кальвинистов и ариан), которые попадали на те же явления в быте старой Польши. Может быть, наши цитаты покажутся иногда слишком длинными, но только таким способом мы одновременно будем иметь сравнительный материал и для идейной стороны творений Ив. Вишенского, и для характеристики оригинальности его стиля. В этом отношении мы идем вслед за двумя учеными, уже пробовавшими сделать эти сравнения. Уже Ів. Франко в своем исследовании об Ив. Вишенском (Львів, 1895, с. 130) отметил, что стиль и в особенности полемические приемы и обращения, а кое где и концепция отдельных его произведений имеют большое сходство с тем, что писал Мартин Кровицкий (сначала католический священник, потом кальвинист, наконец арианин) в своей книге «Wizerunek Antykrystów» 1570 г. Этой книги в Ленинграде, к сожалению, не оказалось. Затем М. С. Грушевский в «Історії України-Руси», т. VI, поместил перед характеристикою Ивана Вишенского несколько извлечений из речи Ивана Мелешка и из произведений Рэя з Нагловиц. Таким образом, продолжая работу названных ученых, мы попытаемся несколько детализировать эти указания и поискать новых параллелей к обличениям украинского проповедника — в области польской литературы XVI в.

Естественно, что более всего должно было поражать инока-аскета, не утратившего живого отношения к наблюдаемой им современности, это несоответствие жизни представителей высшего духовенства с теорией и практикой жизни, предложенными евангельскою проповедью. И если светские люди, нарушавшие ее требования, раздражали Ив. Вишенского и вызывали на резкие отзывы, то тем более возмущала его корыстная и роскошная жизнь высшего православного духовенства, конкурировавшего с шляхтой, из рядов которой оно главным образом вербовалось.

«Да прокляти будут владыки, архимандрити и игумени, которіе монастырѣ позапустѣвали и фолварки собѣ зъ мѣст святыхъ починили, и сами толко зъ слуговинами и пріятелми ся в них тѣлесне и скотски переховываютъ; на мѣстохъ святыхъ лежачи, гроши збираютъ; съ тыхъ доходов, на богомольци Христовы наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вѣно готуютъ, сыны одѣваютъ, жоны украшаютъ, слугы умножаютъ, барвы справуютъ, пріятелѣ обогачуют, карити зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ, роскошъ свою поганскіи исполняют» [1] — читаем мы в послании Ивана Вишенского ко всем православным жителям Литвы и Польши.

В другом послании, к митрополиту отступнику и его единомышленникам и помощникам — епископам, он пишет, укоряя их, напоминая про лихоимство и ненасытность в стяжании: «славы и богатства дотиснулися есте, чого въ мірскомъ чину не имѣли есте, тучните ся, кормите, питаете, насыщаете чрево роскошными снѣдми, кгласкаете гортань смачнѣйшими кусы, услаждаете, смакуете, мажете, собѣ угаждаете, волю похотную во всем исполняете...». [2]

В третьем послании — то же обличение направлено также и против светских лиц и звучит так. Сказавши о значении духовной жизни, автор спрашивает: «или не вѣдаешъ, ижъ в тыхъ многых мисахъ, полмискахъ, приставкахъ чорныхъ и шарыхъ, чирвоныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ скляницахъ и келишкохъ и винахъ, мушкателахъ, *малмазыяхъ*, алякантохъ, *ревулахъ*, медохъ и пивахъ розмаитыхъ тотъ смыслъ еще мѣста не маетъ?... Или не вѣдаешъ, яко въ смѣхахъ, руганях, прожномовствахъ, многомовствахъ, кунштахъ, блазенствахъ, шидерствахъ розумъ блудячій того помысла о животѣ вѣчномъ видѣти никого ли ся не сподобитъ? Или не вѣдаешъ, яко зе псы братство принявшіи, съ хорты, окгары, выжлы и другими кундысы и о них пильность

---

1 Акты Южн. и Зап. России, II, с. 225.

2 Там же, с. 231.

и старане чинячіи, абы им боки полны, хребты ровны и гладки были, того помысла о животѣ вѣчномъ видѣти не можетъ? Или не вѣдаешъ, яко на тыхъ гордыхъ бадавѣяхъ, валахахъ, дрыкантахъ, ступакахъ, едноходникахъ, колыскахъ, лектыкахъ, брожкахъ, карытахъ, котчихъ трупъ свой премѣняючи, о животѣ вѣчномъ мыслити — въмѣстити не можетъ? Или не вѣдаешъ, яко въ замкохъ, мѣстахъ, селахъ, поляхъ, кгрунтахъ, границахъ розширенихъ мысль блудячая о царствіи божом мыслити не можетъ? Или не вѣдаешъ, яко многопредстоящимъ гологлавымъ, треперным и многопернымъ макгероносцемъ, шлыкомъ, ковпакомъ, кучмомъ, высоконогымъ и низкосытымъ слугамъ, дворяномъ, воиномъ и гайдукомъ смертоносцемъ радуючійся, о царствіи божом не только мыслити, но ни помечтати не может»?[1]

Рисует наш автор и светского франта, касаясь его внешности, и говорит: «Обычай бо есть мірскимъ на облупленую голову носячого подголенца, выструганого, мыломъ вышарованого и вымакглеваного пилне смотрѣти и мыслію похотною (если и не самымъ тѣломъ) блудити» — и далее, обращаясь к этому «подголенцу» — спрашивает: «А ты што розумѣешъ о собѣ, выбрытвивши потылицю, магерку верхъ рога головного повѣсивши, косичку или пѣрце верхъ магерки устромивши и делѣю на собѣ перепявши, плече одно вышше от другого накокорѣчивши, яко полетѣти хотячи»? Все это — вздор и суета: ведь «Смерть есть рожденному се, ижъ міръ сей любятъ, и тому мысль свою приковали суть и въдлугъ тѣла живутъ и мудруютъ, которые трупа своего боготворятъ и, яко идола, розными фарбами, так и сего трупа розными шатами пестрыми украшаютъ, одѣваючи перемѣняютъ, и ненасычоную любовъ къ прелести шматя того, злотоглаву, или ядамашку, шкарлату и иншихъ сукенъ скупостію тымъ подобныхъ привязали суть, а на томъ мечтаніи всю мысль свою истощили суть...».[2]

---

[1] Акты Южн. и Зап. России, II, с. 215.

[2] Там же, с. 212.

Обратимся теперь к польскому автору, который незадолго до Ив. Вишенского касался тех же сторон жизни, но не украинской, а польской шляхты. Это был известный Mikołaj Rej z Nagłowic, соединявший с живым, остроумным языком — суровость кальвинского проповедника. В 1560-х гг. он энергично нападал на жажду магнатов и шляхты к непосильному франтовству и роскоши, которые доводили их до полного разрушения их хозяйственного благосостояния и жесточайшей эксплоатации подданных — крестьян.[1] Так, обращаясь к читателю, он пишет:

«...Patrz gdy sobie wspomnisz one dziwne czuby, ony falsaruchy, ony stradyotki, ony z dziwnemi kołnierzmi delie, ony żupany, ony rozliczne włoskie, iszpańskie wymysły, ony dziwne płaszcze, sajany, kolety, obercuchy, aż dziwno i straszno o nich mówić... Nuż zasię co nowych nastało dziwnych pontalików, feretów, smalcowanych łańcuszków, pstrych bieretków z rozlicznemi cętkami. A snać już drudzy nietylko na głowie, ale i na nogach ty pontały a ty ferety sobie przyprawują ... Patrz zasię co się skarbu Bożego popsuje na owy pozłociste nitki, na owy forboty, na owy teperelle, na owy dziwne tkanice, tak szyte, jako haftowane, że już malarze wzorów nie nastarczą wymyślać. Także też owy rozliczne petlice, strzoki, knafle wymyślne, dziwne sznury a u nich kutasy, a kto by się tego naliczył a napamiętał». «Aby dziesięć krojów na każdy tydzień wymyślił, tedy każdy chwalą. Będzie jedna z długim kołnierzem aż do pasa, to powiedają, iż tak czyście, chłop ozdobny, od wiatru się zasłoni kiedy trzeba, i kijem we grzbiet nie tak barzo puknie. Będzie zasię drugą, co kołnierza nie będzie u niej i na palcu, a przedsię też tak czyście, wolno mi się obejrzeć kędy chcę i jako chcę, a przedsię mię kołnierz w szyję nie kąsa. Będzie druga z długiemi rękawy, a czasem i ze trzemi, też tak powiedają czyście, chłop znaczny na koniu, kiedy rękawy około niego trzpiatają. Będzie druga co jedno rękawiki do łokcia, a też tak przedsię czyście, wolniejszym tak i snadnie mi na koń

[1] Mikolaj Rej. Żywot człowieka poczciwego. Wyd. J. Kallenbach. Warsz. 1903, II, str. 12 — 21.

wsieść... Ja wierzę, by kto pozłociwszy rogi na łeb włożył, tedy niewiem, by nie powiedali, iż to tak czyście, bo wszytko czyście, by się jedno co dziś pojawiło, czegochmy wczora nie widzieli», а во что все это обойдется: — «to już tam mieszek niechaj responduje».[1]

Вслед за нарядами, которыми увлекались франты его времени, Рэй описывает их пышные выезды таким образом: «Nuż zasię pojazdy nasze, koń za pięć set złotych, rząd za drugie. Nuż owy alzbanty, nuż owy kutasy, nuż owy dziwne mucbry, strzępki, aż dziwno patrzyć na ty straszne wymysły świata tego... Albo też owy rozliczne a dziwnie przyprawne kolebki z wywieszanemi kobiercy, z altembasowemi wezgłowmi, z szarłatnemi poponami, z owemi pozłocistemi lewki. A jaki to koszt uczyni, a co na to wynidzie, a jako by to kto obliczyć miał»?[2]

В дальнейшем Рэй рисует роскошь и ненасытность на пирах, роскошь более показную, чем приятную и полезную: «Patrzaj że zasię na koszt a na dziwną utratę wymyślnych potraw naszych, jeśliże to nie jest wielka przyczyna niepobożnego żywota naszego. Przypatrz się jedno owym dziwnym półmiskom a owym sprośnym wymysłom świata dzisiejszego. Patrz na owy rozmaite przysmaki co je sapory zową, a prawie sapory, bo chłop po nich sapi ożarłszy się jako w barłogu kiernoz. Patrz że na potrząski rozliczne, patrz na pozłotki, na farby, na malowania dziwne, a snadźby ich mógł nie zwać potrawami, ale obrazki jakiemi malowanemi. Ano na jednej misie baran pozłocisty, na drugiej lew, na drugiej kur, na trzeciej pani jaka ubrana. Więc dęby s żołądźmi, więc z różami pozłocistemi, więc z rozmaitemi kwiatki zewsząd osadzonemi. Więc pozłoty rozliczne, ony kury pozłociste, ony orły, ony zające, a potrawa w pośrodku za dyabła stoi: ona zaprzała a śliska; dalekoby lepsza i smaczniejsza była, kiedyby ją z polewanego garnka ciepło na półmisek wyłożył. Druga zasię będzie z

---

[1] Rej, s. 12 — 13.
[2] Там же, s. 14.

pozłocistemi uszyma, co jeszcze w piątek wrzała, to ją aż w niedzielę postawia. Druga też z chleba a z migdałow a z klijem ulepiona, to też ta od kilka dni będzie stała... Patrz jakiego tu żołądka trzeba na takie zaklijone a zaziębłe potrawy, albo też na owy zapalone, co je winy albo muszkatelami zalewają. Więc zasię znowu lać w gardło ony soki, oni witpachery, ony rozekery, ony *rywuły, małmazye, muszkatełły*, a jakoż tu chłop zgorzeć niema?» [1] В результате — «go już katarrus męczy, kolera pali, flegma dusi, oczy zasiniały, nogi zapuchły, brzuch jako pudło, scyatyka, podogra pewna. Ano mu syropy w gardło leją. skwarny od trzeciego dnia w żołądku macają, ano mu w brzuchu pełno, a w mieszku nic niemasz». [2]

В результате на любителей роскоши и пышной жизни наседают многочисленные кредиторы, а расплата за долги панов падает на долю тех «nędznych ludzi», о которых речь будет далее. В следующих главах Рэй говорит о болезнях от ненасытности и чрезмерного питья, при чем пользуется тем же, что и Вишенский, излюбленным приемом нагромождения подробностей, синонимов, перечислением всех разновидностей предметов, которые привлекли к себе его внимание, напр.:

«Bo gdy nie bywało tak wymyślnych potraw, nie było też tak wymyślnych kucharzów, piekarzów, tortarzów, smażarzów, aptekarzów, i inszych do tak wielkich zbytków rozlicznych rzemieśników», или: «Oprawiła to byliczka, bukwiczka, kopytniczek, podróżniczek i insze drobne ziółka», или: «A kto słychał za starych wieków kankry, karbunkuły, antraxy, francuzy i z dziwnemi potomki...». [3]

Напоминают Ив. Вишенского и такие угрожающие восклицания Рэя, обращенные к обличаемым расточителям:

«Bieda wam, których brzuch Bogiem jest, a ni o czym, jedno

---

[1] Rej, s. 15.

[2] Там же, s. 18 и т. д.

[3] Срв. у Вишенского, А. Ю. и З. Р. II, с. 220 і «еще еси домотуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ» и др.

o nim pieczą macie! Bieda wam, którzy wstawacie rano na ożralstwo, a bęben i piszczałka nad glowami waszymi!». [1]

То же следует сказать и о фигуре вопрошения, которою очень часто пользуется как украинский писатель, [2] так и польские его сотоварищи по перу, обращаясь к пастве.

Присмотримся к другим польским авторам XVI в., которые также восставали против роскоши и расточительности, в ущерб отечеству и народным массам. Известный писатель-гуманист Соколовский в конце XVI в. пишет диалог о бережливости и расточительности, [3] окрашенный сатирою и проникнутый пессимистическим настроением. Он здесь проводит те же мысли, как и Рэй, но не в виде картинных образов, как бы выхваченных из самой жизни, следующих один за другим, а в логическом порядке философского размышления. Беседуют между собою Квестор и Мемпсимерус, осуждая, во имя любви к отечеству, расточительность, которая все более и более ширится: ведь наши имения прежде всего принадлежат отечеству, мы только временно управляем ими. Они вредят нам, ибо мы лакомы до всего чужого, ненавидим свое, живем на доходы, которых еще только ожидаем в будущем, а не своим трудом. Следовало бы сурово наказывать расточителей, а особенно из высших классов, так как они обращают в ничто народное добро. Соколовский — как позднее Ив. Вишенский — отожествляет расточителей с врагами отечества, подражая в этом отношении Цицерону. [4] И если так, то скорее можно думать, что украинский писатель вдохновился мыслями польского публициста философа или их общим источником, чем наоборот: но о следах непосредственного чтения Цицерона Ив. Вишенским мы ничего не знаем, — знаем только о враждебном отношении его к классическим авторам, как греческим, так и латинским.

---

[1] Rej, s. 25.

[2] Срв. у Виш. А. Ю. и З. Р. II, с. 218, у Рэя II, 27 и др.

[3] St. Sokolovii, Questor sive de parsimonia... Cracoviae. 1589.

[4] Grabowski. Piotr Skarga, s. 189.

За уравновешенным философом Соколовским пошли другие, освежая и ставя тот же самый вопрос в новых формахъ, более богатых эмоциональным элементом. Да и незадолго до него Б. Гербест, который позже энергично распространял католичество среди православных украинцев и белорусов и, будучи в своем роде предтечею Скарги, не взирая на определенную цель идеализировать перед прозелитами унии все католическое, громил католическое духовенство за его «dojutrkowstwo», за чрезмерную страсть к стяжанию имений и прочих земных благ, не брезгуя ничем: «Coż ci pomoże, nędzny dojutrku», — писал он — «nie tylko być tu bogatym, chodzić kosztownie a ustawicznie godować, ale też i nad wszystkim światem panować, gdybyś po śmierci ani kropie wody mieć ni mógł? A co nie lepiej za mały czas i Lazarzem nakoniec głodnym a wrzodowatym tu być?»[1]

Ks. Wujek в своем собрании проповедей[2] в 1573 г. затронул эти же вопросы и решил их в том же христианском демократическом духе, как позже Ив. Вишенский. Горе тем, кто верит в свой разум, кто много думает о себе и ставит земное выше небесного. Всему злу причина — человеческая немощь, которую раздувает сатана против власти, что и делают еретики; роскошь — общая болезнь отсюда вытекающая; радости жизни, погоня за ними — вот причина многих преступлений. И говоря о современном шляхетстве, Вуек спрашивает:

«Zaż tam pycha w ubierzech, strojach i w bryżach i w gładkości cielesnej nie panuje? Zaż tam łakomstwo miejsca niema, gdy jeden u drugiejgo, jedna u drugiej ujźrzawszy szatę kosztowniejszą, łańcuszki, pierścionki i inne błazeństwa takowe, więcej by tego życzyla sobie», [3] а далее — тот же самый мотив, который находим у Ив. Вишенского в его защите монашества: «Czy te kosztowne szuby, kaf-

---

[1] Herbest. Zdrowe przeciwko szkodliwie zaniedbanym powinnościom chrześciańskim lekarstwo, Krak. 1568, f. B_2.

[2] Postylla, część pierwsza, Krak. 1573.

[3] Postylla, fol. N_4, P_5 — P_6.

tany, półbutki, ostrogi, kołnierze, pludry, kabaty i inne wymysły mają być lepsze od białych lub czarnych kapic zakonnych? Czy ciało ma mieć przewagę nad duchem?»[1]

О том же самом писал и П. Скарга в «Upominaniu do ewangelikow»,[2] не скрывая и много другого, и особенно смело обличая недостатки католического духовенства, позволяющие расти и шириться реформационным идеям, направленным вообще против иерархии: «Księżej naszych ospałość, złe przykłady, próżnowanie, rozkoszy, łakomstwo — herezye wasze tucza», говорил он диссидентам; «Barziej ich zły żywot heretyki mnoży, niźli ministrowskie kazanie; cztery plebanie jeden trzyma, a czterych dusz w nich Bogu nie pozyszcze; dochody bierze, a w plebaniej nie postoi; dziesięciny dogląda, nauki nie pilnuje. W Polsce mieszka, a Litewskie kościoły z pieniędzy łupi, zgubą dusz ludzkich powinne bogacą, co na obronę i pomoc zbawienną nadano, to oni na swe wczasy i domy obracają». В другом месте Скарга восклицает: «Co aksamitów, kitajek hatłasów i jedwabiów podrze Polska? Mogła by z tego wielkie i mocne zamki budować, kościoły, klasztory, szpitale i domowe wielkie nędze ogarnując. Dostatków tych używamy, jako byśmy ich nie mieli. Bo wszytki w błocie zostają».[3] Не без горького чувства говорит он во 2-й сеймовой речи: «Patrzcie do jakich dostatków i bogactw i wczasów ta was matka (родина) przywiodła a jako was ozłociła i nadała, iż pieniędzy macie dosyć, dostatek żywności, szaty tak kosztowne, sług takie gromady, koni, wozów, takie koszty, dochody pieniężne wszędzie pomnożone. Sama tylko matka mało ma!.. Pierwej rzadki miał piwo w domu, a teraz winem piwnice wasze wonieją. Pierwej samodziałki boki nasze pokrywały, a teraz aksamity i jedwabie. Pierwej proste rydwany i rzadkie, częstsze siodła miasto poduszek; a teraz złote kolebki i karety. Pierwej proste potrawy: a

---

[1] Postylla, cz. III. 1575 r., Grabowski, P. Skarga, 133.

[2] Krak., 1592, f. E_2, Grabowski, ib., 373.

[3] Kazania na niedziele i święta. 1595 r., fol. $Nnnn_4$. Grabowski, P. Skarga, 408.

teraz ptaki i kapłony. Pierwej jedna misa wszytkim: a teraz półmisków kilkadziesiąt».[1]

О том же самом говорит Скарга в 8-й сеймовой речи с укором и негодованием: все, видит он, от мала до велика оставили умеренность; «Każdy chce wino pić: już nie tylo woda, na którejechmy przestawali, ale i piwo niezdrowe młodym i zdrowym; jedną na dzień kwartą wina do roku sto złotych blizko utraci. Rzadki panosza bez jedwabiów, bez poszóstnych koni, bez kilanaście pachołków i barwy jedwabnej; bez kolebek i strojnych obitych kotczych jeździć nie chcą; już siodła tylo woźnicze zostały, w wozie koń za kila set złotych, z jezdy szlacheckiej zstali się wozownicy, poduszsnicy, pierznicy: z łóżkami, z pierzynkami jadą. Zbrojny i jezdny pachołek zginął i siła męska rozkoszami struchlała. Białe głowe tak w ubiorach i strojach swoich przebrały, iż końca utratom niemasz: na jedwabie, złotogłowy, ogony i ferety i karety utrat nie przeliczysz...». И в этой роскоши и неудержимом мотовстве видит проповедник определенное указание на угрожающую государству гибель.

Почему нападал Ив. Вишенский на роскошь? Потому что с нею были связаны весьма тесно два других вопроса: один *о равенстве и братстве* людей и другой, отсюда вытекающий, *о правс одних*, сильнейших, *эксплуатировать труд других*, слабейших. И здесь украинский проповедник имел своих предшественников в польской литературе, с которыми совпадал не только идейно, но кое где и в манере выражаться. Но приведем отрывки из посланий Ив. Вишенского, сюда относящиеся.

В послании к епископам наш автор влагает в уста владыкам такие гордые слова, в которых чувствуется едва скрытая ирония:

«Тые хлопи простые въ своихъ кучкахъ и домкахъ сѣдять, а мы предся на столахъ епископскихъ лежимо; тые хлопи зъ

---

1 Kazanie sejmowe P. Skargi z pierwodruku r. 1597 wyd. Chrzanowski, 1912. str. 262 — 3.

одное мисочки поливку або борщикъ хлебчуть, а мы предся по колкодесять полмисковъ розмаитыми смаками уфарбованыхъ пожираемъ; тые хлопи бѣтцкимъ албо муравскимъ кгермачкомъ ся покрываютъ, а мы предся въ гатласѣ, ядамашку и соболехъ шубахъ ходимо; тые хлопы сами и панове и слуги собѣ суть; а мы предся предстоящихъ барвяноходцевъ по колкодесять маемо; передъ тыми хлопи нѣхто славный шапки не здойметь, а передъ нами воеводы здыймаютъ и низко кланяются».[1]

Это противупоставленіе резко разграничивает положеніе хлопов и владык, не могущих отрешиться от своих шляхетских воззрений и снизойти до ясного, но неприемлемого для них учения Христа. А раз владыки — ближайшие родичи и прислужники шляхты, ясно, что и линия их поведения должна была быть тою же самою, что у верхов феодального строя. В том же послании Ив. Вишенский дает откровенно и прямо пояснение, откуда и за чей счет явилась с одной стороны пышность владык и шляхты — и бедность непокрытая хлопа, работающего на них; он резко спрашивает: «Не ваши милости ли алчныхъ оголоднѣете и жаждными чините бѣдныхъ подданыхъ, той же образъ божій, што и вы носячихъ, на сироты церковные и прекорменіе ихъ отъ благочестивыхъ христіянъ наданыхъ лупите, изъ гумна стоги и обороги волочите: сами изъ своими слуговинами ся прекормлюете, оныхъ трудъ и потъ кръвавый, лежачи и сѣдячи, смѣючися и граючи, пожираете; горѣлки препущаные курите, пиво троякое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете: сами изъ гостьми своими пресыщаете, — а сироты церковные алчутъ и жаждутъ, а подданые бѣдные въ своей неволи рочнего обходу удовлѣти не могутъ, зъ дѣтми ся стискаютъ, оброку собѣ уймуютъ, боячися, да имъ хлѣба до пришлого урожаю дотягнетъ!.. Не ваши милости ли сами обнажаете изъ оборы конѣ, волы, овцы, у бѣдныхъ подданыхъ волочите дани пѣняжные, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете, отъ нихъ живо лупите, обнажаете,

[1] Акты Ю. и З. Р. II, с. 242.

мучите, томите, до комягъ и шкутъ безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните; а сами яко идоли на одномъ мѣстцю присѣдите, или если и трафится того трупа оидолотвореннаго на другое мѣстце перенести, на колыскахъ, якъ бы и дома сѣдячи, безскорбно преносите; а бѣдные подданые и день и ночь на васъ трудятъ и мучятъ; которыхъ кровъ, силы и праци и подвига выссавши и нагыхъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, — вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утръфинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ тыхъ слуговинъ око накормите. А тые бѣдници, подданыи, и простои сермяжки доброи, чимъ бы наготу покрыти могли, — не маютъ! Вы ихъ пота мѣшки полны грошми золотыми, талярми, полталярки, орты, четвертаки и потройники напыхаете, сумы докладаете; въ шкатулахъ, мѣстца гдѣ бы которой особѣ съ тыхъ помененыхъ годное было почивати, росправуете: а тые бѣдници шелюга, за што соли купити, не маютъ!»[1]

И в том же послании к епископам-вельможам он касается вопроса о социальном неравенстве и со своей стороны выдвигает великую и новую для общества его времени мысль — о братстве и равенстве великих и малых; и о равенстве не только правовом, но и по существу. Это место его послания — предваряет все, что когда либо было высказано в этом роде, по определенности и резкой, отчетливой формулировке:[2]

«...Іоанъ евангелистъ не тыхъ, которіе ся въ злотоглавыхъ подушкахъ и китайчаныхъ пелюхахъ родять, блажитъ, але которіе ся убого въ земны(хъ) богатства(хъ), но (въ) небесны(хъ) богатства(хъ) отъ бога свыше родять — сихъ вѣрными и зацными быти розумѣеть...».

«...Якъ же ся вы духовными, а не толко духовными, але и вѣрными звати можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единое матере благодати ровно зъ собою породившагося подлѣйшимъ отъ себе чините, унижаете и ни за

[1] Акты Ю. и З. Р. II, с. 229—230.

[2] Там же, с. 239; срв. «Пораду», с. 222 сравнение богатого и бедного.

шго быти вмѣняете, хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе прозываете! Добре, нехай будеть хлопъ, кожемяка, сѣдельникъ и швець, але въспомяните, яко братъ вамъ ровный во всемъ есть... а подвигомъ и вѣрою дѣлною... можетъ быти кожемяка отъ васъ лѣпшій и цнотлившій». «Пытаю теды тебе, ругателя имени: чимъ ты лѣпшій от хлопа? албо ты не хлопъ такій же, скажи ми? албо ты не тая жъ матерія, глина и персть, ознайми ми; албо ты не тое жъ тѣло и кровъ, албо ты не тая жъ желчъ, хракотины, слина и тлѣніе, или ачей ты отъ камене утесанъ, а не маешъ кишокъ и слюзу хлопского въ собѣ, ознайми ми; или ачей ты костеный такъ безъ тѣла родился еси — дай ми знати о томъ. Зась пытаю тебе и не оставлю пытаючи, чимъ ты лѣпшій надъ хлопа, повѣжъ ми и свѣдоцтво дай, — не гордую хулу и дменіе, але божественнаго гласа писаніемъ покажи. А егда показати не можеши, яко ты каменный, костеный или наветъ и золотый, толко такій же гнѣй и тѣло и кровь, яко и всякъ человѣкъ, чимъ же ся ты лѣпшимъ показати можеши надъ хлопа? Явно, явно ничимъ другимъ, толко хулою и величаніемъ гордости предъ человѣки, а предъ всевидящимъ окомъ окаяннѣйшій и всѣхъ тварей безчестнѣйшій еси...»

Украинский проповедник не отрицает все же разницы существующей между благородным-шляхтичем и мужиком-хлопом, но понимает эту разницу *по своему*, ставя её в зависимость *не от происхождения и богатства, а от нравственного уровня:*

«Хто жъ есть хлопъ и неволникъ? Толко тотъ, который миру сему, яко мужикъ, якъ хлопъ, якъ пойманець, якъ неволникъ служитъ, которій образъ и кшталтъ *вы, панове*, носите для того, ижъ міра сего хлопи и неволници есте и ему вѣкъ свой въ службѣ ажъ до смерти изглубляете и сами съ нимъ погибаете. Хтожъ есть шляхтичъ? Тотъ, которій зъ неволѣ мірской къ богу вырнетъ и съвышше ся отъ Духа святаго породитъ... Которій отъ бога ся породитъ, тотъ есть шляхтичъ». [1]

---

[1] Акты Ю.и З. Р., II, с 223.

Обратимся теперь к польским авторам, предшественникам и современникам Ив. Вишенского. Наиболее определенную и самую крайнюю позицию в этомъ вопросе заняли ариане (антитринипары, или социниане). Арианские наставники (ministrowie), отвечая шляхте, которая советовала им жить своим трудом, чтобы отличаться от кальвинских — в свою очередь напоминали шляхте, чтобы она не жила пóтом и кровью своих подданных, присоединяя еще один специфический мотив: «nie godzi sie wam mieszkać na takich majętnościach, które przodkom waszym nadano *za rozlanie krwie*».[1]

Вследствие аналогичных соображений — на белжицком синоде 1569 г. было арианами постановлено, — не носить оружия, не платить податей; в стране циркулировали прокламации против *правительства, собственности и неравноправия сословий*.[2] На синоде 1568 г. популярный арианский наставник Grzegorz Paweł высказался весьма определенно, что «*się wiernemu nie godzi mieć poddanych, a daleko mnej niewolników i niewolnic*, gdyż to jest rzecz pogańska panować nad swoim bratem, potu jego abo raczej krwie używać; ono Pismo św. jawnie świadczy, że Bóg z jednej krwie uczynił wszytek rodzaj człowieczy. Wedle tego wszytcy jesteśmy sobie równi, bo jeśliśmy wszytcy z jednej krwie, tedyśmy wszytcy sobie bracia. A jeśli bracia, a jakoż może brat nad bratem panować? Jako może jego potu używać? Rad będę słuchał, jeśli mi kto inaczej ukaże»:[3]

Правда, не все ариане были столь прямолинейны в своих суждениях. С. Будный, авторитетный в белорусских и украинских арианских кругах, возражал Павлу, что только *некоторые* паны дурны, что дело идет только о духовной свободе и равенстве,

---

[1] Grabowski. Literatura aryańska, str. 56.

[2] Там же, стр. 57.

[3] O urzędzie miecza używającem wyznanie zboru Pana Chrystusów, który w Litwie z Pisma św. krótko opisane. Przytem tegoż urzędu przeciw wszem jego przeciwnikom przez Simona Budnego rozprawa. W Lubczu, 1583, fol. Cc. 3.

что христиане в древности имели рабов,[1] но все же в большинстве прямота взглядов чистого арианства сохранилась надолго, и еще много лет спустя католические писатели с негодованием обличали «противуправительственные», «противогосударственные» тенденции ариан, призывая на их головы грозный меч правосудия.

Кальвинист Рэй более поверхностно касается вопросов о равенстве, о шляхте, о положении рабов-крепостных; но все же и он не обходит всего этого молчанием, хотя и не пытается расшатывать старые устои современного ему быта. В первой части «Żywota człowieka poczciwego» он признает деление граждан на сословия, среди которых шляхетское — занимает первое, выдающееся место. Но тут же предлагает поправки, оговорки, с которыми позже мы и встречаемся у Ив. Вишенского; напр. «A wszakoż jeśli kto będzie ozdobion stanem slacheckim, jakoż się już to z dawna na świecie rozniosło, tedyć jeszcze *nie to prawe slachectwo gdy cnotami nie będzie ozdobione,* iż go tak zową, albo iż sygnet z jakim herbem na palcu nosi, albo iż ji na sznorze na szyi powiesi, albo iż się czyrwonym, albo zielonym woskiem pieczętuje, albo na wrociech nadobnych na tablicach herbów nawiesza, albo przybija, albo iż się chlubi dziady, przadziady, albo inszemi przodki swemi, *toć jeszcze mało na tym*». Ведь если бы у славных предков родился кто-нибудь распутный, то хотя бы он внешним видом и походил на них, они отреклись бы от родства с ним. «Slachectwo» по Рэю — «gniazdo cnoty, sławy, każdej powagi i poczciwości»; это — сокровище, ценность которого зависит от благородства предков, хорошего воспитания и от благородных поступков, в которых человек проявляет свою деятельность.[2] В другой части Рэй пользуется доказательством от противного. Изобразив беспутного человека, он спрашивает читателя: «A jakoż się tu poćciwym człekiem taki pan zwać może? a jakoż to z dobrym sumieniem może powiedzieć, iż dobrego a cnotliwego żywota używa? a gdzież tu on nawdzięczniejszy kwiat,

[1] Grabowski. Literatura aryańska, str. 89—90.

[2] Żywot człowicka poczciwego, I, 153.

cnota a slachectwo słusznie zakwitnąć może, gdy będzie tym jadowitym mrozem zarażono?...».[1]

Ниже Рэй также делает замечания об истинном благородстве — в том же духе.[2]

Касаясь положения хлопа, Рэй резко подчеркивает безнадежно горькую его долю. Описывая ссоры между соседями-помещиками, он заканчивает мыслью, что не всем легко обходятся эти ссоры:«... bo się panowie pojednają, a (chłopu) w tym rosterku zawżdy w łeb. Bo już, chłopie daj kury, daj owies, pódź na straż, rano biegaj po drwa, biegaj po piwo, młóć owies, a chłopu się przedzię rychlej dostanie, niż komu inemu. Bo tak pospolicie powiadają: O, stłukci on mnie jednego, aleć mu ja ich pewnie stłukę trzech. A cożci chłop krzyw? czemu onego nie tłuczesz, coć winien? Ale iż łacno chłopa zdybać, awżdychmy się pomścili jako tako».[3] Рэй верит и напоминает современникам, что «przeklęctwo nędznych ludzi» — «na trzy głosy do Boga spiewać musi», ибо только из за жадности сильных — «nędzne ludzi głod a ucisk cirpieć muszą».[4]

Немногим позже Рэя выступил с аналогичными обличениями Поводовский. В книге «Korab zewnętrznego potopu»[5] он громит эгоизм, ненасытность и пьянство, царящие среди современного ему шляхетского общества. Этот внутренний потоп заливает все и берет верх с каждым днем. Хотя природа и ограничила потребности людей очень малым — чревоугодие все растет. Роскошь портит душу, ставит людей ниже зверей и отдает их душу диаволу. От этой роскоши, связанной с расточительностью, ростут долги и вследствие их, что важнее всего для нас, угнетение крестьян шляхтою («przez stan rycerski» — что звучит еще более иронично). «А jeślić — пишет Поводовский — «obżarstwo i opilstwo jest przyczyną takowego niedostatku i stąd zasię uciśnienie

1 Там же, II, 27.
2 Там же, 128, 153.
3 Там же, II, 47—48.
4 Там же, II, 17.
5 W Krakowie, 1578, fol. A. 6.

ubogich przez stan rycerski, który wżdy przyrodzenie i prawo pospolite dla wyższej zacności, dostatku i więtszych wolności i niejakiego przełożeństwa dotego sposobniejszym uczyniło. Jako daleko należć się to musi w stanach inszych a robotnych, które właśnie z prace rąk własnych mieliby sami żyć i Rzeczpospolitą zapomagać, który stan robotny, iż jest dwojaki, gburski a miejski. Co się pierwszego dotycze, nie widzimy, aby obżarstwem grzeszył, i owszem tak jest znędzony a utrapiony, iż *ledwo mu się czarnego chleba przy wodzie dostanie*. A jeśli się niektórzy z takowych upijają, tedy iż im piwo nowina, łacno też główkę zamota. A też w takim utrapieniu zawsząd będąc, które i egipskie przechodzi, podobno się jako teraz co żywo pismem narabia, musieli dowiedzieć o nym, co u Salomona jest napisano: «Dawajcie piwa mocnego w żałości będącym i wina tym, którzy są strapionej myśli, niechaj piją a niech zapomnią nędze swojej i żałości swej niech więcej nie wspomioną».[1]

Обрисовав в немногих словах крестьянство, жившее в неволе хуже египетской, Поводовский бичует пьянство тех, кто не имеет для него никакого оправдания — интеллигенцию своего времени: духовенство и студентов.[2]

Знаменитый борец за унию, кс. Петр Скарга, не раз поднимал свой голос в защиту обездоленного и замученного всякими поборами крестьянина, несмотря на то, что далеко не разделял крайних воззрений ариан и даже умеренных — кальвиниста Рэя. Предвидя политическое разложение и экономический крах, надвигающиеся на его страну, Скарга, патриот-мещанин, имел мужество выступить с принципиальными для него, конечно, возражениями против рабства и крепостного состояния, в котором находилось большинство селянства. Об этом говорит он в 7-й сеймовой речи, в параграфе, озаглавленном «Ubodzy kmiecie zniewoleni». Привожу большую часть этого параграфа в виду его значения.

---

[1] fol. Kf, Grabowski, Skarga, str. 203—4.

[2] Grabowski, P. Skarga, str. 204.

«Dotknąć by i onego złego prawa, ktorym kmiecie i wolne ludki, Polaki i wierne chrześcijany, poddane ubogie, niewolnikami czynią, jakoby *mancipia* kupieni abo na wojnie sprawiedliwej pojmani byli; i czynią z nimi drudzy, co chcą, na majętności i na zdrowiu i gardle, żadnej im obrony i *forum* żadnego o krzywdy ich, drugdy nieznośne, niedając i na nich *supremum dominium*, na które się sami wzdrygamy, stawiąc... Jeśli nie kupieni ani pojmańcy, jeśli Polacy tejże krwie, nie Turcy ani Tatarzy, jeśli chrześcijanie: czemuż w tej niewolej stękają? Czemu ich nie jako niewolników, ale, jako najomnikow, używać nie mamy? Na twej rolej siedzi, a źleć się zachowa: spądź go z swej roli, a wrodzonej i chrześcijańskiej wolności mu nie bierz i nad jego zdrowiem i żywotem panem się nawyższym sam bez sędziego nie czyń! Starzy chrześcijanie, którzy za pogaństwa niewolniki kupne mieli, wszytkim wolność dawali, jako braciej w Chrystusie, gdy się świętym chrztem z niewolej dyabelskiej wyzwalali: a my wierne i święte chrześcijany, Polaki tegoż narodu, ktorzy nigdy niewolnikami nie byli, bez żadnego prawa mocą zniewalamy i, jako okupione bydło, gdy dla swej nędze uciekać muszą, pozywamy i, gdy żywności swej indzie, ubodzy i znędzeni, szukają, — okup na nich, jako Turcy za więznie, wyciągamy. Czego we wszytkim chrześcijaństwie nie słychać».[1]

В 8-й сеймовой речи, напомнив об угнетенных и ограбленных сиротах и вдовах, которые день и ночь вопиют о нарушении законов, Скарга обращает внимание слушателей и на Авелей, которые постоянно, по закону, страдали от Каиновых-братских рук: «O Boże mój, jako wiele krwie Ablów niewinnych ziemia ta w się przyjęła i przyjmuje, która z ziemie ustawicznie o pomstę do P. Boga woła. A ona krew abo pot żywych poddanych i kmiotków, który ustawicznie bez żadnego hamowania ciecze, jakie wszytkiemu królestwu karanie gotuje? Powiedacie sami, iż niemasz państwa, w którymby barziej poddani i oracze uciśnieni byli pod tak *absolutum dominium*, ktorego nad nimi szlachta bez żadnej

1 P. Skarga, Kazania sejmowe, wyd. Kallenbach, str. 359—360.

prawnej przeszkody używa; i sami widzim nie tylo ziemiańskich, ale i królewskich kmiotków wielkie opresye, z których żaden ich wybawić i poratować nie może. Rozgniewany ziemianin abo starosta królewski nie tylo złupi wszytko, co ubogi ma, ale i zabije, kiedy chce i jako chce, a oto i słowa złego nie ucierpi. Tak to królestwo poddane robaczki nędzne, z których wszyscy żyjem, opatrzyło!... Jako ziarna pod młyńskim kamieniem, tak ci kmiotkowie pod pany swemi....».[1]

Упорно возвращается Скарга к этим мыслям; с тою же манерою, которую мы наблюдаем у Ив. Вишенского он говорит о бедняках, трудящихся на шляхту также и в воскресных и праздничных проповедях: «O jako się przed P. Bogiem wymówim, gdy na zbytkach, strojach, koniach, wozach, pachołkach utracamy chleb ubogich. O jakobyśmy wiele szpitali wspomogli, byśmy pychy i próżności i pompki nie karmili, a łaknącym i od głodu umierającym ogony sukien niewieścich i ferety i pasamany i frędzle i inne do pokrycia uczciwego nie potrzebne zbytki dawali».[2]

В «Upominaniu do Ewangelików» Скарга влагает в уста крестьянина такую трогательную и правдивую мольбу: «Panie, wżdy mi pofolguj, jako mi ksiądz folgował, wżdy nie tak ciężko, wżdy nie zaraz, wżdy mi słomę zostaw, jako ksiądz zawżdy czynił». А panowie co odpowiadają: «Chłopie milcz, daj i skórę, idź, byś chciał z swoją spowiedzią i do dyabła». O niesłychane tyrańskwo!».[3]

В 3-й сеймовой речи он бросает такой укор шляхте, постоянно ссорившейся и сходившейся в согласии только в пределах узкого круга общих интересов: «Gdy dziesięcin nie dać, a nick ościołom Bożym nie wrócić, a poddane i ubogie uciskać,—to wam zgoda!».[4]

Он начинает 7-ю сеймовую речь грозным напоминанием,— что «ubodzy uciśnieni... o pomstę wołają»[5], и приводит поучитель-

---

[1] P. Skarga, Kazania sejmowe, 367—368.
[2] Kazania na Niedziele i Święta całego roku. W Krakowie, 1545, fol. $Nnnn_4$.
[3] Upominanie do Ewangelików, Krak. 1592, fol. K_3.
[4] Kazania sejmowe, str. 287.
[5] Там же, стр. 345.

ный исторический пример, когда свершилась такая месть.[1] Наконец, в 3-й сеймовой речи, доказав пользу и необходимость всех сословий народа, уподобляя их членам одного тела (а в 3-м издании уподобляя их голосам в хоре), Скарга заканчивает: «tak i w Rrzeczypospolitej wyższe stany niech miejskimi i kmiecymi nie gardzą. Ci robaczkowie ziemscy, ci ubodzy poddani. którzy w takiej są u was wzgardzie i ucisku, patrzcie, jako was noszą żywią i ubogacają». И дает многозначительное предупреждение: «Miejcież na nie baczenie, aby, jako Apostoł mówi, członek podlejszy więtsze miał szanowanie; bo inaczej bez takiej zgody musicie wszyscy upadać i ginać».[2]

И всюду, где есть хоть какая нибудь возможность, Скарга не упускает случая обратиться к сердцу своих слушателей и читателей, напоминая им о дорогих ему «robaczkach ziemskich», «ubogich poddanych» [3], точно так же как и современный ему защитник интересов широких украинских масс. Но все же между ними лежит глубокая пропасть во взгляде на причины, побуждающие выступать на защиту крестьянства: у Скарги на первом плане требование его сердца, его христианского настроения, отчасти — финансовые опасения за будущность государства. Принципиально в вопросе о *равенстве* людей он стоит на иной позиции, чем Ив. Вишенский.

В самом деле, Скарга убежден, что сам «Bóg wszechmogący postawił nad ludźmi pany i sędzie», которым следует повиноваться согласно велению апостола (Коринф. I-е, 12), ибо «insza głowa, inaksze oko, inakszy język i zęby, inaksze uszy, inaksza ręka i noga», а в соответствие с этим «musi być nierówność w Rzeczypospolitej: jeden zacniejszy, niżli drugi, jeden wyższy w stanie, a drugi niższy, jeden więtszą część ma, drugi mniejszą... Przetoż hardość jest wielka i głupstwo, gdy się wszyscy równemi sobie

1 Kazania sejmowe, стр. 374.
2 Там же, стр. 293.
3 Grabowski, P. Skarga, str. 427.

czynią».[1] Отсюда и его укоры на ропщущих, недовольных своим положением: «Drudzy na swoim stanie nie przestając, a wyższym zajrząc, równać się z nimi chcą. Rzemieśnik i kupiec równać się szlachcicowi, szlachcic wojewodzie, wojewoda królowi», и наконец — «do takiego zbytku i utrat przyszło na szkłach, na potrawach, na koniach, wozach, pachołkach, iż Pan stanu najwyższego nic niema nad szlachcica».[2] Отсюда и страх Скарги перед словами пророка (Исаии, 25): «będzie sługa równo z panem, niewolnica równa z panią swoją, i kapłan z ludem, i bogaty z ubogim...».[3]

В этом вопросе Иван Вишенский решительно расходится со Скаргою, зачарованным идеею иерархии, и обнаруживает более свободные и демократичные воззрения, приближаясь к наиболее свободомыслящим сектантам — арианам. С ними он сходится отчасти и в вопросе о подчинении мирян — клиру: «лѣпше бо вамъ», пишет он своим православным землякам — «безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ діавола поставленныхъ, до церкви ходити и православіе хранити, нежели съ владыками и попами, не отъ бога званными, у церкви быти и съ той ся ругаты и православіе попирати. Не попы бо насъ спасутъ или владыки или митрополиты...».[4]

Так резко ставить вопрос мог только наш украинский полемист и крайние протестанты.

Перейдем к отношению Ивана Вишенского к науке. Оно рисуется обычно таким: на фоне просвещенного польского общества и украинских верхов, приобщившихся к европейскому образованию, среди общества, давшего уже ряд блестящих писателей — он изображается каким то грубым, хотя и талантливым невеждою, который резко отбрасывал все приобретения гуманистической науки и старался об одном только — загнать своих

[1] Kazania sejmowe, III, str. 285, 288—289.
[2] Kaz. na niedziele i święta, fol. C_2.
[3] Kaz. sejm., str. 282.
[4] Акты Ю. и З. Р. II, стр. 210.

пробуждающихся земляков и единоверцев назад в тесный круг церковного чтения. Он, называя православных монахов «невытертым черевичищем»[1] и другими подобными нелестными эпитетами, солидаризуется с ними и заступается за них. Но был ли он в действительности таким неотесанным, темным монахом, в действительности непричастным к науке своего времени? Затем — необходимо ли быть действительно отсталым от века человеком, чтобы проповедывать отчуждение от гуманистической науки, явившейся на Украину в иезуитском одеянии?

Ив. Вишенский неоднократно говорит о науке в своих посланиях, но не о науке вообще, а всегда с определенной ее квалификацией. Так в послании к кн. В. К. Острожскому он советует тщательно беречь детей от влияния латинской (католической) науки, чтобы они не отпали от благочестия, преданной отцами веры: «Егда есте на латинскую и мирскую мудрость ся полакомили, тогда есте и благочестіе стратили, въ вѣрѣ онемощили и поболѣли и ереси породили и, въ него же крестихомся, прогнѣвали. Чи не лѣпше тобѣ изучити часословець, псалтыръ, охтоихъ, апостолъ и евангеліе съ иншими, церкви свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ въ жизни сей звати — и въ геену отъити? Разсуди. Мнѣ ся видитъ: лѣпше есть ани аза знати, толко бы до Христа ся дотиснути, который блаженную простоту любитъ и въ ней обитель собѣ чинитъ и тамъ ся упокоеваетъ».[2] В «Зачапкѣ» — он пишет: «Духа сила не в художестве вышнего наказания и философского постижения обретается, но вѣрою смиреномудрия... даруется». Далее — подчеркивается «простота» автора: «Сего ради азъ вамъ о себѣ, яко не знаю ничтоже ко вам хитро мовити или писати: точію вѣмъ се, яко православное вѣры простоты держю ся и васъ въ той же вѣрѣ и простотѣ благочестія обрѣсти ся желаю».[3]

---

[1] Акты Ю. и З. Р., стр. 214.

[2] Там же, стр. 210.

[3] Голубев, Петр Могила, I, прилож., стр. 69.

Наконец охарактеризовав разум латинского костела, как «немѣрный, сварливый, гнѣвливый и пышный», продолжает: «мы тежъ, глупая Русь, вашего костела разума и хитрости не хочемъ и на ваше жродло поганскихъ наукъ, которое славу свѣта сего гонитъ, не лакомимо ся». [1] Эти же мысли повторяются и в «Краткословном ответе Феодула» (с. 126, 127 и др.).

В послании про ошибки римской веры, споря об «исхождении св. духа», Ив. Вишенский обнаруживает наклонность католических богословов примешивать к своим рассуждениям языческую мудрость, т. е. вместо простых и ясных свидетельств от писания обращаться к запутанным софизмам: «Латынникъ свѣдителства отъ писанія о семъ дати не можетъ никакоже, покорити же ся истиннѣ — гордостный духъ ему не попуститъ; но что сотворитъ? — На баснотолкованіе Іоанновыхъ словесъ востечетъ... и паки мудростію аристотельскою мѣрити и образовати пресущественное и непостижимое божество будетъ: истинною недовлѣетъ, мечтаніемъ же и лжею языческое хитрости истинну тебѣ или у тебе украсти хощетъ, да тебе образованми и многословіи измамитъ и ослѣпитъ».

Прижатые в споре к стене латынники стараются подорвать авторитет своих противников такими приемами: «на ложь не имуще индѣ мѣста нигдѣже, яко же на пристанище въскачють, глаголюще: «не знаешъ ничто же»; або: «гдѣ ся сей училъ? по латинѣ не знаетъ, простое евангеліе чететъ, комедій и машкаръ у езуитскихъ колеумахъ не учивъ»,—мнятъ бо, яко въ поганскихъ комедіяхъ разумъ Христовъ водворяется. Но нѣсть сице, нѣсть; нижѣ бо может комедійникъ к разуму Христову око мыслное прострѣти, дондеже сего разума машкарского ся не свободитъ и въ простотѣ и смиреніи не станетъ, и доколѣ еще плотское и внѣшнее мудрованіе проходитъ и въ прелести художества языческого ся забавляетъ и о собѣ высоко мудрствуетъ, — нижѣ помечтати о разумѣ духовномъ не можетъ. Но онъ убо многыми языки и поганскими

[1] Голубев. Петр Могила, I прилож., стр. 79.

даскалы, Платоном, Аристотелемъ и прочіими прелести ихъ послѣдующими да ся хвалитъ и возноситъ; ты же, простый, неученный и смиренный Русине, простого и нехитрого евангелія ся крѣпко держи, въ немъ же животъ вѣчный тебѣ сокровенно есть».[1]

Здесь ясно, почему Ив. Вишенский «перегибает палку в другую сторону» в пылу полемического задора, особенно в виду горделивого поведения «латынников». Целый ряд посланий его заключает в себе осуждение заносчивой латинской науки и носителей её за чрезмерную гордость и самомнение, неприличествующее христианину. В той же самой «Зачапке», которую мы цитировали, автор пишет: «Того николиже, Скарго, показати не можешъ, абы изъ школы латынское и науки — смиренный и нищий духомъ выйти имѣлъ, толко все оной блаженной наукѣ (то есть науке смиренного Христа) сопротивници, горды, величавы, пышны, надуты, пружнославолюбцы, хлепливыи, велерѣчивы, самохвалны, фарисеи возносливы, клеветницы, всѣхъ укорители, а себе за лучшихъ разумѣющіи. Пощупай толко себе, Скарго; ты еси первый ученикъ школы латынскои...».[2] В произведении «Слѣдъ къ постыженію и изученію художества» наш автор пишет про питомцев иезуитской школы: «...Нинѣ же въ латинском родѣ сопротивно творятъ: изучивши граматичку и празднословницу велерѣчную, еже есть рыторичку, тогда уже ся дмутъ, даскалами и мудрыми ся зовутъ, проповѣдаютъ, учатъ, а сами въ безуміи и буйствѣ премудрости мира сего сѣдятъ».[3]

Как антитезу этому «безумию и буйству» — Ив. Вишенский выдвигает душевную простоту и главным образом ту цель всякой науки, чтобы улучшить моральную сторону её носителей: «Прето и пораду сердечно зычливую даю вамъ: будьте аще и дурны, просты, нехитры, неумудренны внѣшнимъ наказаниемъ...» ибо, по ап. Павлу «премудрость міра сего — буйство есть предъ бо-

[1] Акты Ю. и З. Р. II, стр. 257.
[2] Голубев, назв. соч., I, прил., стр. 102.
[3] Киев. Стар., т. XXIX, стр. 115—116.

гомъ».[1] «Мнѣ бо довляетъ простый и нехитрый Христосъ, въ немъ же вся сокровища премудрости и разума», говорит он в послании старице Домникии.[2]

Из приведенных отрывков легко убедиться в том, что не наука вообще, не наука сама по себе и не христианская наука в частности вызывает к себе чувство ненависти у Ив. Вишенского; он со свойственной ему прямолинейностью: 1) относится отрицательно к тому, чтобы пользоваться «поганскою» философией при обсуждении вопросов христианской догматики; 2) осуждает приемы иезуитов, которые не стеснялись никакими средствами при пропаганде католичества; 3) выдвигает как основное средство для достижения душевного спасения смирение и простоту души, противупоставляя их искусственным словоизвитиям своих противников. И лишь в пылу защиты своих идей высказывает мысль, что лучше ничего не знать — и спастись, чем погибнуть, владея мудростью этого грешного света. Эти мысли во времена Вишенского не были совершенно новыми и неожиданными для начитанных людей. Аналогичные мысли и выражения, даже тожественные, рассеяны в произведениях польской литературы, частью современной Ив. Вишенскому, частью в литературе ему предшествующей. Начнем с ариан, как наиболее решительных в выражении своих идей.

Фауст Социн, младший, признавал источником истинной философии (мудрости) — св. Писание, для правильного уразумения которого необходимо знать три древних языка (еврейский, греческий и латинский). Но он не отрицал также необходимости наук для христианина: необходима диалектика (логика) — она учит, как отличать истину от лжи; также необходима и реторика, хотя она служит более светским целям, а духовный проповедник — не оратор, природа и опыт учат его, как он должен говорить. Для дополнения образования следует иметь понятие об этике и све-

---

[1] Архив Ю.-З. России, ч. I, т. VII, стр. 24.
[2] Там же, стр. 29.

дения из области естественных наук.[1] Другие ариане также не считали науку вообще ненужной и вредной, противупоставляя ей изучение св. Писания. В духе Социна писал Wojciech z Kalisza, педагог по призванию, руководитель Левартовской школы. Он думал, что светская наука полезна для приобретения красноречия и воспитания нравственности. В его системе образования первое место занимает философия, главною частью которой является религия; за нею — этика, которая учит добру и уменью жить; далее — экономика, которая показывает, как вести хозяйство; политика, ибо человек есть существо общественное; номика, которая учит праву; математика и астрономия, геометрия, музыка и архитектура. Кто имеет знания — имеет силу; перечисленные науки не исключают предварительного изучения грамматики (конечно, латинской), диалектики и реторики.[2] Интересно отметить, что кроме изучения латинского языка по Цицерону, он считал необходимым дать ученикам и начальные сведения по *греческому* языку, чтобы читать Новый Завет сначала по латыни, а потом — по гречески.[3]

Таковы были теоретические предпосылки относительно науки у некоторых наиболее свободомыслящих протестантов. Они очень ценят эту «бесполезную мудрость», от которой предостерегал своих единоверцев Ив. Вишенский. Но таковы были лишь теоретические соображения. Практика жизни вызвала на свет другое течение среди них, которое значительно ограничивало не только необходимость науки, но и право её на существование наряду со св. Писанием. Это случилось тогда, когда все эти, перечисленные выше, науки стали повсеместно преподаваться иезуитами и притом в желательном для них направлении, отрывая от чистой суровой церковности, как православных, так и протестантов.

---

1 F. Socini Senensis, Opera omnia, 1656, II, 471; T. Grabowski, Liter. aryańska w Polsce, 164.

2 Schola Lewartowia restituta. 1593 p. fol. A_4, B_2. Grabowski, Liter. aryańska, 134.

3 Там же, fol. C_3, C_4.

С грозною филиппикою против иезуитов и их науки выступил Мартин Чехович в книге «Wujek, to jest krótki odpis na pisanie ks. Jakóba Wujka z Wągrowa, teologa S. J.. o bóstwie Syna Bożego i Ducha św.» (без места изд. и года). Отметим, что Чехович прежде всего бичует иезуитов за их манеру вести диспуты с помощью насилия, нападает на них за их жадность до земных благ: «...jakiemiście pany wskok zostali, mówić nie trzeba. Jakieście grunty rozszerzyli, miejsca i place rozprzestrzenili, jakieście na nich budowania warowne, obronne, ochędożne, tajemne i otworzyste prędko wystawili a kto wypysać może!».[1]

Иезуитское безбожие, привязанное к земному, светскому пренебрегает простым, прямым пониманием откровения, хочет заглушить истину языческою ученостью. Чехович, как позже — Ив. Вишенский, обвинял иезуитов в чванливости, высокомерии, ненужных для христианина, и говорил, что эти новые борцы за католичество основывают свою веру — «na szkolnych pogańskich filozofów naukach, na grammatyce, na wydwornej muzyce, na dyalektyce a podobno więcej na zofistyce, na częstych bucznych wystawnych kosztownych komedyach i tragedyach, którymi więcej młodzi psujecie niż naprawiacie».[2]

Чехович не признавал пользы в школьной философии и с гордостью владеющего истинным сокровищем науки противупоставлял этой философии свидетельства древних отцов церкви и тексты св. писания, беря их из первоисточника — греческой библии, недоступной для Вуйка и др. польских иезуитов. Он ссылался и на *русские книги*, принесенные после войны с Москвою наставнику общины в Любче, Кузьмичу. Примем к сведению, что Чехович работал в Белоруссии и Украине, и о нем не мог не знать украинский полемист. Грабовский относится с недоверием к этому последнему источнику, видя здесь, в этих «русских книгах» мистификацию, подобную подложному письму половца Ив. Смеры.[3]

---

[1] Назв. соч. fol. B_4.

[2] Там же. fol. E.

[3] Grabowski. Liter. aryańska, 113.

Но библейский текст в славянском переводе во второй половине XVI в. не может сойти за мистификацию, а тем более — за памятник, про существование которого никто решительно не знает. Это могла быть библия в переводе Фр. Скорины, или в какомлибо рукописном тексте. Связи между польскими сектантами и православными белорусами и украинцами в ту эпоху не подлежат сомнению, принимая во внимание общность их положения в Польско-Литовском государстве. Вспомним хотя бы письма кн. Курбского к кн. Острожскому и другим украинским магнатам и отношение кн. Острожского к религиозным вольнодумцам, которые его окружали и состояли у него на службе.

Чехович, отвергавший значение латинских наук, не был в этом отношении одиноким. Аноним-арианин, автор книжки «Rozmowa o prawdziwej znajomości Boga Ojca, Syna Jego i Ducha św. 28 lutego 1575, w Lucławicach»[1] также нападает на своих современников, как и украинский полемист. Он пишет, что антихристова гордость и высокомерие сотворили из общины верных (zboru Bożego) дом торговли, подделали откровение и осквернили дух до того, что люди «filozofią i rozumy greckie sobie obierali, nad ducha Bożego ducha świata tego przekładali, nad ustawy Syna Bożego ustawy swe wymyślali, nad pokorę tu ubóstwo i wzgardę Pana Chrystusowę — pychę antychrystusową, zacności, korony, chwały świeckie i bogactwa zemskie chwytali».[2] Основное зло, как и для Ив. Вишенского — гордость, вытекающая из изучения философии и светских наук вообще. Подобно этому, еще раньше Ян Казановский писал, адресуясь к Кальвину: «Uznawamy i jaśnie mówimy według twej cenzury, żeśmy ludzie nieuczeni i w filozofiej świeckiej i mądrości jej nie jesteśmy ćwiczeni, a wszakże jednak w liczbie maluczkich, którem objawione są

---

1 Без места и года изд., возможно, 1570 г.

2 fol. L_4; сравним там же рифмованные места, напр., «Sądy Jego wszech najsprawiedliwszych statutów bywają *czerpane*, a prawdą i miłością bywają *miarkowane*», Grabowski, Lit. ar. 121.

tajności znamy się być, i którzy pewniśmy tego że, na łonie Chrystusowym będziem zachowani na wieki».[1]

Не только диссиденты православные и протестанты всех толков, но и все свободомыслящие люди Польши вообще в XVI и XVII вв. считали иезуитов вредными иностранцами, сеющими несогласия и раздоры в Польше, и говорили, что польской вольности угрожает опасность вследствие их присутствия в стране. Отсюда выростало озлобление против иезуитов и нерасположение к их наукам. Вместе с арианами Немоевский упрекал иезуитов за то, что «наука» их — чисто внешняя, и что они привлекают к себе молодежь разными выдумками (sztuczkami).[2] Среди этих выдумок, новых, неизвестных старой, традиционной школе, и украинской и польской, заметное место занимают театральные представления. Кое-где о них уже упомянуто выше и приведены цитаты из соч. Ивана Вишенского и Чеховича. Соберем еще несколько данных.

В послании к кн. Острожскому Ив. Вишенский, предлагая оплакать труп папежского рапсака (т. е. глашатая, коим являлся П. Скарга), между прочим восклицает: «Чи не лѣпше было свѣтъ присносущнаго разума, православной церкви дарованный, видѣти, — нежели нинѣ въ тмѣ поганскихъ наукъ затворитися и умрети? Чи не лѣпше было въ простотѣ сердца хвалячи бога съ нами посполу здоровымъ быти, неже нинѣ отлучившися отъ насъ комедійскимъ и машкарскимъ набоженствомъ оболѣти и умрети?».[3] Немного ниже — о том же: «а то ли ся Латынѣ щаститъ и танцуетъ въ славѣ, въ можности, въ розширеню машкарского и комедійского набоженства, четверорогатыми Ісусоругателми розстягненого и умноженого».[4] В «Писанїи до всѣхъ обще

---

[1] Na upominanie Jana Kalwina do braciej polskiej napisane przeciwko Tablicy w Polszcze wydanej... Jana Kazanowskiego szlachcica polskiego krótka odpowiedź (без места изд.), 1564, fol. E_5, Grabowski, ibid. 43.

[2] Grabowski, ibid. 255.

[3] Акты Ю. и З. Р. II, с. 207.

[4] Там же, с. 217.

въ лядской земли живущихъ» Ив. Вишенский между прочим пишет: «Вмѣсто зась евангельской проповѣди апостольской науки и святыхъ закона и ограниченья, цноты и учтивости, сумненя христіанского — нинѣ поганскіе учители, Аристотели, Платоны и другіе машкарники и комидійники въ дворехъ Христа бога владѣютъ». [1] А в конце статьи об уклонениях римской веры — такое обращение к латыннику: «но ты убо шествуй съ машкари и комедіами; вы же, православніи, истинѣ послѣдуйте». [2]

Выше мы приводили укоры ариан по адресу иезуитов за их любовь к театральным представлениям. Приведем свидетельства из другого лагеря, хотя и не столь резкие, как у украинского полемиста. Кальвинский «minister» Краинский отчасти лишь напоминает его; полемизируя с иезуитами, он советует отцам воспитывать детей в скромности, смирении, не посылать их в Италию, где только портят их; не читать комедий и шутовских (błazeńskich) песен, ставя это рядом с пьянством и развратом. [3] Но особенно напоминает Вишенского автор памфлета на иезуитов, вышедшего без указания места издания в 1590 г. — «Equitis poloni in Iesuitas Actio prima», который объединял в себе и ораторский талант, и ученость, и темперамент. Возможно, что это был Клёнович, возможно — Войцех из Калиша, или оба они вместе. Памфлет начинается с беспокойства автора о судьбе отечества, которое носит в себе скрытую болезнь, о судьбе «вольности», которая была принадлежностью шляхты. Потеря идет за потерей: шляхта и сенат должны предусматривать будущее страны, которой угрожают гибелью иезуиты. Даже в католических кругах говорят об этом, хотя иезуиты — благочестивы, учены, основывают школы..., чтобы повредить Краковской Академии. Но у нас были и ученые, и школы — до иезуитов, хотя они и привлекают к себе комедиями и трагедиями: мы имели Леополиту, Гозия, Кромера, Оржеховского, Фрыча, которых иезуиты не имеют.

---

1 Акты Ю. и З. Р. II, с. 225.

2 Там же, с. 270.

3 Grabowski. Z dziejów literatury kalwińskiej, str. 208.

Полемизировать они не умеют, а воюют только шумом и криком, примером чего — люблинский диспут. Поссевин борется неумело; грубое насилие в их диспутах играет бо́льшую роль, чем наука, а это недостойно теолога. Что же касается их воспитания, то оно вносит чужие обычаи, обращает внимание только на внешность, заботясь об «ułożeniu twarzy», о приохочивании учеников к усердию в науках наградами. Религиозный культ их расчитан на женщин и молодежь, [1] очевидно, как на общественные элементы, которые скорее поддаются эмоциональному влиянию и вообще — менее устойчивы...

Этими сравнениями мы и ограничимся. Оглядываясь на них, мы замечаем во многих случаях даже стилистические совпадения с польскими авторами у Ив. Вишенского; но конечно мы не можем с уверенностью утверждать, что он буквально «списывал» у своих польских предшественников и современников. Одно остается вне сомнений: он пребывал в том самом кругу идей, в котором вращались и просвещенные представители польского общества, выдающиеся польские писатели XVI в. всех лагерей. В некоторых случаях мы наблюдаем и некоторое стилистическое сходство и даже совпадения. Прием вопрошения, нагромождение деталей, синонимов, столь характерные для писателей эпохи барокко — равно характеризуют произведения Рэя, Скарги, кальвинских и арианских писателей, как и Ивана Вишенского. Любопытна деталь — совпадение порядка перечисляемых напитков у последнего и у Рэя; не без значения и склонность к рифмованной речи у «Equitis poloni» и, напр., у позднейшего украинского писателя, Кирилла Транквиллиона Ставровецкого: это — вкус эпохи и известных кругов. Сопоставление с арианскими и кальвинскими авторами, ценившими христианское смирение и простоту — позволяет и самоунижение, идеализацию этой «простоты» у Вишен-

---

1 Назв. соч. fol. A_4; B. Grabowski, Liter. aryańska, s. 182.

ского — считать литературным приемом, подсказанным, с другой стороны, также и обычным самоунижением авторов и писцов в славяно-русской письменности. И когда Ив. Вишенский старается выставить себя неотесанным, темным, неученым монахом, то это делает он, вернее всего, для достижения определенного эффекта, противупоставляя свое «смирение» дьявольской гордости и заносчивости своих противников, в чем упрекали их и другие диссиденты. Приняв в соображение все сказанное и приведенный выше сравнительный материал, мы имеем, кажется, право и на иной вывод, чем обычный, повторявшийся доселе всеми, писавшими об Ив. Вишенском. Этот вывод пояснит нам, почему именно Ив. Вишенскому изо всех афонских монахов-украинцев выпало на долю дать ответ ученому иезуиту Скарге. Видимо, он был известен своим современникам не только как человек твердой веры, как энергичный борец за веру предков, не только как писатель с темпераментом и литературною опытностью, но и как человек немалой начитанности в церковно-религиозной литературе и, может быть, — в современной польской литературе. Да и трудно допустить, чтобы вся эта литература, трактовавшая о таких вопросах, как религия, нравственность, общие принципы отношения к науке, не могла не задеть интереса пылкого украинского полемиста. Здесь, повидимому, следует искать объяснения совпадений в его идеях с антиезуитской литературой всех оттенков, и сходство в приемах трактовки социальных вопросов, которые одинаково волновали и католических, и протестантских писателей Польши. Здесь же и объяснение характерных черт стиля Ив. Вишенского, который воспитался сам не только на образцах библейской литературы, на Псалтири или на «плачевом Охтаике», а также и на живых примерах польской литературы, порожденной волнениями бурной современности.

III.

„Тестамент царя Василия" в украинских переводах.

В приложении к Острожскому изданию 1607 г., «Лѣкарство на оспалый умыслъ чоловѣчий» был напечатан «*Тестáментъ* в Христѣ побожного и славного монархи свѣта *Василія цесара кгрецкого*, до сына своего южъ коронованого Льва Филозóфа, дѣдича и цесара тогожъ цесарства. Року от нароженья Сына божого осмъсотного осмъдесятъ шестого, а панованья своего року к̑-го по кгрецку написаный, а потымъ весполъ з иншими писмы на словенскій язык переложеный». Здесь, после оглавления на украинском яз. и трехстишия — ц.-славянского с украинским переводом, находим самое сочинение Василия в двух текстах: на левой странице по славянски, на правой по украински. Приводим, как пример, первую главу:

«*Василія царя Греческого*	«*Василіа цесара Кгрецкого.*
Главизны наказателны 60 и 6 къ сыну своему царю Лву, имуще краегранесіе сице: Василие о Христѣ царъ Грекомъ Лву възлюбленному сыну и съцарствующему о добродѣтели наказаніе. 1.	Роздѣловъ научаючихъ 66 до Льва цесара сына своего, маючи надписъ такóвый: Василій въ Христѣ цесаръ кгрецкій Льву наимилшому сыну и весполъ зо мною кролюючому о цнотѣ наука. Роздѣлъ 1.

Животополезная нѣкáя вещъ, и поспѣшнѣйша нетокмо царемъ, но и невѣждамъ наказаніе. Ибо стяжавших ту душевнѣ и телеснѣ пользýетъ ово убо поученіемъ поспѣшныхъ словесъ, овоже обученіемъ красных дѣлъ. Ты убо, чадо возлюбленное азъ отецъ и съцарствуя и владычествýяй твоим и царъство имѣти поучая. то бо и царъство украшаетъ и царствующая приснопамятны творит. Якоже бо солнцу на земли не сущу, темна сут вся и неразсудна, сице и наказанію въ души не сущу, размѣшена вся и не исправлéна. Пріими убо наказаніе добродѣтелное и притя́жеши жúтія вседѣтелнаго, едина бо точію добродѣтель от стяжаний бесмертна».

Животу пожитóчная нѣякая речъ и потребная нетылько кролемъ а̀ле и посполитым естъ наука. Абовѣм тым кто ее набы́лъ и ведлугъ души и ведлугъ тѣла пожитóчна естъ, овую научаючи потребных наукъ, и овое призвычаючи до красных справ. А прето ты сыну наймилшій, я яко отец, который кролюю и панъство тобѣ задéржую, тебе кролевство держати научаю. Тая бовѣмъ и кролевъство здобитъ и кролювъ несмертелное памятки годными чинитъ. Бо якъ кгды сл(о)нце под землю уступит, темны бывают всѣ речи и нерозезнаными, так кгды науки в души нема́шъ, все ся ставаетъ помѣшано и несправно. Пріймиж теды науку пренайвыборнѣйшую и будешъ мѣти живóтъ найсправнѣйшій, сама бовѣмъ тылько цнота над вшелякіе маетности естъ несмертéлная».

За этим вводным «роздѣломъ» — «о цнотѣ наукъ» следуют 65 остальных: «о вѣрѣ, о учтивости духовныхъ, о судѣ божомъ и заплатѣ, о милостыни, о старанью, о обычаехъ, о посполитованью з добрыми людми, о цудности власной (= о смиренномудріи), о цнотахъ, о святобливости, о товарышох вѣрныхъ, о силѣ телесной з розумомъ, о покорномъ розумѣ (= о смиренномудріи, вторично), о мудрости, о молчаніи, о науцѣ, о порадѣ, о чистости,

о учтивости родичомъ, о правдѣ, о добродѣйствѣ, о правдивыхъ товарышох, о погорженью маетности, о пянъствѣ, о богатствѣ и лакомъствѣ, о терпливости долгой и тихости, о правдѣ и о лжи, о преложенъствѣ, о порадѣ и розсудку, о захованью правъ, о нерозрываньо това́рыства, о мове́нью и молчанью, о милостыни (вторично), о неодмѣнности в добром, о томъ абы нѣчо́го неперебача́ти, о справованью кролевства, о правѣ в сумнѣнью, абы не продавати урядовъ, абы не кривдити и недопущати кривдити, о памяти смертной, о розсудномъ роздаванью урядовъ, о чиненьи покою, о пріймованью порадъ добрыхъ; абы зоставити по собѣ памятку добрую, абы быти милостивому над винными, о склонности и ласкавомъ мовенью, о щодроблівомъ даванью, о цудности телесной, о до́кторахъ и Филозо́фахъ, о томъ абы̀ не слухати обмо́вискъ, о читанью писмъ, абы лѣпше любити тых которые просят, анѣ́жли которые даютъ, о зацности роду телесного и душевного, абы въ всемъ дяковати богу, о науцѣ дѣтей, о уваженью добрыхъ и злыхъ мовъ, о добромъ сумнѣнью, о святобливости (вторично), о цвѣченью мовы; абы̀ ся ничимъ не подносити, о читанью книгъ пожиточныхъ, о ялмужнѣ без браку (= без расуждения)».

Уже из этого перечня глав видно, что «Тестамент» представляет в значительной степени очерк частной и общественной морали, как она рисовалась образованным людям IX-го века и поскольку была приемлема для украинца начала в. XVII-го. О задаче труда своего этот, оставшийся в неизвестности, переводчик писал так в послесловии «До того кто читалъ»:

«Чите́лнику бачный, который тую книжку читалесь, не пытаю тя, еслись всю прочиталъ, але еслись такъ, яко ся годитъ, читалъ; або́вѣмъ лацнѣй можетъ вырозуменье сло́ва непилного слухача̀ и чите́лника утечѝ, анѣ́жлися дати зрозумѣти, мовитъ Василій Великій. И нѣмашъ го́ршого пи́сму и ре́чамъ в немъ поважнымъ непріятеля, яко тотъ, который его прудко перебѣгши, мнѣмаетъ же все зрозумѣлъ; а прето еслись тому вдяченъ, читати разъ и дру́гій и десятый не лѣнуйся. Або́вѣмъ що написати

до вѣ́домости твоее подати, то моя была повинность, чому досытъ за во́лею божею учинилемъ; а яко то пріймовати и якъ ся с тымъ обходити, то южъ на твоем бачéню налéжитъ.[1] Еднáк же не ту́шу, абы былъ кто такъ невдячнымъ, абы доброго зле уживати мѣлъ».

Заканчивает свое послесловие переводчик, по старинному обычаю, извинением на случай, если читатель заметит какую-нибудь неисправность, и просьбою благосклонно принять его трудъ:

«Еслúмъ тежъ в перекладáнью на прóстую мову невласне положилъ, альбо в чомъ недогодилъ, ты яко мудрый поправъ, а мнѣ яко человѣкови перебáчъ, а тую мою подлую працу, яко два пѣняжки з убóгого дóвтѣпу смыслу моего прошу лáскаве прійми: единъ потѣха и подношенье людемъ упалымъ, а другій наука преложонымъ и пануючимъ ведлугъ свѣта. А то будет знакъ вдячного пріймованья—читанье пилное, уважанье речи, термѣнова́нье в память впбеное и розмова единъ з дру́гимъ о тыхъ ре́чахъ уставичная. Аббвѣмъ то самбе можетъ кого́ з старшихъ и учоныхъ побудити до выданья намъ пожиточнѣ́йших и великихъ якихъ речій».

Из стихотворного послесловия ясно, для кого предназначал переводчик свой труд: конечно, не для царей и князей, которых имел в виду составитель «Тестамента», а для более скромных по общественному положению читателей. К ним обращается он со словами:

«Вамъ, *шляхтамъ*, которые маете сыны;
Абысте за нихъ не поносили вины:
Умѣй з дитинства вправити его в цвѣченье,
Самъ будь ему прикладомъ и наученьемъ...
...Не мнѣмай, абы кролюмъ тылко належалъ
Тотъ листъ, *але и тобѣ*, еслись одержалъ...
...Не кролемъ естесь, предся паномъ подданых,
Десяти навет, под твою звѣрхность отданых,

[1] В ориг. «баеню».

И тые справедливого преложеньства
Над собою потребуют *без окрутенства*».

Заключительные строки этой апострофы к «панам», и «шляхте», заключающие наставление обходиться хотя бы с малым количеством «подданых», т. е. крепостных, без жестокости — с одной стороны вполне гармонируют с некоторыми наставлениями «Тестамента» Василия, с другой — с многочисленными обличениями эксплуататоров крестьянского труда (собранными выше в ст. об Ив. Вишенском); все это придает интерес переводу «Тестамента», как заметному факту социальной жизни старой Украины. Остановим наше внимание на его содержании, попутно отмечая его языковые и стилистические детали.[1]

Как и следует ожидать, в духе того времени, когда был составлен «Тестамент», было начать с утверждения, что «початокъ всего живота» есть вѣра (2), «тая бовѣм вѣра всѣхъ добръ есть причиною, тая всѣмъ цнотамъ досконалостю» (ib.). Отсюда вытекает совет: «здоровый розумъ мѣй о православной науцѣ, и мѣй в почтивости назбытъ матку твою, церковъ, которая духомъ святым тебе персями своими выховала...»; если следует почитать телесных родителей, то тем более духовных, которые «вѣчный живот отроженьем даруют» (3). Второю чертою «Тестамента», тесно связанною со сказанным, является традиционализм: все доброе — известно, надо лишь уметь провести в жизнь заветы предков: «мѣй на памяти завше насъ, родичовъ твоих обычае и до тых живот свой вправуй с пилностью, кгдыж и мы не естесмо оспалыми, анѣ лѣнивыми в працах найдуемося, але цнот приклады положити перед тобою стараемося, речу взгоржоною лѣность твердячи, а встыдливость речью похвалною указуючи» (6). Внутренним законом поведения человека является совесть; о ней говорится дважды, как о самом важном для

[1] Цифрами отмечаем *главы* Тестамента; изд. 1607 г. пагинации не имеет.

человека: «если правом самъ свое сумнѣнье мѣти будешъ, и чого самъ терпѣти не хочешъ, анѣ иншим то терпѣти становити будешъ, нѣкгды нарѣканья за выступок грѣха не отнесеш...» (40; срв. 60). Следует стремиться только к полезному для души: «пожадай що естъ душевного, пожадливость бовѣм тая тылько правдивая ест и несмертелных речій прагненье заразъ большим ся ставаетъ» (9). Два источника добрых человеческих поступков, вера и совесть, питаются из двух же источников: науки и доброго совета.

Науке и мудрости уделено много замечаний. Начнем с того, что говорит Василий о разуме: «силу телесную мѣй в почтивости и приймуй, *если розумом бывает приоздоблена*; бо колько з розумом пожитечна быти может, только без розуму шкодит кто ее мает» (13). Мудрость ценится у людей выше всего, а потому — «не тылько сам старайся товарышкою её мѣти, але и того, кто ее мает, мѣй в пошанованью» (15). Наука — лучшая пища души: «оные потравы, поки в горлѣ тылько, усоло́жуют и гной множат и в гнилость оборочаются, а душевный покармъ уставичное приносит веселье..., а прето в наученью пожито́чных наукъ трави́ увесь свой живот...» (17). В главе «о учтивости родичомъ» — снова обращение к этой любимой теме:... «мѣй в почтивости цноту, заховыву́й святобливость («цѣломудріе»), мѣй старанье о наукахъ, которые производляют молодых становъ обычаи, (= «ими же юных удобряется нравъ») (20). Наука почерпается из книг; поэтому рекомендуется сначала историческое чтение: «Кройникъ и писмъ старых читати не лѣнуйся, абово́ѣм в нихъ найдешъ то без пра́ци, нащо̀ иншіе много працовали; с тых познаешъ добрыхъ цноты а злыхъ вы́ступки, познаешъ теж и живота людского розмаитые одмѣны и превротности («прелаганія») щастья в немъ, и неуставичность свѣта, и кролевствъ прудкіе упадки и, ко́ротко мовячи, обачишъ злых людей каранья, а добрых за справы добры́е нагоро́ды, с которых овыхъ абысь ся выстерѣгалъ,... а овыхъ абысь наслѣдовалъ» (54). Также полезны и книги морального содержания: «не лѣнуйся старых мужо́въ читати порады,

много бовѣм в них найдешъ речій потребных, а звлаща над инших всѣхъ — Соломоновы и Сократовы (sic!) если хочешъ; Іисуса Сираха теж читай науки, аббвѣмъ с тых и кролеве и посполитые люди належачих розмаитых цнотъ могутъ назбирати...» («О читаню книгъ пожитбчных» 64). Здесь любопытно отметить сопоставление Соломона и Сократа, а также то, что в части, где говорится о «посполитых», перевод неточен, видимо, намеренно. Среди других «наук» — рекомендуется особенно красноречие вследствие его значения в жизни: «Льву бовѣм звѣрхность над звѣрми сила дала, орлови тежъ над птахами высокость лѣтанья и прудкость, а чоловѣкови на́ свѣтѣ слово звѣрхность даруетъ» (62). Наука хороша, однако, постольку, поскольку удовлетворяет практическим моральным требованиям; поэтому в главе «о докторах и филозбфах» говорится: «прожна ест оного лѣкара праца, которого лѣкарство улѣченья не приноситъ, и безпотребна есть оного филозбфа мова, которая не можетъ зара́жоное души улѣчити» (52). О науке детей ц. Василий говорит: «...тот, кто добре выцвѣчоные дѣти на паньствѣ зоставуетъ, всему кролевству добре чинитъ; такъ кто злые и ненаучбные зоставляет, всему кролевству неправость чинитъ» (58).

Кроме чисто книжной науки образует человека общение с людьми. Добрые люди — врачи души, «бо ся научиш от них, которых ре́чій потреба прагнути, а которых выстерѣгатися» (7). Отсюда и целый ряд суждений о выборе друзей, об обхождении с ними и пр. «Нѣчого нѣмаш над милость моцнѣйшого, якож и слушная; товаришови бовѣм правдивому нѣма́ш ровного на свѣтѣ нѣчбго. Заховывуй же прето милость на кождом мѣсци и кождого часу до сердечных твоих това́рышовъ, абысь и оных мѣлъ неподойзреную и моцную милостъ до тебѣ заховыву́ючих. И не будь обычаю невдячного, але будь всѣми способами вдяченъ» (33). Друзья выше родных, но выбирать следует только полезных друзей: «Кохайся в пожитбчных тобѣ товарышохъ лѣпше, анѣжли ве кръви родзаю тобѣ повинных; кревных бовѣм това́рыство не от цнот, але з натуры прихилным естъ, що анѣ за добро-

волное, не тылько за правдивое не может быти поли́чоно; а пожиточныхъ товарышовъ товарыство от цнот и умыслу добровольного — естъ прихилно тобѣ» (12). Особенное внимание уделяет «Тестамент» приобретению истинных друзей; в главе «о правдивых товарышох» читаем: «Таковых собѣ набывай товарышовъ, которые до перших товарышовъ альбо панов перед тым добрыми были́: що або́вѣм оным чи́невали, тое и тобѣ чинити не занехают, бо кто упріймость старым товарышом заховал, прихилным и тебѣ быти звѣрится; а кто першим товарышом албо паномъ непотребным и нестато́чным нашолся, якъ же теды тобѣ прихилным и потребным таковый будетъ коли́?» (23). Царь Василий указывает и средство приобретения себе друзей; приводим эту главу (26-ю) параллельно с оригиналом — ц.-славянским текстом, чтобы яснее была манера переводчика, когда приходилось говорить о житейских делах, а не о высоких материях, как в приведенной нами выше 1-й главе:

«Удобь стяжеши друга, его же аще въсхощеши, аще благая нѣкая глаголеши о немъ, не сущу ему, предъ хотящими възвѣстити ему. Начало бо любви, яко же подобит, похвала, вра́ждѣ же укоризна. Но их же стяжалъ еси други, аще хощеши мно́жае привлещи́, похваляй всѣх пред ту сущими, ибо сице мнимъ будеши похваляти и ту сущихъ и не сущихъ. Искушай же други в ну́ждах же и не подобствіихъ, благоденству́ющимъ бо други мнози, ибо онѣхъ други истинныя вмѣняй, елици не прибытка ради

«Снадне набудешъ товарыша, которого колвекъ хотѣти будешъ, если добре о нем в небытности его перед тыми, которые бы то ему повѣдѣли, мовити будешъ; бо початокъ любви (яко и слушная) естъ похва́ла, а непріязни ганьба. Навет и тыхъ, которых южъ маешъ товарышами, если хочешъ в болшую пріязнь привести́, добро о них мовъ перед иншими, бо такъ мнѣма́нъ будешъ, же и при бытности и в небытности ихъ хвалишъ. Досвѣдчай теж товарышов в ча́съ потребы и в припа́дках, або́вѣм в часъ доброго

любятъ, но ради добродѣтельныя любве. Иная бо любовъ, къ времени работáющи, купля нѣкая, а не любовъ обличается».

повоженья много ест товарышов; и оных за правдивых товарышов мѣй, которые не для пожитку тебе милуют, але для самбе цнотъ милости. А инакшая милость а звлаща которая часови служит, гандель власне есть, а не власнáя милость».

В связи с высказанными мыслями стоит и совет — быть признательным за полученное добро: «през которых особ живот свой вы́вышшиш, тым добродѣйство показовати не занехай» (27).

Следует всегда советоваться с близкими: «над пораду добрую нѣчого нѣмашъ безпечнѣйшого, а над справу без порады нѣчого нѣмаш, небезпечнѣйшого; ... рады теж заживают тых, которые в своихъ справахъ своею порадою що добре справили, а не от тых, которые и свое з нерозбаченья («от несмотрѣнія») зле справили: бо кто зле в своихъ поступует, нѣкгды добре о чюжих радити не может ...» (18); не следует советоваться и с неопытными людьми, которые только лестно скрывают свое непонимание дела. Наоборот, говорится в «Тестаменте», «переставай с тыми, которые не все, щоколвекъ чинишъ, хвалятъ, але которые тебе в твоих вы́ступках часом строфуют», ибо следует искать полезных советов, а не только приятных (46). Вообще же — «слухай всего и зрозумѣвай всѣ речи, але не всѣ пріймуй, иншіе опущай ..., а тых ся выстерѣгай, которые и поддaнымъ шкодят и тебѣ нѣвчомъ не кóрыстуют» (59). В особенности же не следует слушать наговоровъ: «словъ прожних не пріймуй и обмовискъ не слухай, анѣ злымъ людем во всем вѣру давай; тые бонѣм и дóбрых людей часом злым мнѣманьемъ забивают, а иншіе, з гнѣву и запалчивости ядъ вы́плювавши, невинных людей кръвѣ винным и тебе учинят, а иншіе, тя в подезренье, же ся в злыхъ кохаешъ, приведутъ» (53). Автор «Тестамента» рекомендует даром раздавать должности, а не продавать, дабы не поощрять и не

вызывать корыстолюбия (41); при том раздавать уряды достойным их людям соответственно способностям, «абы не вла́днули еленѣ львами, але львы еленями» (44). В другом месте он о том же говорит подробнее и также образно: «... якъ коню́шому призвоито естъ кождого коня доброть умѣти познавати, а мыслив-цеви, который песъ добре догоняет, вѣдати, а ге́тманови теж, абы ся зналъ на людех рыцерских и якіе цноты ест кождый, абы в часъ ушикованья войска лѣпших при боку своем мѣлъ, — такъ и кро́леви доброму нале́жит, абы извычаи и способы цнотъ и обычаев, если́ сут згожіе на преложенство, дознавати, абы́ досконале вѣдал о кождом, и що кому пристоит ведлугъ належачого порядку абы поручалъ, а чоловѣка шкодливого з уряду абы зганялъ...» (30). Все это должен соблюдать государь (resp. князь, шляхтич) потому, что в противном случае ответственность падет на него, ибо «не так грѣшит тот, кто кривдит, якъ тот, который кривдити допущает...» (42). В самом деле, спрашивает ц. Василий: «если кри́вдячому фолькговати будешъ, а укривжоного перебачишъ, и могучи оного збытки загамовати, о судѣ жадного старанья не учини́шъ, — а до когожъ оный бѣдникъ утечется, шукаючи надѣи? альбо от кого одержит помсту? Тылько от Бога, который тебе за недбальство судовне карати будет...» (42).

Все следует делать по рассуждении, «а пре́то щокольвекъ чинити албо мовити хочеш, нѣкгды розсудку не упережай» (31). Твори добро всем: «то есть скарбъ нѣкгды не страчоный у чоловѣка — помочъ добрых»; но тут же и оговорка, несогласная с евангельским учением: «а кто злымъ добре чинит, в пазусѣ ховает гадину» (22). Ц. Василий помнит, что все люди подвержены греху, и потому советует: «справедливость ласкою мѣркуй». (48), т. е., не будь чрезмерно строг к виновным.

Соберем несколько замечаний об отношении к подданным, что особенно интересно, принимая во внимание подчеркнутое напоминание приведенного выше стихотворного послесловия — к шляхте. Прежде всего общее соображение: «Кролевское

дѣло есть не тылько собѣ кроловати усмбтровати, але и *на поданых мѣти взілядъ*, бо не досыть на томъ, абы тылко собѣ добръ узычати, але и тым, которые под звѣрхностю...» (58).

В главе «о смиренномудрии» — читаем: «милостивымъ если хочешъ мѣти на себе бога, милостивъ будь и ты до своих поданыхъ»...; «чоловѣкъ кождый ест болото («бреніе»), и нашему родови единъ єстъ продокъ, хоть то и единъ над другого, персть будучи, выносимо ся» (14). Из обязанности заботиться о подданных и из признания основного, первичного равенства людей — вытекаст вывод, с которым мы встречаемся и у польских публицистов конца XVI в. и у Ивана Вишенского: можно обогащаться — «тылько з справедливых приходов, а не з несправедливого збиранья и *не з слезъ зобраного*. Маетности бовѣм если сут справедливе зобраны, барзо державци своему пожитбчны сут..., а если з неправды и з слезъ зобрана естъ — и тую, которая справедливе зобрана была, марне загубит... Не так бовѣм прудко огонь внѣвечъ оборочает сѣно, якъ зле и несправедливе зобраная маетность добре и справедливе зобраную з собою марне тратитъ» (27).

Всякому человеку, особенно имеющему власть — следует беречься от страстей (38) и бороться с ними: «звѣтязства и выйграва́нье битвъ над непріятелми тогды тобѣ дасть Богъ, кгды ты битвы и звѣтязства одержишъ над пожадливостями» (11). Поступки человека ценнее его слов: «бо суть таковые, которые мовою добры, а справами барзо спростни («зѣло студни»); и анѣ самъ таковым быти позволяй, анѣ иншихъ такбвых мѣй при собѣ, але в тых ся коха́й, которые не словомъ обычай, але обычаемъ слово приоздобляют» (16). Такое поведение требует строгости к самому себе: «в якихъ справах иншим грозишъ, тых самъ чинити выстерѣгайся» (21).

В соответствии с высказанной выше мыслью о равенстве людей, происшедших от одного предка, находятся и изречения ц. Василия о красоте и благородстве происхождения: «Телесная пудность тварп («тѣла благообразіе») нехай не владѣет тобою...»;

«зацностью роду телесного неподносися, анѣ ся брыдь подлостю рода, анѣ ся пудностю уроды дай уловити, анѣ теж шпетностю погоржай» (9); внешняя красота — временна, душевная вечна (51); поэтому «пожада́й що есть душевного...» (9). После этого вполне естественным является (в гл. 56) рассуждение о том, что бесчестит свое телесное благородство тот, кто не приобрел к нему благородства душевного, а также вывод: «имѣй в почтивости и в пошанованью не ведлугъ тѣла зацне уроженых, але и зкупых в сумнѣнью»: порода нужна и ценна у коня, у пса, но одной её — для человека мало (56).

«Добродетель» — цель стремлений человека; путь к ней — чистота: «чистым себе заховуй не тылько на тѣлѣ, але и на душу» (19). «Не такъ свѣта того оздобы всѣ, як цнота, красным чинитъ кроля: урода бовѣм и цудность («доброта бо и благолѣпіе») альбо хоробою, альбо старостю лѣтъ увядаетъ, а богатство гнюсности («лѣности») и роскоши есть отцем...» все это преходящее, а добродетель остается выше всего (8). Чем выше человек, тем более он должен о ней заботиться: «перевышша́ти старайся всѣхъ, иле есть под звѣрхностю твоею, цнотами. Цнота бовѣм болшая естъ над вшелякый санъ»; если ты саном выше всѣхъ, а в добродѣтели кто нибудь выше тебя, то ты — «в мнѣйшой речи естесь кроль, а в болшой не естесь, але иншіе над тобою кролюют» (10). Заканчивая свои наставления сыну, автор повторяет: «только тогда тебя признают истинным царем, когда ты приобретешь добродетель» (61). Он рекомендует в частности — «правдомовность» : «бо якъ правдивого человѣка («истинное слово имущаго мужа») мова малым у людей быти чинит, так лживое и здрадливе хитрое до не́нависти у всѣхъ людій приводитъ» (29). А чтобы не оказаться в неловком положении, если «щокольвекъ мовити хочешъ, впрод уважай обычайне, абы языкъ не упередивши розума непристойне мовячи насмѣванъ не бы́лъ. Розбачъ же теды впрод в мысли, бось еще вольный покись не вы́мовилъ над тым, що хочеш речи́»; говори о том, что знаешь лучше других, а в противном случае — молчи (34). Следует быть

терпеливым и умеренным как в гневе, так и в радости, снисходительным к провинившимся, наконец — «ла́скавым в нарѣканью, учтивым в обычаехъ, кроткимъ в мовѣ, тихим и охотного обычаю до розмовы» (28). Касается «Тестамент» и пьянства — и в этом отношении оказывается весьма современным для той среды, к которой обращался украинский переводчик (вспомним обличения Рэя, Ив. Вишенского и др.): «Сха́жок на пит'е встыдайся, пьянство бовѣм розумови противною речу и непріятелем ест; бо кгды розумъ вином переможен будет, подобное терпит злымъ возницам, которые, во́за управовати не могучи, и сами с ко́ньми и самъ и там бывают ношены, и тым, которые на то смо́трят, великій смѣхъ чинятъ»... (25).

Все мелочи жизни, однако, бледнеют и исчезают при мысли о ее конце. Смерть равно постигает всех (65), за пределами этой жизни — одна участь ждет добрых, другая злых, но точно «то, що мает быти — невидомо естъ» (36). В земной жизни для человека нет ничего прочного: одни возвышаются, другие падают, «а прето анѣ в щасливом повоженью подноси ся, анѣ в припадкахъ не уставай, але будь в обох сталым и неодмѣнным, о то самое тылько, що ест доброе, ста́раючися» (36). Все надо принимать, что пошлет судьба, говорится ниже: «вдячне все пріймуй, если що на тя прійдет, всему подлѣгай без роспачи»; радуйся, пользуйся счастьем, но и терпи зло, остерегайся лишь гордиться в успехе и отчаиваться в неудаче (57). Живя таким образом, человек спокойно встретит свой неизбежный конец. «Розмышляй, що естъ смертелного тѣлу, розмышляй тыж, и що ест несмертелного душею»..., и подобно тому как смертному подобает и украшение смертное же, — «убери теж и душу во убир несмертелный, яко несмертелную» (43), то есть укрась её добродетелью. Чтобы оставить по себе хорошую память в этом мире — подражай тем, кто этого уже достиг; говори о добрых поступках и поступай согласно словам: «що мудре и ростропне мовишъ словами, тое абысь ся старал и самым скуткомъ» (47). Аналогичные мысли находим в конце «Тестамента»: дороже всего совесть добрая —

«доброе сумнѣнье», «богатство бовѣм невѣрная нѣякаясь ест речъ и снадне уплываючая; слава теж за часом уставает, и звѣрхность минается, и роскошъ утѣкаетъ; единъ тылько добрый обычай («благый нрав») з вѣками весполъ тръвает и несмертелным тя памяткою учинитъ» (60). Добрая память достигается и иными путями: «благословенства без працѣ доступишъ, если покой чинити будешъ и вшелякую непріязнь и вшелякій ростыркъ с посродку панъства вы́кореніш» (45). Будь внимателен к просящим, утешь печальных (49); «страченым у себе розумѣй быти тот день, в который нѣко́му жадное до́броти неучи́нишъ с того, щось з ласки божее принял» (35). Все это следует делать не только для облегчения совести, а также по наивно-практическим соображениям: «Вызволяетъ з декрету смертелного милостыня часом («многажды»), що естъ и в Писмѣ ре́чено, бо маетностью (яко же то ест и подобная) живот собѣ купуемо... Богатство бовѣм распорошаючи на земли дочасное — богатство збереш собѣ на небѣ несмертелное...» (5). Богатство не стоит внимания и сохранения; следует пренебрегать имением; но «погорженье маетности не то ест, жебы́ тылько в схо́ванью лежала, але то, жебы́ на потребные справы обфите оную роздавати»... «Не кохайся в маетности, кгдыжъ анѣ удѣлне, яко мнѣмаешъ, естъ твоя, але сполная з ровными тобѣ, або рачей убогих и посторонних» («нищихъ и странныхъ») (24). Поэтому — щедро раздавай добро: «не принялесь бовѣм, жебысь держалъ, алесь принял, абысь шафовал» (50). И при этой раздаче в милостыню всякого добра следует помнить: «лѣпше милуй тых, сыну, которые у тѣбе да́ровъ просят, ане́ жли которые тобѣ подарки для учтивости твоее приносят»: первых — сделаешь должниками, а для вторых — «сам должником зостанеш» (55). Серия наставлений о милостыне заканчивается советом давать «ялмужну без браку («о еже милостыню творити без розсужденія»): давай её, не довѣдуяся относительно достойности просящего, «всѣмъ давай о́бщокольвекъ для поживенья просятъ» (66).

Из приведенных примеров можно представить себе и качество перевода. Он близок к оригиналу, но несколько расширяет его,

вследствие невозможности передать сжатость церковнославянских выражений и конструкций «простою мовою». Славянский оригинал не был, повидимому, переводим заново с греческого. Издатели воспользовались одним из списков, встретившимся им в рукописи. Сличая печатный славянский текст изд. 1607 г. с рукописным, напр. Новг. Соф. 1444 (л. 328) и др., мы видим, что различия в тексте ничтожны и легко объясняются обычными свойствами рукописной традиции. В одном месте перевода мы заметили дополнение, объясняемое как вставка переводчика, — ибо в параллельно напечатанном слав. тексте этого нет, именно в гл. 61: «...ногъ твоих чирвоные *альбо жолтые* боты на учтивость тобѣ тогды будутъ, кгды в них ходячи по́ломѣнь запалчи́вости подо́пчешъ». Подчеркнутое — добавлено переводчиком.

«Тестаментъ» имел и позже издания, именно в 1680 г. в январе вышло издание в Москве, повелением ц. Феодора Алексеевича и с благословения патриарха Иоакима «в типографии верхней», т. е. дворцовой. Здесь «Увещание к читателю» в стихах, но совершенно новых, иных чем в изд. 1607 г. Текст «Тестамента» в общем — тот же церковно-славянский, что и в Острожском издании, но взят из рукописи северной традиции; он отличается от изд. 1607 г. ничтожными вариантами, не меняющими смысла, напр. Остр. «яко же подобает» — Моск. «яко же подобится», Остр. «стяжавши ту» — Моск. «стяжавша *ю*» и т. п. Это тот вид текста, который встречаем в сев. рукописях XVI в. напр. Новг. Соф. 1444. (л. 328 об.) и др. В том же 1680 г. 20 марта Киево-Печерская Лавра выпустила перепечатку «Тестамента» с несколько сокращенным заглавием и с глухой ссылкой на 1-е изд., сделанное «съ инѣми писмены». Здесь уже новое предисловие к читателю с биографическими сведениями о ц. Василии; текст, повторяющий поправки московского издания, не совпадает с изд. 1607 г. Повидимому, втечение двух месяцев с небольшим книжка была привезена из Москвы, снабжена новым предисловием, дополнена «Стословом» Геннадия и пущена в свет, в том же формате — малой 8-ки. За этими

изданиями последовали и другие. «Тестамент» стал популярной книжкой; о нем упоминает в одном из стихотворных посланий Ив. Некрашевич.

Наряду со старым украинским переводом «Тестамента» в Остр. изд. 1607 г. существовал и другой, сохранившийся отчасти в рукописи XVII в. (а не XVIII в., как показано у Березина, Опис. рук. Поч. лавры, К. 1881 г. с. 24), хранящейся в б. библиотеке Киев. Дух. Академии, № 15 (100). Рукопись написана хорошим полууставом разных рук и имеет дарственную запись «иерея Даниила Влоцѣмѣрского 1756 г.» Эта дата и вовлекла описателя в неточную датировку. Содержание рукописи: поучения от недели слѣпого, на недели и праздники, написанные украинским литературным языком; апокалипсис и толкования на него Андрея Кесарийского, Описс. на лист еп. Ипатия Потія «в року 1598 писанный через одного найменшого клирика церкви Острозской в томъ же року отписанный», «Тестамент» — на л. 379 об. и след. От него сохранились главы 1 — 6 и часть 7-й при чем слева, как и в печатном изд. 1607 г., помещен славянский текст, а справа страницы — украинский перевод, причем и славянский текст, и украинский перевод представляют нечто своеобразное, не совпадающее с известными в печатных изданиях XVII в. Приводим полностью найденный нами отрывок.

Тестаментъ Василиа Царя Греческаго.

Главизны наказателны 66 къ сыну своему цару Лву, имущія краегранесіе сицево, то ест титулъ имаючи таковый: Василій о Христѣ царъ Грекомъ. Лву възлюбленному сыну и съцарствующему о добродѣтелех наказаніе.

О наказаніи. Глава 1.

Наказаніе естъ вещ и царемъ нужно потребна и невѣжамъ

Наука есть реч и крулюм барзо потребна и простаком и

5

вкупѣ и всѣм обще полезна.

Душу бо и тѣло стяжавшихъ велми ползует, сицево же ест, яко о добрѣ наказуетъ.

И душу убо или умъ поучаетъ благымъ словесемъ, тѣло же обучаетъ благоугоднымъ дѣлесемъ.

Азъ есмъ твой отецъ, ты же ми сынъ възлюбленый и съцарствующий; тѣмъ ти даю совѣть изрядный.

Пріими убо наказаніе добродѣтельное и възможеши (380) исправити недоумѣтелное.

Стяжи добродѣтель, яже ест бесмертное стяжаніе, санъ бо красит и сановникомъ творит присно поминаніе.

Якоже бо вся вещи бывают нерозсудныя, егда помрачается луна солнечная и лунная, сице егда наказаніе въ души не сіаетъ, размѣшена и не исправлена всяка вещъ бывает: —

всѣмъ посполите есть пожиточна.

Абовѣмъ душу и тѣло тых которыи достали барзо полѣпшает, а тая то ест наука, же обое — душу и тѣло научаетъ.

Душу албо умъ учитъ добрым словамъ, а тѣло цвичит богу згожимъ справамъ.

Я естем твой отецъ, а ты мой сынъ намилейшій, веспол зо мною крулюючій; про то ж ти даю пораду выборную.

Доставай науки, которая учит добрымъ справамъ || абыс могль росправити трудное.

Доставай цноты, которая есть несмертелная маетность, стан бо приоздобляет и преложенным чинит вѣчную пáмятку.

Яко бовѣм тогды всѣ рѣчи бывают нерозознаны, кды солнце и мѣсяць не свѣтит, такъ тому человѣкови, который в души нѣмает науки, помѣшаны и не росправлены всякы рѣчи бываютъ: —

О вѣрѣ. Глава 2.

Начало житію всему основаніе твердо стяжи, яже въ Христа вѣру чисту.

Початокъ всему мешканю своему фундамента моцного доставай, то ест чистую въ Христа вѣру.

Покланятися отцу и сыну и святому духу,

Тройци нераздѣлнѣй и несмѣснѣи.

Единому точію богу и плотьскому смотренію бога слова вѣруй,

Имже миръ от работы тлѣнныя свободися

Якоже матере твоея церкве (380 об.) уставъ научаетъ.

Сія вѣра всемъ благимъ естъ вина.

Сія всѣм добродѣтелем съвершеніе.

Ту убо имѣй сокровище некрадомо,

Яже ти бысть питателница от самѣх пелéнъ.

Азъ тебѣ бых ея учитель, да мя не посрамиши чадо отца любезнаго.

Должны убо живописци начертанная въображати.

Царския же дѣти одушевленныя добродѣтели показовати.

Абыс ся кланялъ отцу и сыну и святому духу,

И не раздѣлял Святои Троицѣ, як Арій, и не зливай, яко Савелій.

Единому толко Богу, в тѣлѣ явленному, Бога слова вѣръ,

Через которого вес свѣт з неволѣ зопсованя вызволен ест.

Яко матки твоея церкви постановлене учитъ.

Тая вѣра всѣм рѣчам добрым ест причиною.

Тая естъ всѣмъ цнотам докончаніе.

Тую имѣй яко скарбъ, которого трудно украсти,

Которая тя выховала з дѣтиньства.

Я тебе ей научилъ, абы́с мя не завстыдилъ сыну отца своего милого.

Повинни маляреве штуки собѣ за образовъ выбирати.

А крюлевскія дѣти одушевленным, то ест живым образом, отцевскіи цноты выставляти.

О чести священничестѣй. Глава 3.

Дѣло имѣй мудрованіе правосла́вным догматомъ.

Зуполный а сталый мѣй оумыслъ ѡ постановлѣню каѳолическои, то ест соборной церкве.

И почитай излишше матеръ твою церковъ, яже тя о святомъ дусѣ въздои, и с Христомъ о бозѣ мною на главу твою вѣнецъ възложила.

Аще бо плотскыѧ твоя (380) родителя долженъ стыдитися и чтити ихъ.

Множае паче иже тя о дусѣ божіи родивши̑х пре̑почитати.

Они же бо временний животъ чадомъ даруют, сіи же животъ вѣчный порожденія ради духовнаго ходатайствуютъ.

Почти убо церковъ, да почтенъ будеши от того, иже тя съꙁда.

И священникъ стыдися, яко отца духовныя и ходатая наша къ богу.

Честь бо священническая на бога приходит.

Якоже бо тебе ради твоя слугы почитати праведно, тако и ради бога їерея его почитати праведно.

И яко же яже на них честь на бога приходитъ,

Такожде и еже на нихъ безчестіе, множае паче бога прогнѣваешъ: —

Имѣй в почтивости матку твою церков, которая тя о святом духу выховала, иꙁъ христомъ о бозѣ мною на голову твою коруну вложила.

Если бо вѣм телесных своих || родичов повиненъ встыдатися и чтити ихъ.

Болше надто повине^{и}ес́ в почтивости мѣти ты̑х, которыи тя о святом духу выховали.

Телесніи бовѣм роди́чѣ дочасный живот дѣтем дают, а духовніи отцеве вѣчный живот для порожѣня, то ест для крещенія еднаютъ.

Мѣй в почтивости церков, то ест церковных слугъ, абы тя богъ почтилъ.

И священниковъ встыдаися, яко отцювъ духовных и едначовъ наших до бога.

Кды бовѣм священникови почтивост выряжаеш, тогды бога почитаеш.

Якъ бовѣм слушная ест рѣчъ в почтивости мѣти слугъ твоихъ для тебе, так и для бога почтивост выражати священиком его.

А як почтивость тую на них покладаеш, на бога приходит,

Так тыж и неучтивост, которую на них покладаеш, болше над то бога прогнѣваешъ.

О судѣ и о въздаяніи. Глава 4.

Суди, вѣруяй миръ быти тлѣненъ, понеже и быст (381 об).

По истлѣніи же въ нетлѣніе паки претворяемъ.

Никтоже бо еже от бога бывших в небытіе отидетъ.

Аще и грѣхопаденіе грѣховное, купно с нами всю тваръ раꙁдрушеніемъ осудѝ.

Нетленна же мира ожидай и мертвым воскресение исповѣдуй, и судъ праведный комуждо въ житіи съдѣла́нный чай.

Никтоже ꙁолъ без мученія божія суда убѣжит, ниже добро невѣнчанно утаится.

Ни убо благых дѣла въмѣняй мертве́нна.

Ни да бы былъ злобивым мученія когда конецъ.

Обоя бо имутъ вѣчна пребыванія сирѣчъ мука и вѣнчаніе.

Розсужай вѣруючи, иж тот свѣт ест зопсова́ный, якож так ест. ||

А по зопсованю зась в́ незопсоване будет перечине́нъ.

Жадная бовѣм рѣчъ, которую богъ сътворил, в нѣвеч ся не обернетъ.

Если то и упадокъ грѣховный, весполъ з нами все створѣнье до зопсованя привѣлъ.

А не псуючого свѣта очековай и мертвым въскресение вызнавай, и суду справедливого ведле справъ его очековай.

Жаден чоловѣкъ злый карности не уйдет на судѣ божіи. Анѣ теж добрый без заплаты не останетъ.

И ты ж не внимай добрыхъ людій справы за мертвых.

Анѣ тыж абы былъ злыхъ людей карностям коли конец.

Обѣ тыи рѣчи, то ест мука и вѣнчаніе, на вѣки мают тр́вати.

О милостыни. Глава 5.

Рѣшит уставъ смерътный милостыня многажды по глаголющему словеси. (382)

Красуетъ уставу смертелную многокроть милостыня ведле пи́сма святого. ||

Имѣніем бо, якоже подобится, животъ себѣ купуемъ. Вънегда богъ спасенія ради нашего дароприемца будетъ.

Богатество расточай на ꙁемли мертвеное нищим.

Богатество събираеши бесмертное себѣ на небеси.

Прибывают же тебѣ и ꙁдѣшняя блага.

Ибо въистинну не иждиваемо благотворенія богатество. Иже на нѣкую вещъ расточаема бывает.

Расточаемо бо събирается.

И даваемо паки въꙁимаѥ́тся.

И не токмо здѣ стяжавших ту богаѣы творить.

Но и тамо блаженных показуетъ.

Маетностю бовѣм якож пристойно животъ себѣ купуемъ. Кды богъ для нашего збавленія вдячне пріймѣтъ подаркы.

Богатство тут на земли дочасное роспорошуй ныдзным.

Богатство збираеш себѣ вѣчное на небѣ.

А приспорит ти богъ и на том свѣтѣ маетности.

Абовѣм заправды неможетъ роздана быти таа маетность, Которая на якую рѣч добрую роздана бывает. Бо кды еи роспорошует, тогды ся она збираетъ.

А гды еи роздаеш, то она тебѣ назадъ вертается.

И не толко тых, которіе еи достали, тут богатыми чинит.

Але и там щасливыхъ показуетъ.

О прележаніи и добрости. Глава 6.

Имѣй на умѣ выну родителныя твоя нравы и к тѣмъ житіе свое управляй прилѣжнѣ.

Не коснѣм бо ниже лѣностѝвнѣ ко подвигом бываем. (382 об.)

Но добродѣтели образы тебѣ предложити тщимся.

Мѣй на памяти ꙁавше роди́чюв своих обычай. Абыс́ ведле них мешкал маючи пилное старанье.

Абовѣм не бавмося мы, анѣ тыж лѣнуймо працовати. ||

Але способъ цноты тобѣ показовати стараймося.

Укорну вмѣняюще лѣность, въ похвалу же трудъ творяще.

Ниже чрез время твори вещи. Вѣждъ, в коих ся имаеши веселити, и о коих тщаніе имѣти.

Но обучай себе наслаждатися убо мнящих въ житіи благых, яко смертны.

Прилежати же и поучати ся о будущих, яко бесмертен.

Взгоржаючи лѣностю, а працю за великую славу маючи.

Анѣ тыж отправуй рѣчи, кды не ест имъ часу. Вѣдай, в которих ся маеш кохати и о которих старанье мѣти.

Але призвычовáй себе абыс' уживалъ тых рѣчій, которыи здадутся на том свѣтѣ быти добрыми, як смертелны.

Пилно ся старай и цвичся о будучих, яко несмертелный.

О съжитіи полезныхъ. Глава 7.

Врачем душевным бесѣдуй часто.

Яко здравствуяй будеши душею.

Навыкнеши бо от нихъ,

Которых подобаетъ вещей желати, и коих освѣняти ся, и кимъ от человѣкъ съжительствовáти.

И како житіе свое управиши. Яко да не в частый недугъ впадеши.

Аще убо ходи́ши симь путем, яко мы научи́хом. ‖

З лѣкарми душевными розмовляй часто,

А быс' былъ здоров душею.

Абовѣм научишся от нихъ,

Яких рѣчій пристоит прагнути и которых отдалятися, И з якими людми мешкати.

И як быс' ся моглъ на свѣтѣ справовати. А быс' часто не хоровалъ.

Если бовѣм будешь ходилъ тою дорогою, як мы учимо. ‖

. . . . . .

Достаточно сравнить хотя бы первую главу обоих ц.-слав. текстов и украинских переводов, чтобы убедиться в том, что оставшийся в рукописи перевод отличается большею простотою. При этом следует отметить, что в то время, как печатный

украинский перевод 1607 г. приближается по языку и манере к памятникам украинско-белорусским, написанным, как тогда говорилось «простою мовою», рукописный перевод заключает в себе черты живого языка, привязывающие его к Украине: крулюмъ, отцювъ, родичювъ, привилъ и др. В этом отношении перевод «Тестамента» примыкает к попыткам перевода другихъ памятников морально-философского содержания, к которым мы и обратимся.

IV.

Опыт перевода «Лѣствицы» на украинский язык.

Издревле в славяно-русской письменности была популярна «Лѣствица» Иоанна Синайского († 563 г.). Она обращена к инокам и рисует путь постепенного нравственного совершенствования, предлагая читателю описание нравственных состояний человека, то вредящих его совершенствованию (сребролюбие, соблазн и др.), то помогающих (смирение, радостотворный плачь, память о смерти и т. п.) достигнуть высшей его степени. Иноческий подвиг — есть восхождение по лестнице совершенствования. В славянской письменности она явилась первоначально в древнеболгарском переводе. Этот перевод известен и в русскихъ спискахъ с XII в. (Рум. Муз. № 198) и XIII в. (Рум. 199);[1] хиландарские, по предположению А. И. Соболевского, монахи исправили старый, а может быть и сделали новый перевод «Лѣствицы» около 1370 г., «но мы получили исправленный текст ее от болгар; старший список этого текста... до нас дошедший, руки митр. Киприана — 1387 г.».[2] Отсюда — разнообразие текста в поздних списках, очень многочисленных. Национально-религиозное возрождение, начавшееся на Украине в конце XVI века, не прошло мимо «Лѣствицы»: в рукописи первой половины XVII в., принадлежавшей Церк.-Археол. Музею при б. Киевской Дух. Академии № 152 (0. 4°. 86), мы встречаем перевод избранных

1 Архангельский, К изуч. др.-русской литер., 1888, с. 88 и сл.

2 Соболевский, Переводная литер., с. 4, 11 — 12; 25.

мест из Лествицы на тогдашнюю литературную украинскую речь (лл. 20 об.— 32). Этот перевод озаглавлен: «Иже во святых отца нашего Іоанна Лѣствичьника: собраніе от главизнъ его о стопнях цнот». Первое, что следует заметить, — переводчик передает оригинал не сплошь, а выбирая то, что его интересует, и значительно отклоняясь от славянского текста. Вот что взял он из обширной первой главы:

«О бѣганю марного живота и прожнаго. Стопен 1.»

«Великий и высоко великий заправды ґвалтъ и неуставаемые болезни и труды зносит(ь) тому принале́житъ, которий на ных з тѣломъ всходити успнуетъ, а найболше при початку отреченія своего, дондеже нало́ги наши, роскошами напоенные, и сердца наши до тих мѣстъ болести нѣякоѣ и сокрушенія не узнавши, в любовъ божію и чистость просвѣщенія черезъ скруху и плача порушéня не устроится. Трудъ заправду, а трудъ незимѣрный и невидимая горкость прекладается тым найболшъ, которіе озябло и не прилѣжно ся завзяли пожадливостями своими.»

«Того ж и тое же главы 1»:

«А то найболшъ з розныхъ потравъ и солодкихъ присмаковъ буйность бѣснующася в тѣлѣ ростетъ и помноженье беретъ, ненависти за правду и огиды и небезъпеченства немало урастаетъ. (Л. 21) Бо гды душа мужественно и потужне войну точити почала, потом будучи утружденъна ослабѣла бы першоѣ давнѣйшоѣ цноты и дѣлности памяткою, власне як бы нѣякимъ... обостронъным желѣзцемъ убодаетъ ся».

Особенно заметны особенности манеры украинского переводчика, если мы сопоставим его текст с текстом ц.-славянским (по русскому списку; беру мою рукопись NQ. 69, нач. XVI в. с некоторыми чертами, позволяющими отнести ее к числу написанных на Украине):[1]

[1] Здесь: *и*=*ѣ*—видиніем 35 об., заприщеніа 43, без вѣны 43, в мѣри 69, заградѣвъ 134, крѣлѣ 35 об. и мн. др. свѣдительство 135; *и* чередуется с *ы*— пагубнык 133, во спящой мысли 34; *у* черед. с *в* — *в*чинити 33 об.; отвердение *р*: скражали 11, спратаніе 326; все это при обычных чертах русского правописания, обличающего русскую фонетику писца.

«О послушаніи степен 4.»

«Всякий бовѣмъ овощ дерева упередити маетъ цвѣтъ, а всякое зас(ь) послушенство странъствованье любо то тѣла, любо умыслу и волѣ: тыми двѣма цнотами, яко кри́лами прибра̀ная, душа мужа праведнаго неленивe и просто до неба ся подносит. Бо о томъ духомъ святым надхненый нѣкоторый поет: хто даст мнѣ крылѣ яко голубицы и полечу и почию през чиненье и усмотрованье глубокаго смиренія.

Не вистачилъ бы мнѣ ввес час живота моего, благопріятное згромаженье, если бым хотѣлъ блаженныхъ оных цноты ажъ под небеса вынеслые и святобливость житія зособно вилучати. тоей ж(е) глав(ы)».

«О блаженнѣмъ и присно памятнѣмъ послушаніи. слово. 4.»

«Къ трудником нашим и прочее и христовѣмъ страдалцемъ предиды сло(во) абіе достиже.

Всякого убоплода предваряет цвѣт, всего же послушаніа странничество, или телесное или волное; двѣма бо сима добродителма, яко же златыма крилома без лѣности восходит на небо преподобное. И убо о сем духоприатенъ нѣкы въспѣтъ: кто дасть ми, глаголя, крѣлѣ яко голубии, полещу дѣаніемъ и почию видинием и смиреніем.

Ниже самый образъ аще годѣ ес(ть) мужественных сихъ борець приминѣм словом явѣ створити»...
(Далее — подробное описание вооружения и подвига воинов христовых)

Уже этот пример обнаруживает прием переводчика: он то передает славянский текст (кстати сказать, не особенно вразумительно изложенный) близко и более или менее точно, то пересказывает его, то резюмирует существо дела, минуя образную сторону повествования Лѣствицы. Эти черты свободной пере-

дачи славянского оригинала украинским переводчиком особенно рельефно выступают, напр., еще в изложении степени 7-й. Первые 12 §§ опущены; с 13-го же имеем такой текст, значительно уклоняющийся от славянского (приводим оба):

(л. 21 об.) «О плачу степ. 7.»

«Не хоти быти тым подобный, которіе мертвых погрѣбают, тыѣ бовѣмъ тепер рекомо над ними ся плачутъ, а по маленъком часѣ з оных ласки упиваются и роскошуютъ. Але будь, яко осужденный на копанья в землѣ розныхъ крущцовъ, которіе немаль на кождый час от приставов немилостных окрутныѣ пляґы подыймуютъ: бо тотъ, которий под час плачетъ, под тым же часом роскошей и смѣховъ заживаетъ.

Тому подобенъ (л. 22) естъ, которий пса сластолюбія хлѣбомъ каменуетъ; тотъ здаетъся оного дѣланіемъ яко бы преслѣдовати и ихъ, а правдивей зас(ь) ку собѣ вабити.

Будъ смутным в оказованью непріятнымъ, а уставичне до сердца твоего сторожы прикладай, иж страхаются таковаго смутку дѣмоны так власне, як пса злодѣй. . .»

(л. 103) . . . «не бывай яко же погребшеи мертвеца: овогда убо о них плачющи, овогда (103 об.) же тѣх ради опивающеся.

Но буди яко же и в рудах южници на всяк час от приставникъ биеми;

иже овогда убо плачася овогда же питаяся и смѣяся.

Подобень ес(ть), иже съ хлѣбом пса сластолюбна метающуму, иже образом того отгонити, дѣлом же присудити ему велит.

Буди скорбенъ, не любопоказателенъ къ своему сердцю изъступить:[1] боатся скорбѣніа бѣсове, якож(е) татіе песъ». . .

---

1 В рук. описка; д. б. изъступивъ.

Таким же способом переведены отрывки и из других «степеней» Лествицы, именно: о памяти кривд и досад (ст. 9), о оклеветаніи (ст. 10), о велемовности и молчанію (ст. 11), о обжарствѣ (ст. 14), о чистости (ст. 15), о натурѣ и тѣлѣ людском (*нач.* Хто ж естъ, братіе, который тѣло звытяжалъ... — оттуда же, § 70 по изд. М. 1862 г.), о лакомствѣ и нестяжаніи (ст. 16 и 17), о памяти смертной (ст. 6), о смиреніи (ст. 25), о разсужденіи (ст. 26), о святом тѣла и души покою (ст. 27), о молитвѣ — цнот матери (ст. 28), о безстрастію (ст. 29), о звязку вѣры, надѣи и любви (ст. 30). Между л. 30 и л. 32 рукописи — вырван один лист; вследствие этого нечто из украинского перевода до нас не дошло. Но и дошедшее достаточно характерно для понимания интересов переводчика в области вопросов морали и пути к совершенствованию. Интересно отметить, что составитель сборника вслед за цитированными извлечениями из Лествицы — поместил ряд «прикладов» из Великого Зерцала, притом на те же темы — о послушенствѣ, о покусах, о покутѣ, о нечистых мыслях. Таким образом труд неизвестного переводчика-аббревиатора входит в круг других аналогичных переводных памятников старой украинской литературы, трактующих вопросы морали, что довольно характерно для той бурной эпохи, когда над ними трудились неведомые украинские деятели первого возрождения.

V.

Нил Синайский в украинских переводах XVII в.

I. «Цвѣтник Духовный».

В древней славяно-русской письменности пользовались с половины XIV в. широкою популярностью сочинения св. Нила, старшие списки коих указаны А. И. Соболевским.[1] Мы, как и он, не будем входить в рассуждение, которому из византийских писателей, носивших это имя, принадлежат эти сочинения,[2] частью изданные Минем под именем св. Нила Синайского († ок. 450 г.),[3] ученика св. Іоанна Златоустого; нас интересует их приточный характер, моральное содержание и тот факт, что некоторые из них не остались достоянием только славянорусской письменности, доступной хорошо грамотным людям, а опустились на Украине в среду, пользовавшуюся для литературных упражнений также и «простою мовою».

В 1660 г. вышел в свет московский Анфологион, где после «Главизн о молитвѣ» Нила напечатаны были «Нила, епископа и мученика, главы поучительныя», по наблюдению А. И. Соболевского — в древнем, но исправленном переводе.[4] Этот древний перевод послужил, видимо, основою для труда неизвестного украин-

---

[1] А. Соболевский. Переводная литер. Моск. Руси. 1903, с. 17.

[2] См. прим., с. 310. Об авторстве Нила см. Karl Heussi и F. Degenhart.

[3] Migne, Patrol. ser. gr. LXXIX. 1860. Parisiis.

[4] Op. cit. 310. Срв. Архангельский, К изуч. др.-р. литературы. Творения отцов церкви в др.-р. письменности. 1888 (общ. обзор) с. 126 — 132.

ского переводчика, сохранившегося в рукописи собрания Е. Барсова № 1676. (ныне в М. Истор. Музее). Этот «Цвѣтникъ духовный» (в 4^0, XVII в.) написан весь украинскою скорописью, но языком ц.-славянским, на 87 лл. Впереди «Реестр особ, которых мовняе албо справы в сеи книгѣ въспоминаются» — в отрывке. Только в «главах поучительных Нила» мы находим украинскую речь, обычного типа для книжника XVII в. Приводим этот текст параллельно с славянским (по Анфологіону 1660 г.)

(л. 2) *Тогожде преподобнаго отца Нила: от сотници его слова нькоторіе.*

«Початок спасенія самаго сѣбе штрофованя. (1)

Лѣпшая реч ест веречи камень упорне, нѣжли слово. (2)

Так ся став противко всѣм, яко ты хочеш противко себе иншихъ мѣти. (3)

Справедливост болше учинком нежели словом выконывай. (4)

Вдячный тот ест приятел, который душу свою кормит. (7)

Бога словеса <ми>[1] хвали, дѣлы ж шануй, мыслю зась чти (8)

Найгоршая есть реч всѣм спросностям служити. (10)

Словом цноту научай, дѣлом же его провѣщай. (11)

Тогоже Ніла епископа и мученика главы Поучителныя.

«Начало спасенію есть себе самого зазрѣніе.

Лучше есть камень туне врещи, нежели слово.

Буди ко всѣмъ, яко же ты хощеши быти всѣхъ.

Правдѣ паче дѣломъ, нежели словомъ навыкай.

Сладокъ есть оный другъ, иже душу питаяй.

Бога убо словесы воспѣвай, дѣлы же хвали, а мыслію почитай.

Зло есть всѣм работати студным.

Словомъ убо добродѣтели научай, дѣломъ же сію проповѣдай.

---

[1] Θεὸν μὲν λόγοις ὕμνει...

Не то еже мѣти цноту добро разумѣй, але яко пристоит мѣти.[1] (12)

Не еже имѣти добродѣтель добро быти нещуй, но яко же достоитъ имѣти.

Закон шануючи ведлугъ закону будеш жити. (13)

Законъ почитай, по закону да живеши.

Гостем есть той, которому на свѣтѣ всѣ речи гостинны сут(ь). (14)

Странникъ есть онъ, ему же странны мирскія вещи.

Зазросник самому собѣ шкодит, который бовѣм напротивко другому мовит, самаго себе невѣдоме злими заражает. (15)

Завидяй самъ себе отщетеваетъ, ибо на инаго вѣщаяй постигнет страдаяй самъ от себе зло.

Умоцняет тѣло вино, леч душу слово божіе. (17)

Уздравляетъ убо вино тѣло, душу же слово божіе.

Покармов уживай несластолюбных, але пожителных. (18)

Брашна пріемли несладкая но полезная.

Над все умѣртвяй тѣло свое. (20)

Паче всѣх умерщвляй тѣло свое.

Працовитый тот, которому часу не збывает. (21)

Трудолюбенъ есть сей, ему же неизбыточествуетъ время.

Христіянского чоловѣка не особу смотри, але душевную мудрост. (22)

Христіанина мужа не образ пріемли, но душевное мудрованіе.

Вину вскладати на бога безвинного грѣх есть. (23)

Порóковати на непорочнаго бога грѣхъ есть.

Языка и уши велико ест небезпеченство. (24)

Ушію и языку велія есть бѣда.

Страх божій и любов в собѣ мѣй и чистого сумлен‹я› свѣдителство противко всѣх зажывай. (25)

Страх имѣй божій и желаніе и чисто ко всѣмъ свидѣтелство совѣсти пріемли.

---

[1] ... ἀλλὰ τὸ ὡς δεῖ.

Бога обецного во всѣхъ справах своих быти розумѣй. (26)

Утѣкай от хвалы, а стережися от згорды. (27)

Радуйся коли цноту твориш, але не превозносися бы снат на самом берегу не утонулес. (28)

Им болше закон выполняешь тым от выполненя оного дальших ся быти вызнавай. (29)

Вшелякои справи конец пред часом упатруй. (30)

На послѣдній день во дни и в ночи смотри. (31)

Не посполитуйся с тым, которого видиши от добрих людей взгорженого. (32)

Старайся нѣкому не шкодити, любь що чиниш, люб мовиш, люб мыслишъ. (33)

Не веселися с піенкности свѣта: квѣт абовѣм травный, скоро оно упадет, заразом увядает. (34)

В смутках благодари и ярмо грѣховное лехше будет. (35)

В покусахъ буд моцній, многихъ (л. 3) бовѣмь и далеко болшей обличили. (36)

Не ускаржяйся на божіе дълготерпеніе, посполитое бовѣм лѣкарство. (37)

Самаго всегда предстоятбога вѣруй во зсѣхъ, яже твои риши.

Бѣжи похвалы, срамляй же ся гажденія.

Радуйся добродѣтель егда твориши, но не превозносися, да не когда во пристанищи будет истопленіе.

Елико в законѣ преспѣваеши, лишатися совершенства разумѣй.

Всякаго дѣянія конецъ прежде начала истязуй.

Нощію и днемъ на день послѣдній взирай.

Не смѣшайся с тѣмъ, его же от благихъ видиши укоряема.

Тщися да ни единъ вредъ в тѣхъ, яже твориши или любомудрствуеши, будет.

Не веселися цвѣтящыми житія сего, ибо сѣнный цвѣтъ, егда коснешися, увядаетъ.

В скорбныхъ благодари, и грѣховное бремя облегчается.

В напастехъ утвержайся, ибо многія и болши́хъ обличиша.

Не поро́куй божіяго долготерпѣнія, общая бо есть лѣчба.

Живота нестатечност в ненависти мѣй, а для него бога не виную. (38)

Ненавиждь неравное житія, и сего ради бога не хули.

Самим себе усмотруймо, а иншим негаймо, сила бовѣмь таковых речий ся в нас знайдует, с которих и нашим пригану даемо̀. (39 — 40)

Внимаемъ себѣ и иныхъ не осуждаемъ, многая бо суть в насъ, ими же иныя осуждаемъ.

Пѣние молитвенное нехай ти будет завше во устѣхъ: богъ бовѣм именованый отганяет діаволы. (41)

Псаломъ ти да будетъ молитвы во устну твоею, богъ бо призываемь сый проганяетъ бѣсы.

Молитва с трезвостю нехай будет, жебы есмо бога о тіи речи, которіи ему не подобают, не просили. (42)

Молитва со трезвѣніем да будет, да не просимъ бога, ими же той не угождаемь есть.

Завше поминай господа бога, и небом мысль твоя станется. (43)

Присно бога поминай и небо мысль твоя буди.

Очи встягай, кгди бовѣм не встягнеш, забѣгнут. (44)

Обуздай око, яко же бо невѣси обтицаетъ.

Скупо языка заживай, многокрот бовѣм такіи речи выдает, которіи пожи́течнѣй было заховати. (45)

Щади языка, многажды бо произносит, яже лучше сокрывати.

Мысль свою возбираяй, закону управляй, през то бовѣм частое возбираня и злыи мысли выкореняются. (46)

Дѣлай поученіемъ закона твоего мысль, истерзаетъ бо злая помышленія часто сый поучаемь.

Цноты свои закрывай, многих мѣти будеш свѣдков живота своего. (47)

Добродѣтели сокрывай, свидѣтеля же житію многи стяжавай.

Роскоши телесные в ненави́сти мѣй: плюгавую бовѣм душу с тѣлом содѣловают. (48)

Ненавиждь сласти плотскія, скверную с тѣломъ душу содѣловаетъ.

Тѣлу своему стылко, що-би было слушное, позволяй, а не тое що оно хочет.[1] (49)

Не люби пресыщатися, дружество бо к житію сему творитъ, вражда же от обоих на бога раждается.

В пещотѣ живота не кохайся, милость бовѣм живота сего иднает, а с тых обудву божіим неприятелем таковый ся ставает. (50)

Отвращайся сущія в житіи семъ радости, сія бо поползати ся и разбиватися текущих творитъ.

От сего свѣта нижних потѣх отвратися, оныи бовѣм сут слизкими и потопляют радующихся. (51)

Богатство аще убо имаши, растачай, ащели не имаши, не собирай.

Богатство если маеш, роспорошай, а если нѣ маеш, не набывай. (3 об.) (52)

Оружіе непщуй быти постъ а молитву стѣну, а баню слезы.

За зброю мѣй пост, а молитву за мур, а слезы за лазню. (53)

Елика согрѣшилъ еси, вся со воздыханіемъ воспоминай, бываетъ бо отсюду присное души поуверзеніе.

Вся грѣхи своя з воздыханем розмышленя стоу̑[2]; абовѣм будет душевное уставичное сокрушеніе. (54)

Защищай нищихъ, тіи бо намъ судію примирятъ.

Убогих потребы отправляй, они бовѣм судию нам ублагают. (55)

Требованіемъ от святыхъ приобщайся, тѣми бо тебѣ общеніе к богу бываетъ.

Потребам и недостатку святыхъ учасником ся ста‹в›,[3] при них абовѣм до бога приступка нам ставает. (56)

В церковь аки на небо приходи, и ничтоже в ней ани глаголи и ни помышляй земное.

До церкви як до неба вступуй і нѣчого в ню анѣ мов, анѣ помышляй земнáго. (57)

---

1 Μόνα δίδου τῇ σαρκὶ ὅσα χρῄζει λαβεῖν, οὐχ ὅσα βούλεται. (p. 1253).

2 Ὅσα ἐξήμαρτες, πάντα μετὰ στεναγμῶν μέμνησο (p. 1253).

3 κοινώνει.

Потребную реч быти розумѣй на своем переставати, а оно под опѣку божію подати. (58)

Нужно быти непщуй довольство, уступай же богови еже о сихъ попеченіе.

Добрими працами тѣло свое знемощняй, иначий бовѣм ображаеш, тым болше умощняеш прочих[1] (59)

Движи плоть свою благими дѣлы (* труды) всячески же той не низпадати пецыся.

Гнѣв ускрамяй, шаленство бовѣм родит, колі мѣру преиде. (61)

Мучи ярость, неистовству бо есть отецъ, мѣру превозшедый.

В хоробѣ впрод молитвы а нѣжели лѣкарство и лѣкаров зажіеми. (62)

В недузѣхъ молитву прежде врачевъ и былія пріемли.

Священіков всѣх в'обець шануй, а толко з добрыми товариство мѣвай. (63)

Священников убо всѣхъ почитай, ко благимъ же притицай.

Егда найдет на тя помыслъ до роскоши тягнучій телеснои, постав же му зараз пред очи сором людскій и образу божію. (67)

Егда в тебѣ помыслъ сладострастія будетъ, сопротивъ ему постави человѣческій срамъ, и еже къ богу прираженіе.

Мѣй на доброй страж⟨и⟩ слух и очи; през нѣ, абовѣм, всѣ стрѣлы злости до чоловѣка входят. (68)

Утвержай слухъ и очеса, тѣми бо вся стрѣлы злобы входят.

Коли ся молиш, ⟨с⟩мыслъ твой до бога подноси; если бы разорваная упала, знову же с⟨я⟩ зась поднеси. (69)

Егда молишися помыслъ къ богу возведи, и аще возмутився снидетъ, паки его возведи.

Смыслъ чоловѣчій нѣкгды не престает родити розмаитіи мыслї; ты зас⟨ь⟩, як мудрый рыцер

Не престает мысль раждающи, ты же убо злыя оттерзай, благія же воздѣлай.

---

[1] В рукописи неразборчиво.

Христовъ злыи отжинай, а добріи управляй. (70)

Радуйся смокорне о блудной, высота бовѣм ни ест барзо моцная а нѣколи же. (71)

Радуйся о смиреніи, яже бо от сего высота многа и пасти не могущи.

Сопоставляя переведенное украинским переводчиком с печатным текстом, замечаем, что осталось непереведенными около 165 изречений Нила, причем переводчик переводил не подряд, а делал исключения; так им опущены напр., такие изречения в начале: после 8-го «священника творитъ разумъ и житіе чистое и благородіе»; или после 13-го: «Богатаго ни ласкай, ниже его прогнѣвай». После 63-го пропущено 3 изречения. Трудно объяснить причину пропуска. Если мы обратимся к тексту, напечатанному Минем (Migne, Patrol. curs. compl., ser. gr. t. LXXIX, 1860, pp. 1249 sqqu.), то обнаружим следующее: украинский перевод обрывается на 71-м изречении, остальные (до 139 вкл). остались не переведенными. Кроме того остались непереведенными изречения — 5, 6, 9, 16, 19, 60, 64, 65, 66. То обстоятельство, что 49-е изречение в украинском списке переведено с греческого, а в Анфологионе 1660 г. оно отсутствует, а также отмеченные выше не совпадения укр. текста с ним по составу — показывает, что оба перевода и украинский, и московский появились независимо один от другого, и что оба переводчика пользовались греческими оригиналами изречений Нила в *разных* списках. Этим объясняются и стилистические различия славянского и украинского текстов, независимо от языковых различий.

Что касается качества перевода, то, поскольку можно судить на основании ограниченных данных, — московский перевод более сжато и точно передает свой оригинал. Украинский же переводчик довольно свободно передавал свой, почему порою впадал в ошибки. Приведем примеры перевода:

70. «Οὐ παύεται ἡ διάνοια τίκτουσα. σὺ δὲ τοὺς μὲν φαύλους

«Смыслъ *человѣчій* нѣкіды не престает родити *розмаитіи*

ἔκτειλε, τοὺς δὲ ἀγαθοὺς γεώργησον.

мыслї; ты зась, *як мудрый рыцер Христовъ* злыи отжинай, а добріи управляй».

В Моск. пер. подчеркнутых добавлений нет, и последнее слово переведено точнее: «воздѣлай». Или:

56. «Ταῖς χρείαις τῶν ἁγίων κοινώνει· δι' αὐτῶν γάρ σοι κοινωνία πρὸς τὸν Θεὸν γίνεται»

«По требам и *недостатку* святыхъ учасником ся став; при них абовѣм до бога приступка нам ставает».

Московский перевод — лаконичнее и точнее. Не приводим других параллелей; отметим только случаи темного и неверного перевода

71. «Χαῖρε τῇ ταπεινώσει. τὸ γὰρ ἐξ αὐτῆς ὕψος πολὺ καὶ πεσεῖν μὴ δυνάμενον».

«Радуйся спокорне о блудной; высота бовѣм ни ест барзо мощная а нѣколиже».

59. «Κύλλα τὴν σάρκα ἀγαθοῖς πόνοις, παντελῶς δὲ αὐτὴν μὴ καταπεσεῖν φρόντιζε».

«Добрими працами тѣло свое знемощняй, иначий бовѣм ображаем тым болше умощняеш точих».

Но каковы бы ни были дефекты старого украинского перевода — самый факт его существования в XVII в. проливает свет на тенденции деятелей первого возрождения, тем более, что разобранный памятник не является единственным в своем роде: к нему примыкают и другие, к которым мы и перейдем.

2. «Об осми помыслах».

Кроме приведеного, довольно обширного извлечения из сочинений Нила Синайского, известного в украинском переводе, мы можем указать еще нечто. Так в рукописи Моск. Синод. Библ. № 201 (459) к. XVII в., лл. 102 об. — 121 об. читается поучение к мо-

нахам,[1] окрашенное в этом списке сравнительно редкими украинизмами. Кроме того мы имеем в украинском переводе статью с именем Нила «О осми помыслах». Это очень небольшое сочинение в восьми главах, неизвестное, повидимому, в числе греческих сочинений Нила; оно не совпадает с трактатом Нила с тем же заглавием, опубликованным у Миня (col. 1437 et sqqu.). Статейка в восьми главах встречается в славянских рукописях в громадном количестве списков; старший, среднеболгарский (*нач*: «Вѣждь чадо. . . .») читается в средне-болг. сборн. Росс. Публ. Б. 1348 г. л. 83; в русском старшем списке Толст. II, № 4, 1419 г. имеем тот же текст, с именем Нила. Статья «о восьми помыслах» встречается еще и с именем Кассиана Римлянина;[1] в рук. М. Синод. Библ. 172 (923) XV в. л. 77 — приписывается Григорию Синаиту; её встречаем среди сочинений Исаака Сирина в рук. М. Син. Б. XVI в. № 131 (457); ее же, по замечанию Горского и Невоструева, находим у Ефрема Сирина: «она вся заключается в первом отделении слова пр. Ефрема «о восьми помыслах».[2] А. С. Архангельский, не без основания, полагает, что эта статья не принадлежит пр. Нилу Синайскому, а лишь основана на его сочинении.[3]

Широкая популярность этой статьи побудила украинского переводчика усвоить её новонарождающейся литературе на «простой мове» и представить в следующем виде.

(л. 127). «*Святого Нила о осми помысло*[x]*, о которых теж и отец Касианъ римлянинъ ширей писал на иншом мѣстцу, тутъ коротко зобрано*».

«*Слово святаго Нила о осми помыслех*».

«Вѣдай иж осмъ ест помислов, злых побудок, которые все лихо

«Вѣжль чадо, яко осмь ес(ть) помыслъ иже вся злая а содѣ-

[1] Соболевский, Перев. лит. Моск. Руси, с. 17.

[2] Опис. слав. рук. М. Син. Б. II, 2, с. 175 со ссылкой на р. пер. соч. Ефрема С. ч. 2., с. 220—1. Срв. Архангельский op. cit. с. 131, прим. 8-е.

[3] Архангельский, op. cit. с. 132.

справуют, то ест обжарство, вшетеченство, лакомство, гнѣв, фрасунок чрезпотребний без часу, мелянколия, унинне, дивацтво, прожная хвала, гордост. Тые сут, которые побужают и подбурают кождого человѣка.

а̄. Ты если хочешъ звѣтяжити обжарство, розмилуйся в стрыма́лости, имѣй боязнь божую в себѣ, тогды звѣтяжишъ.

в̄. Хочешъ ли звѣтяжити вшетечност, ми́луй лакне́ние, прагненье, почувайся о собѣ, припоминай час смерти своея. А з невѣстою в розмову нико́ли невдавайся, такъ переможешъ.

г̄. А лакомство теж хочешъ ли от себе отгнати, откин же збиранье богатствъ. а милуй учтивую худо́бу.

д̄. Гнѣвъ хочешъ ли в собѣ заморити, наслѣдуй же покою и великое терпливости, а то (127 об.) в собѣ припоминай, якъ много злого Исусъ[1] господь[1] на свѣти утерпѣл от розных людей и от жидов, а не гнѣвался на них, але радше народ людскій милуючи молился за них, мовячи: «отче отпусти им грѣх сей, бо не вѣдают што чинят».

ловающеи: чревобѣсие, блуд, сребролюбие, ярость, печаль безвременна, тщеславие, унынне и гордыня.

И та сут борюща всякого человѣка, чядо.

Аще хощеші побѣдити чревобѣсие, возлюби воздѣржание і имей страх божій и побѣждаеши.

Аще хощеши побѣдити блуд, възлюби алчьбу и жажду и бдѣние, въспомяни смерть и николи же беседуй с женою и побѣдиши.

Аще хощеши побѣдити сребролюбие, возлюби нестяжание и худость и побѣдиши.

Аще хощеши побѣдити ярос (ть), стяжи кротость и (длъ)го терпѣние и поминай, колика зла сътвориша іудѣи г(оспод)у нашему І(су)су Х(рист)у, и человѣколюбивый не прогнѣвался на ня, но паче моляшеся о них і гл(агола)ше: отче, остави им грѣхъ сей, не вѣдят бо что творят.

[1] На поле тою же рукою: Езус Нан.

ѐ. Фрасунок непотребный хочешъ ли от себе отогнати, не фрасуй же ся жадным способом за якою колвекъ причиною, хотя быс был бит, албо объел жóну, або выгнал, але радшей радуйся, одно в тот час фрасуйся и то не без бачности, коли в чом згрешиш, и тогды мѣру заховай в том, абыс в вонтливост впадши не згинул.

ѕ. Мелянколию, унынне, албо дивацтво хочеш ли звѣтяжити, справуй што а роби хотя понемногу, читай писма, а молися часто.

ꙁ. Порожнюю хвалу хочешъ ли звѣтяжити, не милуй же похвáлы и почести и шат оздобных, ани продкованья над иншие, радшей розмилуйся правды, для которое хотя тебе укоряти, зневажати и лжити будут неправдиве, не дбай, розумѣючи себе быти над всякого грѣшного нагрѣшнѣйшим.

и. Гордост хочешъ ли звѣтяжити, тогды штоколвекъ дѣлаешъ, немовъ, же «то працею моею, або моимъ мужством дѣлается», але будто постишъ, будь в чулости живешъ, будь мо-

Аще хощеши побѣдити безвременую печял, не опечялися никогда же за кою любо временую вещ. І аще биен будеши или обесчестен, или отгнан, не опечялися, но паче радуйся. Тогда ся токмо опечялися, егда согрѣшиши, но тогда в мѣру, да не отпадеши во отчаяніе и погибнеші.

[1] Аще хощеши побѣдити унынне, твори что убо мало рукодилие и прочитай с(вя)тыа книги, и молися чясто и побѣдиши.

Аще хощеши побѣдити тщеславие, не люби похвалы, ниже почести, ниже добрыя рызы, ниже предпочитаниа, ниже предсѣдѣния, паче же возлюби, да тя укоряют і охуждают і бесчестят лжуще, и дружи себе всякого грѣшника грѣшнѣйша.

Аще хощеши побѣдити гръдыню, что любо твориши не гл(аго)ли, яко от своего ми труда или от своего мужества бывает, но любо постиши, любо бдиши, любо молишися, любо

[1] *В рук.* — сначала о тщеславии, и потом об унынии.

лишъся, любо на земли голой лягаешъ, будь служишъ, албо поклоны чи́нишъ, мовъ, же «за божою помочью и ратункомъ то ся дѣет, а не за моею пилност'ю и старан'емъ».

низу легаеши, любо поеши, любо служиши, любо метания многа твориши [глаголи] яко от божіей помощи і заступления бывают, а не от моего тщания».

Мы привели параллельно с украинским текстом статьи — славянорусский текст великорусского извода, по рукописям XVI в., Новг. Соф. соб. № 1485 и Кирилло-Белоз. № 119 — 224, л. 488 — 489 об., а украинский перевод — по рук. Киево-Печ. Лавры № 267 (93 — 94), представляющей Сборник, написанный украинскою скорописью (лл. 127 — 128 об.) с датою в записи по листам: «Сия книга глаголемая собранiи речы писал рабъ божій Марко иеродіакон, що из Ерусалиму пришел до Печерскаго манастыра, за отпущение грѣховъ своих, року божого 1604, мѣсяца генваря дня...». Эта дата имеет особую ценность для истории перевода статейки, приписываемой Нилу Син.: она позволяет отнести перевод к той эпохе, когда, повидимому, интерес к такой работе был довольно значителен в связи с подъемом национального самосознания.

С другой стороны, о том, что украинский перевод статьи о 8-ми помыслах был сделан не очень задолго до указанной даты, свидетельствует то обстоятельство, что он был сделан *не с древнего* текста, а с ходячего популярного в конце XVI в. Сличим этот перевод и параллельное чтение рукописей XVI в. с рук. 6927 (1419) г., написанной диаконом Стефаном — и получим следующее: во вводном изречении —

Сп. 1419 г.	Сп. XVI в.
... осмь *сут*...	осмь *есть*...
... печаль безвременна, *уныніе, тщеславіе, гордость*»...	... печаль безвременна, *тщеславіе, унынiе* и *гордыня*».
«чядо» — *нет*.	... всякого человѣка, *чядо*».

В следующих изречениях — также есть мелкие различия:

I. «*Ты же чядо* аще хощеши»...	«аще хощеши»...
III. «побѣдиши» — *нет.*	... «и побѣдиши».
V. «но *и* тогда въ мѣру, да не *въпадеши*»...	«но тогда в мѣру, да не *отпадеши*»...
VIII. ... «*или* бдиши, *или* молишися *или* низу лѣгаеши, *или* поеши, *или* служиши, *или* метаніа много твориши»...	«*любо*... *любо*... *любо*... и т. д.

Украинский перевод выгодно отличается от некоторых других той же эпохи — относительной чистотой языка и малым количеством полонизмов, соединяя точность буквальную с точностью смысловою.

VI.

След украинского перевода Киево-Печерского Патерика.

Трудами главным образом митр. Макария, акад. А. А. Шахматова и проф. Д. И. Абрамовича установлены основные моменты истории Киево-Печерского Патерика. Напомним её вкратце.[1] Ядром, *основной* редакцией Патерика является комбинация: Симоново слово о создании церкви Печерской, его послание к Поликарпу, послание Поликарпа к Акиндину и Несторово слово о первых Печерских черноризцах; она сложилась, вероятнее всего, не ранее 1225 г. К основной ред. примыкает Феодосиевская, представляющая выборку из Патерика, сделанную, как думают, с богослужебною целью в XIV в. В 1406 г. «замышлением боголюбивого епископа Арсенья Тферьскаго» была составлена вторая редакция, т. наз. Арсениевская, использовавшая основную, отчасти сократив её, но в то же время дополнив Несторовым житием пр. Феодосия, похвалой ему же и (не всегда) сказанием о начале Печерского монастыря. В 1460 г. «повелениемь инока Касіана крилошанина печерского», независимо от Арсениевской, — была создана новая (третья) редакция Патерика — с добавлением Несторова Слова о перенесении мощей пр. Феодосия, ряда летописных известий, а также с новым расположением материала и текстуальными изменениями в нем. В 1462 г. 10 апреля Касиан за-

[1] Д. И. Абрамович, Исследование о Киево-Печерском Патерике, как историко-литературном памятнике. СПБ 1902.

кончил новую обработку Патерика, т. наз. 2-ю Касс. редакцию (счетом — четвертую из известных); здесь он сгруппировал свой материал в хронологическом порядке и сделал в тексте статей много существенных изменений. Кассиановская 1-я ред. послужила материалом для ред. Макариевской Ч. Минеи (май) с некоторыми изменениями в порядке и тексте статей, а Касс. 2-я ред. легла в основу: 1) польского печатного издания Сильвестра Коссова 1635 г. «Πατερικόν», где тексту предшествует обширное апологетическое предисловие, а в тексте — перестановки; 2) славянской ред. архим. Иосифа Тризны (1647 — 1656 г.) сильно дополненной разнообразными летописными известиями и разбитой на отдельные жития с риторическими вступлениями; 3) славянской же ред. Калистрата Холошевского, игумена Гадяцкого мон., 1658 г. Ред. Тризны легла в основу первого печатного издания Патерика 1661 г., сделанного «повелением и благословением» архим. Печерского Иннокентия Гизеля; предисловие к читателю заимствовано из польского изд. 1635 г. Все перечисленные редакции Патерика — славянорусские за исключением ред. Коссова 1635 г. Ни один ученый до сих пор не упоминал о существовании *украинского* перевода Патерика; только в известном труде Викторова [1] проскользнуло упоминание, не принятое во внимание никем из исследователей, о том, что в мон. Нила Столбенского имеется «Патерик Печерский Сильвестра Коссова» в переводе с польского, написанный украинскою скорописью XVII в. в 4-ку, около 200 лл. Но перевод ли это на украинский книжный язык, или славянский перевод, только по графике украинский — осталось неизвестным. А между тем уже чисто теоретически следовало бы допустить возможность существования такого перевода, хотя бы потому, что такой популярный памятник интересовал не только ученых читателей, но и простецов, не знавших выходившего из употребления на Украине церковно-славянского языка. Для этих читателей ведь были уже

---

[1] Викторов. Описи рукоп. собр.... северной России, с. 214, № 87 (13).

переведены на «простую мову» и Учительное Евангелие 1616 г. и Триодные Синаксари. И такой украинский перевод действительно существовал, в чем нас убеждает рукопись Моск. Публ. и Рум. Музея № 1572 (Беляева № 63, 4): это отрывок — два листка в 4-ку, писанные украинской скорописью к. XVII в., вырванные из большой рукописи и, видимо, побывавшие в переплете, откуда извлечены с сильными повреждениями: лицевая сторона 1-го л. замарана синей краской, об. л. 2-го — выцвел и не может быть прочитан. Сохранилось начало жития Никиты Затворника. Это житие в составе Патерика могло быть переведено либо с основной редакции, еще не утратившей в XVII в. своей популярности, либо с Арсениевской, либо со второй Кассиановской, а также — с печатного издания 1661 г. Но сравнение перевода с этими разновидностями Печ. Патерика не привело к удовлетворительным результатам. Иное получилось при сличении с польским изданием 1635 г.: сходство оказалось полным, и не остается сомнения в том, что именно *это* издание послужило оригиналом для переводчика-украинца.

Приводим сохранившийся отрывок параллельно с польским его оригиналом:

«ПАТЕРІКОN» 1635 г.	Рук. М. Публ. М. № 1572, л. 1 об.
(с. 82) «Zywot S. Nicety Zatwornika (to iest, w osobnym zámknieniu żyiącego) Ktory potym był Episkopem Nowogrodzkim.	«Живот святого Никити ⟨За⟩творника, то ест во особливумъ замкненю жил сам един ⟨ко⟩торый потим был епископомъ Новъгородским:
Za czasów Swiętego Ihumená Nikoná | był ieden Brat imieniem Nicetás: Ten chcąc bydź sławny u ludźi | a nie zbáwienia sobie zasługuiąc | zámyślił zámknąć się w skryte	За часу святого Игумена Никона был еден брат именем Никита: он хотѣл быти славным у людый, а не спасенна собѣ заслугуючи, замыслил замкнутис⟨я⟩ в скритумъ мѣсцѣ;

mieysce: oco gdy począł pro (c. 83) sić Ihumená | przeczył mu mowiąc. Jeszcześ bráćie młody | lepieyći iest między Brácią ieszcze żyć | ánizeli na tak ścisły á proznuiący żywot samemu iednemu się puścić; wszák pomnisz co się sstáło świętemu Izáákowi Pieczárnemu | iako go zwiedli byli szátáni | że aż zá modlitwámi świętych | Antoniego y Theodozego łáská Boża go podźwignęłá. Nicetás rzecze: żadną miárą się nie dam zwieść ia taką rzeczą iáko Izáák: á będę prosił u Páná Bogá | żeby mi dał moc cudá tworzyć. Ihumen mu znowu powie: Brácie miły | iać rádzę słuchay mię | á pospołu z Brácią mieszkay. Niechciał słuchać Nicetás | y uczyniwszy sobie komorkę | zámknął się w niey | nigdzie nie wychodząc. Po niewielu dni | zwiodł go dyabeł | ábowiem gdy się modlił | dyabeł podle niego uczynił głos | iákoby kogoś modlącego się z nim | y chwalącego Bogá | á przytym bárzo wdźięczny zápách uczynił. Nicetás záraz w sobie pomyślił, | że gdyby to niebył Anyoł Boży | nie modlił by się pospołu zemną | ániby táki zápách był |

о що ѓды почал просити игумена, зборонял ему мовячи: еще еси брате молод, лѣпше би ест межи братиею жити, анѣжли на так острий а порожный живот самому единому ся пустити; вшак же памятаешъ, що стало святому Исакию Печарному, як его звели были дияволы, же иж за молитвами святого Антония и Феодосия благодатиею божиею подвигнули его. Никита (л. 2) рече: жадною мѣрою не дам звестися я таким речам (sic!) яко Исакый. Я бу<ду п>росити у Господа Бога своего, жеби ми дал моц чуда творити. Игумен ему знóву мовит: брате любезный, я тобе ражу, слухай мене а посполу з братиею мешкай. Не хотѣл слухати Никита, и учинивши собѣ коморъку и замкнувся в ней и нѣѓды не выходил.

По немного дний прелстил его диявол. Абовѣмъ ѓды ся молил, диявол подле него учинил голос, яко бы кого ся молящагося з ним и хвалящаго Бога, а при тим барзо благоуханный запах учинил. Никита зараз в собѣ помыслил, же ѓды бы то не был аггелъ божий, не молил бы ся посполу зо мною, а

iesliby nie Duch święty. Y począł pilno prosić: Panie okaż mi się | niechay cię widzę. Tedy głos do niego był táki: Nie pokażę się ia tobie | boś ieszcze młody | żebyś się záś nie podniosł w pychę | y nie upadł. Nicetás záś z płaczem rzekł: Zadną miárą Pánie niedam się zwieść | abowiem mię náuczył Ihumen | żebym na pokusy był ostrożny | y ná zmawiánie ich nie dbał | ále ty co mi roskażesz | wszytko uczynię.

Chytry tedy dyabeł iuż go oszukawszy rzekł: Nie podobna człowiekowi ciáłem obłożonemu mnie widźieć | áto iednák poslę Anyołá mego | żeby przy tobie był | a ty wolą iego czyń: Nátychmiast dyabeł w osobie Anyoła stanął przed świętym Nicetą | á Nicetás się onemu pokłonił iako Anyołowi. Y rzecze mu dyabeł | nie modl się ty | ále tylko czytay księgi | przez ktore z Bo (c. 84) giem rozmawiáć będźiesz | y tym się sstaniesz Panu Bogu miłym | gdy do ćiebie przychodzącym będziesz słowá ku zbáwieniu po-

не былибъ такие запахи благоуханнии, и если бы не Духъ святий. И почал пильно просити: «Господи, окажи ся мнѣ, нехай ся присмотру и обачу». В тен час голос до него был такъ: «Не покажуся я тобѣ, бо ты еще молодый, иж бы ся знову възнестися не позволил в пиху, а не упал». Никита знову с плачем рече: «Жадною мѣрою, Господи мой, не дам ся звести. Абовѣмъ мене научил игумен, же бым на покусы был осторожный и на искушение их недбаю, але то, що мы роскажешъ, то все учиню».

Пронирливый тогды диявол, иж его прелстивши реклъ: «Неподобна ест реч человековѣ тѣлом обложенному мене видѣти, а то еднак послю аггела моего, жебы при тобѣ был, а ты волю его чини». Зараз натыхмѣст диявол в особѣ был аггельскую стал пред святим Никитою, а Никита ся онему поклонил, яко аггеловѣ. И рече ему диявол: «не молися ты, але тылко читай книги, през которие з богом розмовляти будешъ и тым ся станешъ Господу Богу милим. Коли до тебе приходящим будешъ слова ко изба-

wiádáć | ia záś záwsze będę się modlił za ciebie Panu Bogu.

влению повѣдати, я зась завше будуся молити за тебе Господу Богу».

Nicetás temu uwierzywszy od modlitew ustáwicznych przestał | ale tylko zawsze pilno czytał księgi | y drugich uczył | á dyabłá widział bez przestánku modlącego się zań | y rádował się Nicetás | że się Anyoł (iáko on mniemał) zań modli. Uczył tedy przychodzących k niemu o zbáwieniu duszy | y począł prorokowáć | tak iż się wiele słow iego isciło: zá czym wielką miał u ludźi sławę | y podziwienie. Nawet do Xiążęćiá Izásłáwá | pierwey niżli do niego wieść doszła | opowiádáiąc posłał | że dziś zabitym iest Hleb Swiętosławowicz w Záwołoczu | dla tegosz | práwi | pośliy syna swego Swiátopołká na Stolicę do Nowogrodu. Jákosz y ták było: bo po niewielu dni potym iuż miał wiádomość y zkądinąd Xiążę Izásław | że Hleb iest zábity. Odtąd począł Nicetás słynąć za Proroká: wiele go słuchało Xiążąt y Pánow: bo Dyabeł co przez złych ludźi uczynił | to opowiádać zwykł | y ták czynił Nicećie opowiadaiąc swoie dźiełá | gdzie co uczynił. Nádto | táką był zawziął biegłość w pismie swiętym Nicetás | że wszytkie księgi starego Zakonu nápámięć bárzo dobrze umiał: lecz Ewángeliey świętey | Apostolskich listow | y wszytkich Nowego Testámentu pism niechciał áni słyszeć | áni wiedzieć | áni czytać | áni z nich przeciwko sobie co mowić: ztąd porozumieli Oycowie święci | że był oszukány od dyabłá; nie mogąc tedy cierpieć tego | á zwłaszczá żáłuiąc zguby dusze | przyszli do Nicety | y poczęli się zań Pánu Bogu modlić gorąco ták | áż dyabeł ustąpił | y iuż go Nicetás nie widywał. Potym go wywiedli z oney komorki | y pytáli go niektorych rzeczy z ksiąg starego Zakonu | chcąc co usły (c. 85) szeć od niego | á Nicetás począł się kłąć | mowiąc | żem nigdy nie czytał ksiąg starego Zakonu y słowá żadnego | y aż go muśieli czytać uczyć święci Oycowie: czego się náuczywszy | iuż był ostrożnieyszym | á postami y posłuszeństwem ustawicznym Naywyższego błagał | y ták żył w wielkily

pokorze y cnotach | że inszych celował | ná ktore wysoce iego pobożne życie pátrząc | uczyniono go Episkopem Nowogrodzkim. Czynił ten Nicetás wiele cudow; między ktoremi częstokroć, gdy dżdżu nie było | pomodliwszy się Panu Bogu | deszcz upraszał | ták też pożary w mieśćie samą modlitwą y wzniesieniem ku niebu rąk gásił. U ták po onych pokutách swiątobliwie żyiąc | poszedł na wieczny żywot: ktorego y nas Chryste Zbáwicielu racz | zá modlitwami iego | uczestnikami uczynić. Amen.

Appendix.

Gdy ten święty Nicetás był od chytrego dyablá oszykany | że niechciał słuchać starszego | Swięci Oycowie Pieczárscy byli ci ktorzy się zań modląc dyabła od niego odpędzili: Nikon Ihumen: Jan ktory po nim był Ihumenem: Pimin Postnik: Ezaiasz ktory był Episkopem Rostowskim: Mattheusz Prozorliwy | to iest máiący ducha Prorockiego: Izáák Pieczarnik: Agápetus lekarz: Grzegorz cudotworcá: Mikołay | ktory był Episkopem Tmutorokańskim: Nestor | ktory nápisał Kroynikę | álbo látopisiec y Páteryk Pieczarski: Grzegorz Kánonotworcá: Theoktist | ktory był Episkopem Czernihowskim: Onisyphor | nazwany Prozorliwym, to iest Ducha Prorockiego maiącym».

Несмотря на краткость сохранившегося отрывка, мы можем судить о качестве перевода. Переводчик старался быть возможно точным, даже следуя порядку слов оригинала («o co gdy począł prosić» — «о що ґды почал просити» и т. п.), хотя и вынужден был кое где отступать от буквализма, переводя слова оригинала — словами другого корня и образования, порою даже без надобности: напр. przeczył — зборонял, szatani — дияволы, powie — мовит, miły — любезный, wdzięczny — благоуханный, tedy — в тен час, chytry — пронирливый, zmawianie — искушение, oszukawszy — прельстивши, niewielu — немного. Отклонений от оригинала наблюдается немного типа: «łaska Boża podźwignęła go» — «благодатию божиею подвигнули его», niedbał — недбаю. В целях стилистической гладкости и закругленности речи, переводчик

допускал добавления, которые мы подчеркиваем: *тобѣ* ражу, запахи *благоуханныи*, *присмотру* и обачу, *знову* възнестися *не позволил* в пиху, *знову* с плачем, господи *мой*, *зараз* натыхмѣст.

Когда мог быть сделан перевод? Наиболее популярной была с 1635 г. польская редакция, и можно думать, что переводчик, если бы работал после 1661 г. — не избежал бы соблазна воспользоваться первым печатным славянским изданием, чего в тексте не заметно. Если бы почерк рукописи можно было отнести к концу XVII в., то можно было бы предположить, что переводчик воспользовался вторым славянским изданием 1678 г. Но эти предположения излишни. Сопоставление текстов ясно говорит за изд. 1635 г., как за оригинал. Соображая все это, можем отнести и перевод скорее к первой половине XVII в., видимо — вскоре после появления польского издания, нежели ко второй, когда в духовных сферах произошло в значительной степени возвращение к славянской речи, и никоим образом — к концу XVII в., когда это возвращение под влиянием сношений с Москвою стало модным у украинских духовных писателей.

Для сравнения — не лишним представляется нам упомянуть, что первое печатное славянское издание Патерика 1661 г. представляет житие Никиты Затворника в таком виде: (л. 154 об.) под гравюрой, изображающей святого в епископском облачении (рядом — читающий Никита в обществе диавола), сведéние дождя и угашение молитвою пожара. Под сим — стихи:

«Никита прелщенъ волкомъ в Хранителя вúдѣ:
Добрый стада Христова бысть пастыръ послѣди».

«Житие прп҃б отца нашего Нікиты Затворника | иже прелщенъ бѣ от діавола явлшагося въ образѣ | аггельстѣмъ, и бѣ тогда премудръ и Пророк: Егдаже | покаяся, забы всего. Послѣди же бысть Епископъ Новгородскій Чудотворный». За сим — предисловие:

(л. 155) «Прежде úнѣхъ почитаеми суть таковыи храбрыи Вои иже не в полку брань творити обыкоша, но по единому устрем-

ляются на врага: имже аще и многажды попущает Г(оспод)ь на время пасти, да не превозносятся, обаче видя прежднее тѣх рвеніе и мужество, не оставляет ихъ до конца, но возставляет и непобѣдимых представляет. От таковых храбрых воевъ Х(ристо)вых обрѣтеся в Печерскомъ с(вя)томъ Монастырѣ, яко же Преподобный Ісакій Затворникъ, сице и сей блаженный Нікита: о нем же достохвалный Полукарпъ, извѣщен от Сімона с(вя)таго, свѣдителствуетъ тако»...

Этого предисловия и стихов нет ни у Сильв. Коссова, ни в опыте найденного нами украинского перевода Патерика.

VII.

К истории украинской повести XVII в.

I.

История повествовательной литературы в старой Украине мало изучена и страдает многими неточностями, зависящими главным образом от того, что рукописное наследие, оставленное веками, сравнительно мало изучено. В итоге, в обстоятельной наиболее богатой фактическими данными истории украинской литературы М. Л. Возняка[1] мы находим не много более половины того повествовательного материала, который известен в рукописях. При этом кое где этот автор говорит об *украинских* повестях, пользуясь заведомо великорусскими и белорусскими текстами, не доказав их украинского происхождения.

М. Л. Возняку известны следующие памятники, которые он заносит в разряд повестей:

1. «Повесть о премудром Акире» (Істор., т. I, с. 100); но украинских списков этой повести не известно.

2. «Троянская история» «Дарета и Дактиса» кратко упоминается с указанием, что она сохранилась в Хрониках Малалы и

---

1 Михайло Возняк, Історія української літератури, т. I. До кінця XV віку. Льв. 1920; т. II. Вікі XVI—XVIII, перша частина, Льв. 1921; т. III. Вікі XVI — XVIII, друга частина, Льв. 1924. См. еще: М. Возняк, Старе українське письменство. Льв. 1922.

Манассии (Іст. I, 99); кстати сказать — обе хроники никакого отношения к украинской литературе не имеют.

3. «Девгениево Деяние» (Іст. I, 101), по основательным соображениям ак. Сперанского, переведенное на юге до нашествия монголов, но — неизвестное в укр. списках, а лишь в поздних северных, великорусских.

4. «Александрии» — «вообще» касается г. Возняк дважды в Іст. (I, 97 — 99 и III, 137) и в третий раз в кн. «Старе укр. письменство» (с. 56 — 63). При этом в первом случае говорится суммарно об Ал. I-й ред., переведенной на юге в XI — XII вв. и о позже пришедшей — сербской Ал. Конечно, вторая не относится к укр. литературе. Во втором случае г. В. говорит о сербской Ал. в украинской обработке; в третьем—сообщает отрывки из закарпатской рукописи нач. XVIII в. и из Хитарского сборн. того же приблизительно времени. Но это — не сербская Ал., а т. наз. Historia de proeliis в украинском переводе не без польского посредства.

5. «Сказание об Индийском царстве» (Іст. I, 99 — 100): излагается содержание не укр. текста, а западнорусского. Украинская обработка, изданная мною, гораздо короче.

6. «Стефанит и Ихнилат» (Іст. I, 96) по изд. Викторова; но это памятник югослав. происхождения, и украинских списков, удостоверяющих знакомство с ним на Украине — мы не знаем.

7. Повесть про «покарану невдячність (известный аполог об упавших в яму — вельможе, льве, обезьяне и змее) в кн. Старе укр. письменство (с. 313 — 14), перев. с ц.-слав., в рукоп. Львовского Нац. Музея перв. пол. XVIII в.

8. «Житие» и «Гистория» о Варлааме и Иоасафе (Іст. I, 102 — 3) по славяно-русской рукоп. XIV — XV вв. и по Кутеинскому изд. 1637 г. Из этой же «Гистории» — «притча про однорога». (Старе укр. письм. с. 53).

9. «Великое Зерцало» (Іст. III, 141 — 143), с указанием украинских переводов из него, указанных подробнее в исслед. Н. Гудзия; отсюда, из В. З. — повесть.

10. «Триста літ як одна година». (Ст. укр. письм. с. 312) — рассказ из Великого Зерцала, в укр. перев., по Сокальской рукоп. из собр. Ів. Франка.

11. «Люцидарий» в укр. перев. (Іст. III, 139), открытый и впервые опубликованный ак. Карским; но это — не повесть.

12. «Римские Деяния» — (Іст. III, с. 143) указаны в украинском переводе в рукоп. Степана Самборина 2-й или 3-й четв. XVIII в. Но где эта рукопись? Из «Р. Д.» украинский текст статьи «Покарана гордість Цісаря Йовіяна» из Хітарского сб. 1744 г. (где он теперь?) — в кн. «Ст. укр. письм.», с. 45 — 52.

13. «Повесть об Аполлонии Тирском» (Іст. III, с. 144 — 5) пересказана по печатному изданию (копии с белор. перев.?). Украинский текст неизвестен (или — известен г. В., но не указан?).

14. «История о 7 мудрецах» (Іст. III, 145) — по великор. переводу; украинская работа аббревиатора осталась неизвестною г. В.

15. «Сказание о Мамаевом побоище» (Іст. I, 247) — в украинск. обработке, по изд. Шамбинаго, с. 168 — 190.

16. «История о Мелюзине» (Іст. III, 146 — 7) — излагается содержание по великор. тексту, изд. Общ. Л. Др. П.; укр. списков — не известно.

17. «Повесть о чешском царевиче Брунцвике» (Іст. III, 147 — 149) — также излагается по великор. тексту, изд. О. Л. Др. Письм.; украинских текстов — не известно.

18. «Повесть о Петре (Прованском) Златые-Ключи» (Іст. III, 147) кратко изложена по великор. тексту; украинский полный — не известен; о сокращении польского — см. у нас ниже.

19. «О Короле Помироне и брате его Евагрии» (Ст. укр. письм. с. 54 — 55) в украинском тексте, по рукоп. Ст. Теслевцьового, XVIII в.

20. Легенда (?) про рыцаря и смерть, *в стихах*; это украинский перев. «De morte prologus», изд. A. Croiset-van-der-Kopp. (Іст. III, 136).

21. «Легенда про царя, що ходив красти» (Іст. III, 135), укр. текст из Хитарского Сборника. Но почему это легенда, а не повесть?

22. «Приповѣсть о трех младенцах, како ошукала их одна вдова своими фортелями барзо штучне» (Іст. III, 134) — укр. текст, изд. Костомаровым (Пам. Ст. Р. Лит.) без указания рукописи.

23. Новелла Боккаччьо о Танкреде, Гвискарде и Сигисмонде (Іст. III, 149—151), в украинском стихотворном переводе, открытом В. Науменком (К. Ст. XII).

Таковы повести, сведения о коих рассеяны у г. Возняка по его «Історії укр. письм.» и в книге «Старе укр. письм.» 1922 г. Как видно, целый ряд их едва ли может быть причислен к памятникам украинской литературы. Даже относя к последней переводы, сделанные в эпоху Ярослава и в XII в., все же мы не решились бы считать украинскими №№ 2, 6, 13, 15, 16, 17, 18, равно как не занесли бы Люцидарий — в число повестей. Историю некоторых из этих повестей г. В. представляет себе весьма просто; напр. пишет он об «Ист. о 7 мудрецах»: «правдоподібно з латинського перекладу зладжено на початку XVI в. польске видання, а його *український переклад з XVI в. через Новгород перейшов на Московщину*»; эта комбинация пока ничем не подтверждена и не доказана.

Взамен неверно причисленных к украинской литературе памятников и по недоразумению использованных славяно-великорусских списков я бы предложил пополнить список памятников украинской повествовательной литературы нижеследующими, оставшимися за пределами внимания историков украинской литературы.

1. Роман о Тристане, в Познанской рукоп. гр. Рачинских XVI в.

2. Повесть об Аттиле, там же.

3. Роман о Бове, там же; все изд. А. Веселовским, Из истор. романа и повести, II. Эти три памятника по языку — относятся

к числу белорусских, но эпоха, к которой относится перевод их, не различала еще белорусской и украинской речи в литературном употреблении. Если при обзоре литературных украинских памятников оставить названные без внимания — следует также поступить напр., и с Апокрисисом и с некоторыми другими памятниками к. XVI в., несомненно украинского происхождения.

4. Задонщина (*не* Сказание изд. Шамбинаго), в Синод. рукоп., изд. А. Смирновым, с явными следами украинского происхождения, доказывающими, что этот памятник был известен и переписывался на Украине.

5. Прение живота и смерти — *не стихотворное* (рукоп. б. Киевск. дух. Акад. № 52, л. 52—60 и мн. др.), изд. И. Н. Ждановым, К литер. истор. р. былевой поэзии, 1881, с. 210—214; Н. К. Гудзием в РФВ и в Отчетах об экск. семин. р. филол.

6. Сказание о Сивиллах, украинск. перевод из Хроники Бельского, изд. по рукоп. Киево-Печ. Лавры в моих критико-библ. обзорах трудов по палеографии и источниковедению.

7. Повесть о ц. Давиде и ц. Соломоне (об увозе жены Соломоновой) — изд. Ів. Франком; есть еще в рукоп. Большакова (Рум. М.), б. Ц. Арх. М. при Киев. Д. Ак. и в моей. Q. 108, к. XVII в.

8. Повесть о бражнике; украинский текст есть в рукоп. Рум. Музея XVIII в. и Тихонр. № 8.

9. Повесть о Григории папе в украинском переводе встречается в рукоп. Рум. Муз., в моей рукоп. F. № 9, 1720 г., наконец в отчасти сокращенном виде — в сб. свящ. Шаргородского 1660 г., о чем ниже.

10. Повесть о ц. Сонхосе, или «Слово еже не важитися присягати на право и на лѣво» — укр. текст в сб. XVII—XVIII в. Собр. Большакова № 23.

11. Повесть о премудром младенце, изд. в качестве «народного» предания, но со всеми признаками письменного происхождения, XVIII в. — Ів. Франком, Житє і слово 1894 г. кн. IV, 136—142.

12. «Звезда Пресветлая»—сборник в к. XVII в. переведенный с белор. яз. на великор., но с любовью читавшийся и на Украине в XVIII в., см. работы В. П. Адриановой (Отчет об экск. семин. р. филол. в Полтаву и Екатеринослав, 1910, сс. 16—21 и 80—98) и И. И. Огиенка (Отчет об экск. семин. р. филол. в Петерб. 13—28 февр. 1911 г. сс. 155—171).

13. Рассказ об оклеветанном юноше — украинское сокращение в сб. свящ. Шаргородского 1660 г. (по Прологу). Унд. № 527.

14. «Семь мудрецов» в сокращ. украинском изложении — в рукоп. свящ. Шаргородского 1660 г.

15. О цесаре Оттоне — там же.

16. О графине Альтдорфской — там же.

17. О Петре Златых-Ключах — там же.

19. «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо в украинском переводе стихами (октавами), рукоп. Ленингр. Универс. библиотеки, Ms. E. II, 69.

20. Сказка о Бове королевиче — в украинской рукописи моего собр. F. № 9, ок. 1720 г.

В дальнейшем постараемся показать, какое значение имеет рукопись Унд. 527, и предложим анализ заключающихся в ней повестей по отношению к их источникам.

II.

Сведения о повестях в старинной украинской литературе как мы выше сказали, весьма скудны; столь же скудны и сведения о малозаметных писателях, не претендовавших на право воспользоваться печатным станком. А между тем, для обнаружения литературных интересов и вкусов *среднего* слоя образованных или хотя бы грамотных кругов старой Украины такие писатели могут быть особенно показательны, во всяком случае не менее (если даже не более), чем Гизели, Барановичи и др., пользовавшиеся ученою, церковнославянскою речью. Труд одного из таких малоизвестных писателей нам удалось обнаружить

в рукописи собр. Ундольского № 527 написанной в 1660 г. (4°, 4 + 298 лл. украинск. полууст.).

В каталоге она помечена как «Библия малая» и потому, видимо, до сих пор не привлекла на себя внимания историков литературы: кому интересен список библии XVII в., кроме специалистов по истории текста св. Писания? Да и те, если и заглядывали в эту рукопись, не находя нужного им, равнодушно откладывали её в сторону. Но для историка старинной украинской литературы она заключает в себе немало интересного. Остановимся на ней и познакомимся поближе.

На заглавном листе, в рамке с изображениями Аарона и Моисея такое заглавие, определяющее составителя и место, где он работал:

«**Библѣя малая** забранъная зъ рознихъ кънигъ вибраннихъ сенътенций, въкоротцѣ для снадънѣйшого вирозумленя и памяти незупелно цвѣчонимъ чителъникомъ и схолясътикомъ. Списанъная Въ Шаргородѣ рок(у) 1660 февъраля 1. Всѣмъ найнижъший слуга: **Григорий Димитъриевичъ. Священик Градной церкви**». Таким образом это — своего рода подручник, пособие для читателей, не получивших широкого, по понятиям того времени, образования. Автор объясняет в предисловии цель своего труда так (л. 3 не на об. — 4):

«Предмова до чителника».

«Кожъдий чителънику православний, которий в науках не бѣглий, а хочешъ навикнути и зрозумѣти з писма дѣевъ и наукъ стародавнихъ лѣтъ, а трафило бы ся кому в недостатку книгъ, тогда без великои праци и забави прочти тилко сию книгу малую со внѣманием, и довлѣет ти, бо власне яко бы зрѣнпем и умом своим проидеш всю быблѣю, то есть многие книги: напред бытейские, пророческие, еванъгелские и апостолскпе: с тих бо всѣхъ любо вомалѣ что а предся обачиш виборние и потребнѣйшіс речи собѣ до науки: яко напред з книг богословскихъ, из зерцала и апокалипсинъ, так из псалътири толкованно; изъ

бесѣд евангелских, из бесѣд апостолских; обачиш вкротцѣ животи виборнихъ святихъ. Знайдеш гистории и сентенции рознихъ авторов, научишся нѣкоторих речий з книжок — Маргарита и Диоптри, з пчел, з кройники и патериконов, з требніка великого Киевского, так тиж з книги о подражании, из Катехізис, из цвѣтъніка; прочтеш к тому Александрѣю, Варлама и Макарія (л. 4 нен.), Андрея юродиваго, Калиста патріярхи Константинополского и Кирила архиепископа Ерусалимского; з Василия великого, из Номоканону, з Кирила монаха, з Лексикона; и о вѣрѣ виданя; з Ключа Галятовского, гистории пол». Далее зачеркнутое, написанное полууставом, заключение: «из дикционара лацѣнского и лѣтописи теразнѣйших лѣт, слова зась нѣкоторіи з лацѣни, котрих заживают в мовѣ люде полѣтичніе, щося значит, написанніи для наукі младенцомъ». Вместо этого, на поле мелкою укр. скорописью дописано новое заключение: «из постилѣ полской, изъ екземпляра полского ест, из зверцадла прик. и пелкримациа Радзѣвѣла, так из Порядков Суд., що ест все потребно ⟨хо⟩тящим знати, вся речи же тие, знайдуючиеся здес, знайдеш ⟨в ре⟩естрѣ на концу».

Этот перечень чрезвычайно интересен: он дает нам отчетливое, документальное представление о круге чтения городского украинского священника половины XVII в. Присмотримся внимательнее к названным сочинениям.

Библия, о которой упоминает свящ. Григорий, — повидимому, известная Острожская библия, изданная в 1580—1581 г. (Карат. № 101—102).

«Зерцало» — есть «книга богословская», и в нем не трудно угадать труд очень популярный, имевший не одно издание, и в первом — названный «Сіа книга нарицаемая Зерцало богословіи, избранна от многихъ книг богословских трудолюбіемъ съставълена ермонаха Кирила Транквѣліона и проповѣдника слова божіа, его власным коштомъ и накладомъ выдрукована В монастыру почаев'ском, в маетности его милости пана Андрѣа Фурлѣя року 1618, мѣсяца марта 12 дня». (Карат. № 238).

Псалтирь толкованная — в печати до 1660 г. нам неизвестна; возможно, собиратель книги пользовался рукописями.

Беседы евангельские, повидимому, известные в рукописях под этим наименованием труды Іоанна Златоустого.

Беседы апостольские — надо предполагать там же, в рукописях, или — «Іоанна Златоустого бесѣды на 14 посланій с. ап. Павла», Киево-Печ. Лавра 1623 г.

«Животи виборнихъ святихъ» — взяты, повидимому, частью из Пролога, частью из труда P. Skargi «Żywoty Świętych Starego i Nowego Zakonu... w Krakowie, 1610».

«Маргаритъ» до 1660 г. был известен нам в рукописях (см. А. С. Архангельский, Творения отцов церкви в древне-русской письменности, 1888 г. с. 63) и в печатных изданиях — 1595—6 г. в Остроге (Карат. № 139) и в Москве, 1641 г. (Карат. № 520).

«Діоптра» — это чрезвычайно популярная, не раз изданная книга «Діоптра альбо Зерцало и выраженье живота людского на томъ свѣтѣ», соч. инока Филиппа, переведенное и изд. в 1612 г. в Евье (Карат. № 210), в Вильне — в 1642 г. (Карат. № 545) и в том же году снова в Евье (Карат. № 544), наконец в 1651 г. в Кутейне. Рукопись Діоптры того же перевода, датированная 1604-м годом с означением места перевода — «в Дубнѣ» описана мною в Отчете об экскурсии в Житомир (Библ. Волынск. семин. № 192 и печ. № 193); там же приведено и несколько отрывков в стихах из этой книги.

«Пчелы», упоминаемые затем, прежде всего Дерманский перевод 1599 г., известный в ряде рукописей (см. М. Н. Сперанский, Переводные сборники изречений, 1904, с. 370—392), или небольшие и известные под этим названием сборнички изречений, рассеянные по украинским рукописям (см. С. А. Щеглова, Пчелы Киевских библиотек, 1910).

«Кройники» — повидимому, южнорусские хронографы, о которых см. в «Опыте русской историографии». В. С. Иконникова, II, 2, с. 1543 и сл.; но составитель рассматриваемой нами ком-

пиляции пользовался какою то старейшею «кроникою», чем принадлежащие перу Софоновича или Боболинского.

«Патериконы», могли быть — или широко распространенный в украинских списках Скитский Патерик (см. напр. рукоп. Ц.-Арх. Музея Киевск. Академии, и работу Преображенского, Слав.-русск. Скитский Патерик, Киев, 1909; или — Киево-Печерский Патерик, который кроме польского изд. (Paterikon) 1635 г., сделанного С. Коссовым, был известен в рукописях не только церковно-слав., но и украинских, а также в изданиях 1661 и сл. годов. Наш компилятор при составлении своего труда мог пользоваться только рукописями или изд. 1635 г. и, что менее вероятно, Патериком Иос. Тризны 1647—1656 гг.: эта редакция была очень мало популярна — дошел до нас лишь единственный список.

«Тре́бникъ великий» — это без сомнения «Еѵхологіон албо Молитвословъ или Требник», изд. «повеленіем Петра Могилы митрополиты Кіевскаго» в 1646 г.; некоторые экземпляры этой громадной книги имеют около 2.000 стр. (Карат. № 595).

«Книга о подражаніи» — либо «Книга о Христовѣ подражаніи», изд. в Дѣлском мон. в 1647 г., либо популярный в католических польских кругах труд Фомы Кемпийского.

«Катехизис» не раз издавался до 1660 г.: известны — Виленский Катехизис 1589 г. в мал. 8-ку (Карат. № 111), там же изданный в 1628 г. (Карат. № 328); «Събраніе короткой науки о артикулахъ вѣры» Киев, 1645 г. (Карат. № 588), такое же изд. Львовское 1646 г. (Карат. № 598); Катехизис Львовский 1646 г. (Карат. № 599); Катихизис Киевский 1649 г. (Карат. № 655); но это были, видимо, краткие, доступные всем книжки; может быть, составитель пользовался редкой на Украине, и по размерам менее доступной широким кругам книгой — Большим Катихизисом Лавр. Зизания 1627 г.? (Карат. № 312). Но на этом настаивать трудно.

«Цветником» — встарину называли сборники неопределенного, неустойчивого состава; но трудно думать, чтобы составитель

компиляции ссылался на какой-то неизвестный, один из многих цветников этого рода; естественнее думать, что он имел в виду «Лімонаръ сирѣчъ цвѣтникъ» патр. иерусалимского Софрония, изд. в слав. переводе Спиридоном Соболем в Киеве в 1628 г., при дворе, а м. б. и по благословению митр. Иова Борецкого. (Карат. № 321); менее вероятно, что составитель имел в виду «Анфологион-цвѣтослов», неоднократно издававшийся в 1-й полов. XVII в.

«Александрѣя» — роман об Александре Македонском, имевший долгую литературную историю на славянской почве (см. В. Истрин, Александрия русских хронографов, 189; А. Веселовский, Из истор. романа и повести, I); есть и украинские списки поздней редакции Александрии, относящиеся к XVII в. Одним из таких списков мог пользоваться и наш составитель компиляции.

«Варламъ» упоминаемый далее — известный христианский роман восточного происхождения о Варлааме и царевиче Иоасафе, издревле известный в славянорусской литературе (см. Ив. Франко, Варл. і Йоасаф. 1897 г.); в 1637 г. он был издан под заглавием: «Гистория албо Правдивое выписаніе ст. Іоанна Дамаскина о житіи святых преп. отецъ Варлаама і Оасафа и о наверненю Індіянъ. старанемъ и коштомъ Іноковъ общежителного мон. Кутеенского ново з грецкого и словенского на руский языкъ преложена, в тип. тоеиж обители, року 1637, іюля 22 дня» (Карат. № 450).

«Макарій», о котором далее упоминается, — либо издание «Духовные бесѣды святого отца нашего Макарія пустелника егупетского о досконалстве христіанъ православных, многими пожитками душезбавенными наполненый и всѣмъ стараючимся о спасеніе души своей велце ку збудованю потребныи, з гречского на русскій язык ново преложеныи Працею и старанемъ Іноковъ общежит. мон... св. Духа в Вилни, року 1627; либо — позднейшее издание этих «бесѣдъ» — в Киеве, 1634 г. (Карат. № 309 и № 412).

«Андрей юродивый», т. е. житие его с видениями — принадлежит к популярнейшим памятникам легендарной литературы, обычно и в Ч.-Мин. и в Сборниках.

«Калист патр. константинопольский» — составитель Учительного Евангелия, известного в списках с нач. XV в. (см. Отчет об экск. в Житомир, стр. 99 и сл.) и переведенного с греч. в 1343 или 1407 г. Печатные издания: 1568—69 г. в Заблудове (Карат. № 75), без имени патр. Каллиста; в 1606 г. вышло в Крилосе «Евангеліе учительное на всяку неделю и на господьскія праздники и нарочитыхъ святыхъ, избранно от святого евангелія святѣйшимъ Каллистомъ архіеп. Константиня града» (Карат. № 186); в переводе на «руский» яз. т. е. на простую украинскую речь это Уч. Ев. было издано, с именем патр. Каллиста — в 1616 г. в Евье. (Карат. № 229). Были и позднейшие издания на п.-сл. яз. (Карат. № 455, Кіев, 1637).

«Кирил архиеп. Ерусалимский» — был автором не одного сочинения, переведенного на славянский яз. (см. Архангельский, назв. соч. с. 21—22), особенною же популярностью пользовалось 15-е оглашение, встречающееся в сборниках в качестве самостоятельного, отдельного сочинения: «Сказание на осьмой вѣкъ и предание къ познанію вѣры», в котором речь идет о пришествии антихриста. Это «сказаніе» — есть западнорусская переделка, как удостоверяет проф. Архангельский, принадлежавшая Стефану Зизанию, распространенная им и уснащенная многочисленными вставками и рассуждениями его собственного изобретения. Под загл. «Казанье св. Кирилла патр. Іерусалимского о антихристѣ и знакох его з розширеніем науки против ересей разных» оно было издано в Вильне в 1596 г. и вызвало ряд обвинений в фальсификате, непрекращающихся и до сих пор (см. Grabowski, P. Skarga; I. Tretiak, P. Skarga); в Москве в «довольно безграмотном переводе» это сказанье явилось в Кирилловой книге 1644 г. (Карат. № 141 и № 563).

Василий Великий — известен был в древнерусской письменности в громадном количестве рукописей (см. Архангельский,

назв. соч. 22—37); в печати до 1660 г. была известна: «Василия Вел. книга о постничествѣ» Острог, 1594 г. (Карат. № 132).

«Номоканон», иначе Кормчая книга — кроме рукописей мог быть известен и по печатным экземплярам: 1620 г. Киев (Карат. № 259), 1624 г., там же (Карат. № 285), 1639, Москва (Карат. № 496), 1646, Львов (Карат. № 596); 1650, Москва (Карат. № 661), 1653, там же (Унд. № 693); скорее всего под руками составителя сборника — было одно из украинских изданий.

«Кирил монах» — личность трудно определимая; но чаще всего так называется в рукописях еп. Кирилл Туровский, слова которого переписывались до XVIII в. включительно и вошли в печатный «Златоуст».

«Лексикон» — видимо, есть не что иное, как «Лексикон Славенороссий и именъ толкование» изданный в Киево-Печ. лавре в 1627 г. «тщаніемъ вѣдѣніемъ же и иждивеніемъ малѣйшаго въ іеромонасѣхъ Памвы Берынды, протосyггела Ѳрону Іерусалимского» (Карат. № 311).

«О вѣрѣ выданя» — может быть «Книга о вѣрѣ», Захарии Копыстенскаго, ок. 1619 г. (Карат. № 246) в Киеве, или Московское ее издание 1648 г. (Карат. № 641).

«Ключъ Галятовского» — известное собрание проповедей арх. Іоанникия Галятовского «Ключъ разумѣнія», изданное в Киеве в 1659 г. (Унд. № 744), повторенное в 1660 г., имевшее широкое распространение и влияние в украинской среде (см. о нем работы І. Огіенка).

Что такое «гистории польские» — сказать трудно; возможно, здесь следует разуметь польское изд. «Gesta Romanorum», известное в переводе («Historye rzymskie rozmaite z Różnych Dziejów z wykładami obyczaynemi krótko zebrane»). Старших изданий до нас не дошло; возможно, здесь разумеются польские переводы средневековых романов, с которыми мы ниже встретимся.

«Дикционар лацѣнский» — нам неизвестен.

«Лѣтопись теразнѣйшихъ лѣтъ» — видимо, какая-нибудь казацкая хроника (о них см. у Иконникова, назв. соч. II, 2); из нее внесены в компиляцию некоторые сведения о казацких войнах.

«Постиля польская» — дает широкое поле догадкам. «Postillae» составлялись как католиками (Вуек, Скарга), так и кальвинистами (Григорий з Жарновца, Рэй з Нагловиц, Краиньский) и сказать, из которого сборника поучений черпал свою мудрость свящ. Григорий — трудно.

«Екземпляр польский ест», — т. е. «*гест*» — ясно указывает на Gesta Romanorum.

«Зверцадло Прикладов» — так называемое Великое Зерцало, Speculum Magnum exemplorum, переведенное и изданное на польском языке кс. Высоцким. (См. о переводах из этого Зерцала на Украине ст. Н. К. Гудзия).

«Пелкгримация Радзѣвѣла»—«Peregrinacya do ziemi świętej... Mikołaja Krysztofa Radziwiłła» известная в нескольких изданиях Соболевский, Переводная литер. с. 76).

«Порядки Судовыи» — компилятор вернее всего мог почерпнуть из «Литовского Статута», издававшегося на белорусском языке не раз с 1588 г. и бывшего до 1917 г. действующим на Украине.

Нельзя не признать, что круг чтения, использованного для своей работы захолустным священником — для половины XVII в. немалый. Обратимся к извлечениям, сделанным им «для науки младенцомъ».

Все свои извлечения свящ. Григорий старается передавать обычной для его века литературной украинской речью, вполне установившейся уже ко второй четверти XVII столетия, но кое-где он допускает и церковнославянскую речь, испещряя её украинизмами. Он начинает с библейских книг, прежде всего — с кн. Бытия, кратко пересказывая главу за главой. Вот пример пересказа главы 8-й.

«Дождъ ишолъ от хляб небесних 40 дний и нощий. Ное висилал с ковчега ворона, если юж уменшается вода; и не вер-

нулся к нему. Знову по седмих днех голуба посилал, и обернулся назад: не мѣл где опочинути. Три рази голубицу посилал, за другим разом знак верха древяного в устахъ принесла, а на остатку не обернулася. Стал ковчегъ на горах араратских. Вийшол Ное с ковчега зо всѣми звѣряти и птахами и из сынами вцалѣ. И мовил Богъ до всѣхъ заровно: растѣтеся и множѣтеся. От птицъ и звѣрят чистих Ное жертву чинил Богу, и принял еи Богъ. Проклинати землю Богъ юж не хочет для злости людскои, роздѣляет Богъ лѣто на 4 части». Или — глава 32: «Ияков идучи до отчизни своеи видѣлъ полки божия, и убоялся Исава брата своего, роспорядил на полки быдлята свои в подар Исаву брату своему. З ангелом боролся и назван от того аж часу «Израиль», що ся викладае «Смисль видячий Бога».

В начале — компилятор передает свои источники подробнее, но чем далее от начала — он становится скупее на заимствования. Из Псалтири он дает лишь избранные сентенции (л. 73 об. и след.) с толкованиями; то же делает и с кн. Притч Солом., Екклезиастом, Иисусом с. Сираховым и пророками. На лл. 91 об. — 93 он собирает избранные пророчества о рождестве Христа и его страстях, воскресении и о неверии иудеев. С л. 94 об. сокращение «з кройники» об Александре Македонском: «За Дарія царя Ассирийского был царъ Александер, яко выписано вкротцѣ о нем з книги его именованной Александрии во малѣ виборних речий. (л. 95) Александер цар Македонский сын Нектонавов волфовъ, а не Филиппов. Мати же его была Алимпіада. И бывшу пару Филіппу мужеви еи на войнѣ, совокупилася со Нектонавом волхвом Египетским вмѣсто Аммона бога, а то для плоду, и зачатъ Александра и породи. По сем же Нектонавъ учил Александра звѣздочетства. Александер же зато вринул его в яму мовячи: «о земних, чловече, не знаеш, а о небесних мя учиш». Плачущи же Нектонав повѣдал дѣйство свое все Александру и яко ест отецъ его; що учувши Александер изжалился барзо и винял его з рову юж мертвого и принѣс на собѣ ко матери своей, и погребли его честно. По сем гди начал Александер воевати земли многие,

пришол штукою у Вавилон до Дария царя, в особѣ Аммона бога в шпѣґах от войска своего. Там его барзо чтили и ґди его витали напоем в чашах золотих, теди (95 об.) випиваючи за пазуху клал, повѣдаючи, же так Александер цар ґди кого частуе и чаші му даруе. А ґди плѣнил многих царей и ишол войскомъ до индійскои земли на сѣвер множеством чтири тми; и знайшол поганих людий, внуков Афетових, котріе идали зміевъ и мыши и що ест нечистого; тих загнав Александер межи гори на сѣвери, то ест Гога и Магога, и затворилися гори повеленіем божіимъ». Сравнивая этот пересказ — не только с хронографическою Александриею (см. Истрин. Ал. р. хрон., приложения), но даже с Александриею в украинском переводе, известной в рукописях (пользуюсь моею рукоп. в 4-ку, XVIII в. без нач.), видим: в нем эпизод или «Повѣсть яко Александер послом был сам в Дарія в Персѣди...» занимает не 5—6 строк, как у свящ. Григорія, а $10^1/_2$ страниц по 18 строк. Наш аббревиатор извлекает, очевидно, с образовательными, по его понятию, целями — лишь все *чудесное*, минуя исторический рассказ.

Очень сжато передав евангельские события, он интересуется, однако, судьбою некоторых лиц: Иуды предателя, о котором средневековье знало ряд легенд (см. Н. Гудзий, К легендам об Іуде предателе и Андрее Критском, Р. Ф. В. 1915 г. и отд.), и судьбою Марии Магдалины, жен мироносиц, Пилата (см. о нем в моем «Отчете об экскурсии в Нежин», 1914 г. с. 17—20), расслабленного, Богородицы и апостола Фомы. О Фоме читаем следующую статейку (л. 109):

«*О Ѳомѣ.* Ѳома апостол ґди ишол ⟨в⟩ индийскую землю, яко был Христос продал его Авану (109 об.), посланцови царскому для будованя палацов царских в Индіи, где им збудовал Ѳома палац вѣку и святии и нерукотворенний в горнем Иерусалимѣ. А килко цар Гондофор скарбу ему для будованя слал, а он все то убогим за него отдавалъ, за що потим и в темницу был увержен; аж ⟨цар⟩ през болест и чудовное виденіе в небѣ оный будинок от него собѣ зготованний зрозумѣлъ и крестися: бо ґди Ѳома за

скарбъ кроля Гондофора в темницу увержен бил, тогда брат кролевский умер был и видѣлъ в небѣ палацъ коштовний и голос чулъ, же «той палацъ брату твоему Ѳома збудовал за ялмужну» — и так Ѳома випущен. Тамож еще Ѳома идучи и в дорозѣ своей зазван былъ яко пришелецъ до нѣкоего старѣйшини на веселіе, и посадили его на найнизшом мѣстци, представляюще доволно питія; всѣм же веселящимся сей в тихости сѣдяше. И пришед нѣкій от бояр, возвисивыйся сердцем, вда (л. 110) рил позаушу Ѳому, глаголя: «Ту на брак возван еси, не сѣтуй, но радуйся и пой, бо з смутком тебе тут не жадаем». Апостол же от горести сердца рѣкъ: «Да воздаст тобѣ Господь на сем еще свѣтѣ, и руку, вдарившую мене, да уйзру псом влекому на показаніе всѣмъ». И быст тако: тогда бо оный чоловѣк ишол до студенца води, и звѣръ, порвавши его, разодрал, пес же панский руку оставшуюся взял и принѣс пред всѣх явне в дом на оный брак. И устрашишася тамо всѣ о бывшом чудѣ». Свящ. Григорий для этого пересказа воспользовался текстом деяний ап. Фомы, совмещавшим и рассказ о построении храмины (см. І. Франко, Апокрифи і легенди, III, с 11 и сл.), и рассказ об оскорблении Фомы на свадьбе (там же, с. 112—13), но передал все это в очень сильном сокращении.

За сим следуют сентенции и эпизоды из Евангелия и Апостола (лл. 111 об. — 120 об.), из Апокалипсиса (лл. 120 об. — 122) и толкований на него Андрея Кесарийского (л. 123) из издания «Св. о. н. Андреа архіепископа Кесаріа Каппадокійскіа Тлъкованіе на Апокалупсис...» Киево-Печ. Лавра, 1625 г.; цитаты — обычно ц.-славянские, но в толкованиях наблюдаются украинские элементы речи.

С л. 126 — идет «реестр цесаров римских и папѣжов благочестивых», и повести из Барония, почерпнутые из обширного труда «Roczne dzieje Kościelne od Narodzenia Pana i Boga naszego Iezusa Chrystusa, wybrane z Rocznych dziejów Kościelnych Cezara Baroniusza Kard. św. rzym. kośc. nazwanych Annales ecclesiastici, Przez X. P. Skargę S. J... W Krakowie 1603».

В пересказе сохранено много полонизмов, напр. (пользуемся для сравнения изд. w Krakowie, 1607 экземпляр Академ. библиотеки):

«Року 363 пиш. Баронѣуш о моци молитвенной вѣрнихъ: Юлѣанъ цесар римский бывши Арианин, ґди ишол на Перси воевати и росказал чарнокнижником, абы чим найпрудше послали чорта на перевѣдки в заходніе страни, що би ся там дѣяло. Бѣсъ пошедши надибал в пущи мниха едного Публѣуша, пробуваючого на молитвах день и нощь. Онъ набѣгши яко звязанный зараз стал и не мугъ рушитися далѣй, за чим чекал конца молитвам аж до десяти дний и видячи, же не престае, мусѣл ся зе встидом обернути».

(s. 262) «Wyprawując się Julianus na Persy dwoje wojska sobie gotował, jedno z żołnierzow, a drugie z dyabłow...» (s. 263) Będąc już blisko Persyey Julianus posłał czarta jednego na zachodnie strony, aby mu prędko zbiegawszy onę drogę powiedział, co się tam dzieje. Czart trafił na Publiusza mnicha na puszczy, ktory na modlitwie przebywał we dnie y w nocy, i dla oney modlitwy jego daley jako związany czart postąpić nie mogł, czekając dni dziesięć aż by przestał. A gdy nie przestawał, wrocił się nazad do Juliana nic nie sprawiwszy».

За сим идут статьи: о семи отроках Ефесских, из Пчелы, об антихристе — на церковно-слав. яз., но с фонетическими украинизмами; также — чудо Василия Вел. об Еладии, молитвы его, обличение преклоняющих по католически одно колено, вопросо-ответы из «Беседы трех святителей» — с украинизмами. На л. 149 и об. читается притча о хромце и слепце, чрезвычайно популярная в старинной славянорусской литературе, использованная для поучительных целей Кириллом еп. Туровским. Вот как передает эту притчу свящ. Григорий:

«Приповѣсть о тѣлѣ человеческом и о души».

«Чоловѣкъ нѣкий, мѣючи доброплодный виноград и варуючи его от крадежи и потраченя овощу, посадил у врат на стражи

двух старцовъ, хромаго и слѣпого, котріе бы шкодити не могли, тилко абы *слѣпий слухал а хромий жебы глядѣл*. По часѣ же долгом старци тіи чуючи вонност овоцов смачних, злакомилися, и нарадившися з собою усѣлъ хромий на слѣпого и добравшися до овоцу накрали собѣ доволне и наситилис; а ґди пришол господар, постерѣгъ фалшъ и зраду и казал им з гнѣвом стати пред себе; котрии з страху *сами ся оскаржали*, за що (149 об.) от пана справедливое караня мѣли: *всадивши хромого на слѣпца немилостивно били*. Толкъ: чоловѣкъ ест Христос, а виноград ест земля; хромец же тѣло чловечое, а слѣпецъ душа. Тіи преступивши заповѣд божую оправдалися пред богом и каранни будут».

Свящ. Григорий передает проложный рассказ, сильно сокращая его; диалог — заменен одною фразою. Некоторые места, подчеркнутые нами, переданы близко к древнему тексту: «слѣпець убо чюеть, а хромь видить», «начаста ся сама обличати», «въшедшю же хромцю на слѣпца, повелѣ бити ею немилостивно». Довольно обстоятельное толкование — сильно сокращено. (См. Рукописи гр. А. Уварова, т. II, 1858, сс. 137—141, XLVII—LI).

Далее следуют выписки из Книги о вере, о соборах — на иноверных «отповѣдь лацинником», об Арии, толкование Символа, выписки из Номоканона, о постах; из Кирилла Иерусалимского, из толкований на Евангелие Иоанна Златоустого — по украински, напр. из беседы 1-й на Ев. Матфея (л. 166):

«Звичай ест давный по мужѣх рожай виводити, бо мужъ сѣет и ест причиною первою плоду, а жона насѣніе загрѣвает и растит. Если бы спытал кто: для якои причины Евангелист, (166 об.) мужами производячи родословие, вспомянул там и женъ нѣкоторих, але немногих, и то грѣшних, яко то Ѳамар албо Раав, Руфь и Урішну, иже были вшетечници, тих в родословіе альбо в сородство Христово Матфей умѣшал, а благоискустних и святых женъ замолчал, яко то Сарру и Ревекку и иних, тим же подобных?» Ответ таков: «Для того Христос сын Божий не бридил ся такових (л. 167) блудниц в сородство собѣ приняти, ґдиж ест милосердный и бачный, не гнушается нашими бридкими

и скверними грѣхами: для того бовѣм из небес пришол, абы нас от скверн ъ и вшеляких грѣхов измил и очистилъ...»

Подобные этой выписки идут и ниже — из бесѣд на Дѣяния (л. 170 об. и сл.), из Маргарита, Катихизиса, из жития Макария Египетского (о зачарованной женщине, л. 173), и др.; из Ник. Каллиста (176 об.) — все на украинском яз.; из «Подражания» как и из Диоптры — церк.-слав.; из Триоди Постной о Фоке и о Кресте, из Кроники о Магомете, из жития Варлаама и Иоасафа, Андрея Юр., о Печерском монастыре, из Хроники Бельского, житий свв. — по украински, тоже и из патериков. Из Пчелы (л. 253) выписки со слабой относительно стихией украинской, то же можно сказать и о выписках из Служебника, Лексикона. По украински написаны заметки о войнах с поляками (л. 263) и ряд повестей — о Григории папе кровосмесителе (л. 264), история о благочестивом юноше (л. 267), оклеветанном и спасшемся благодаря молитве; повесть о Понциане из Истории о семи мудрецах (л. 267 об.), о цесаре Оттоне (л. 277 об.), о графине Альтдорфской (л. 282 об), о королевне Магелоне (л. 284), о Петре Гугнивом и реестр. О названных повестях следует сказать особо хотя бы потому, что появление их в компиляции свящ. Григория на много лет предваряет появление русских переводов тех же повестей.

III.

История о папе Григории имела широкое распространение в европейских литературах и глубокие корни в историко-литературной традиции, восходящей к античному миру, как это было показано Драгомановым.[1] Латинский текст ее был издан Oesterley[2], русский — по плохому списку Общ. Л. Древн. Письменности,[3] польский — др. Быстронем,[4] но украинских тек-

[1] Развідки М. Драгоманова, IV, Львів 1907, 1—141.

[2] Oesterley, Gesta Romanorum, Berl., pp. 399—409.

[3] «Римския Дѣяния» (Gesta Romanorum), изд. О. Люб. Др. II, 1878, гл. 29, с. 338—366.

[4] Historye Rzymskie, wyd. Dr. J. Bystroń, Kraków, 1894 (Bibl. pisarzów polskich).

стов вообще и нашего в частности пока никто не касался. Проф. Н. К. Гудзий, посвятивший специальное исследование легенде о папе Григории, также не знает украинских ее текстов, хотя славянорусские известны ему в немалом количестве.[1] Это обстоятельство дает основание нам несколько задержаться на тексте предлагаемом свящ. Григорием. Он таков (л. 263 об.):

«История о преподобном Григории, котрий ся роділ от двох рожоних, от брата и сестри».

«Кроль был нѣкоторий Паркусъ, котрий сплодивши и вихованши дѣток двое, сына и дочку, и померъ. На столици же его зостал сын, котрий и сестру свою при собѣ ховалъ. Потим позайзрѣвши красотѣ еи и блудъ с нею сотворил, а видячи потим юж бременну, встидался и жаловал того барзо; за чим оставивши еи на мѣсцу, поручил в опеку единому князю до пріизду своего и самъ ихалъ до Святои Земли, и абы тая реч без него якъ потаенна была. Породила царевна сына без брата своего, а не хотячи его згубити казала вробити чолнок з верхом и там дитя вложивши поставила ему под голови злота пятдесят фунтов, а в ногах сребра сто фунтов из написом таким, же кто бы найшол отроча сые, вѣдай же то ест от брата и сестри сложено и не естъ крещенно, а мает при собѣ суму тую для того, (л. 264) же бысь сребро узял собѣ, а злото ховал на науку ему. Такое писаніе вложила царевна сынови своему в чолнок и накривши засмолила плачучи и на море пустити казала. По сем зараз и вѣсть ей пришла, же брат ей и муж в Землѣ Святой помер, през що упала зараз у великий жаль и фрасунок. Припровадивши тое тѣло поховали, и сама зостала на царствѣ.

Князь нѣкоторий будунский слал до неи, хотячи еи за жону собѣ мѣти. Она отповѣла: «до смерти мужа не хочу мѣти», бо ховала покуту в сердцу своем. Оний князь розгнѣвавшися казал

---

1 Н. К. Гудзий, К истории легенды о папе Григории, II. 1915 (из Изв. отд. р. яз. и сл., 1914, кн. 4).

маетности ей плюндровати и пустошити, котрои зневаги и невпокою много лѣт терпѣла.

Тая теди судина албо чолнок, плаваючи по мору, божiим произволенiем приплинул под един монастир. Там игумен, стоячи на брезѣ, чолник той обачил и казал рибытвам припроводити, а ґди узял и отворил, уйзрѣл отроча з писанiем и скарбом. Тое прочитавши, казал дитя окрестити, и назвали именем Григорий. Дал его до хованя едному рибитвѣ (264 об.), и так виховавшися ходил и до науки, а потим довѣдавшися от мачохи своей, же не ест ихъ сын власный, тогди пытал игумена з плачем о родичах своих, котрий му показал писанiе властное матки его, же ест сложоный от брата и сестри; що онъ уйзрѣвши начал плакатися грѣхов родичов своих и ишол до Святой Земли для покути, а ґди ся трафило, же пришол до отчизни своей; в том градѣ отпочивал на господѣ едной и пытал господаря, кто бы был паном мѣсту тому. Он повѣдѣл му порядне, як помер кроль старий и як кролевич зоставши по нем помер у Святой Земли; тилко сестра его панна тепер зостает ту при майстатѣ кролевском, але в великом небезпеченствѣ и нагабаню от злосливих князей. Григорий то чуючи, а не знаючи, же то его отчизна и матка его панует в ней, рѣк: «я заправди естем рыцер не подлѣйший. Если ми заплатят добре, понял бым ся тое вспокоити»; що учувши господар ознаймил старостѣ и паней, чому ради были всѣ и на то зезволили, зачим Григорий рицер (л. 265) зобравши войско ишол противко неприятеля и лацво (sic) звѣтяжил и успокоилъ оное царство и славу великую отримал. Видячи его мужество преложонные намовляли царевну, матку его власную, бы его приняла за малжонка собѣ для оброни городов своих, чого не рада была позволити и мусѣла. Понял рицер Григорий матку свою за жону собѣ и мешкал з нею. Мѣл тиж при собѣ оний листъ матчинъ, с котрим на море был пущен, бо му игумен на отходѣ той лист отдал, котрого нѣкому не вказувал, тилко сам завше в коморѣ читовал и плакал. Що потим узнавши пани довѣдовалася о секретах его, и вигодивши без него шукала в коморѣ спряту его и

найшла писаніе тое, котрое уйзрѣвши познала и прочитавши омдлѣла и з страху упала. А ґди челядь скочивши до пана призвали, пришла к собѣ и з плачем просила его, з котрих бы был краев и роду. Отповѣл по правдѣ, же его игумен еден виховал в монастири, котрий найшол на мори в чолнику (265 об.) засмоленном з тим писаніем. Чуючи то пани его заволала з горким плачем: «О наймилший пане, поистиннѣ ты естесь сын мой единий, а мужъ и панъ мой. Ты естесь сын брата моего и мой. То мое писаніе при тобѣ». То учувши Григорий вдарил ся в перси, начал болѣзненно ридати, мовячи: «О, горе ж мнѣ, жем ся на свѣт уродил, на пагубу души своей». Там упадку своего плакалися много и иніе с ними. Потим матка хотѣла отийти на покуту, зоставуючи Григория на царствѣ своем, котрій рѣк: «Зостан ти, матко моя, якесь и первѣй была, а я сам пойду на покаяніе», и пожеґнавши ся отишол. Пришол до едного граду и ночовал в едного рыбитви, котрий выпитавши его справи и волѣ, запровадил морем до едной високой скали и в той запер его и замкнол мовяч(и): «тут же спасай ся, аж Богъ на тя вспомнит». Отходячи ж рыбитва до дому своего и вкинул ключъ от того замку в море. И ґди жил там Григорий аж през 17 лѣт, трафилося в Римѣ, же епископъ умер; и голос тогда чули нѣкотории з неба: «Шукайте Григо (л. 266) рія, мужа богобойного, той пастирем будет вам». И зараз посланно по розних странах пытаючи такого. А ґди богъ на то годил, пришли послове и до того града и до господи, где Григорий ночовал у рибитви. Там ся розмовили и учули от рібитви о таком пелґримѣ, котрого свѣдом был; тогож дне рыбитвъ рыби ловил и найшол в рпбѣ ключі, котріе вкинул в море, з чого ся всѣ дивовали бозкой справѣ и ихали пилно до оной скали високой. Там одомкнувши найшли мужа святого Григорія молящася и поклонивши ся ему реч свою ознаймили и з собою до Рыму его взяли, и там был архиепископом богобойним и святобливим, котрого честное житіе уславилося на всѣ тіе краи, иже многіе з далекпх краевъ приходили ку нему благословенія просячи и розрѣшенія. Котрого там чуючи и оная

пани мати его пришла собѣ также на отпуст, не знаючи, же там сынъ ей архиепископъ. Там сповѣдалася пред ним всѣх грѣхов своих, а ґди тое чуючи святитель познал матеръ свою власную, котрую (266 об.) за жону собѣ мѣл, не моглъ утерпѣти, почал плакати, жалосне мовяч(и): «ах мнѣ грѣшному! Матка моя наймилшая, жено и приятелко моя! Я естем заправди сынъ и мужъ, котрий покуту взялем за грѣхи наши, а теперъ знову оглядаю тебе. Благодарѣмож Бога Спасителя своего, котрий грѣхи наши отпустил». Она тое учувши, упала пред ним, много плачучи и ридаючи. Потим хвалила Бога, и радовалися всѣ таким справам бозским. И там посвященна была на иночество и отданна в паніенский монастир на службу Богу».

Латинский текст повести, польский перевод и русский, со следами западно-русского происхождения — в общем сходны друг с другом, что можно видеть из таблицы в работе Н. К. Грудзия (с. 3 прил.); наш текст — сильно отклоняется от них и, несмотря на обильные полонизмы, представляет ряд сильных изменений. Прежде всего — свящ. Григорием выкинуты все *диалоги*, придающие такую живость рассказу. Самый рассказ сокращен до чрезвычайности, оставляя лишь минимум слов, потребный для передачи событий. С славяно-русскими текстами повесть украинская также расходится — и в том же отношении. На первый взгляд можно подумать, что последняя есть вольный пересказ по памяти, но ряд сопоставлений с польским текстом дает основание думать, что сократитель и пересказчик имел перед собою текст, из которого нечто сохранил буквально или почти буквально в своем пересказе. Начнем с первых же строк. Имя царя в лат. оригинале читается «Marcus»; в польском — «Pateus», в слав.-русск. «*Паркусъ*» (вар. Парнусъ, Понкусъ, Наркус)[1] — и в укр. пересказе — «Паркусъ», что указывает на тесную связь его с тем польским оригиналом, с которого был сделан перевод, изданный ОЛДр.П. и др. Это подтверждается и выражением укр. «князь

[1] См. Пташицкий, Средневековые зап.-европ. повѣсти в русск. и слав. литер. I, Истор. из Р. Д. 1897, с. 90 — 91.

нѣкоторий будунский» (в русск. ОЛДр.II. правильнее: «князь бурбундійскіе» т. е. бургундійской земли); в известном нам польском тексте этого нет.

Отметим случаи близкого сохранения пересказчиком оригинала (поскольку мы знаем последний по *поздним* изданиям самого конца XVII в. и XVIII в., использованным Быстронем; оригинала *до* 1697 г. мы не имеем):

«Кто бы найшол отроча сые, вѣдай же то ест от брата и сестри сложено и не ест крещенно... а мает при собѣ суму тую для того, жебысь сребро узял собѣ а злото ховал на науку ему» — «Ty, który to dziecię przyjmiesz, wiedz, że to od brata i od siostry rodzone a nie jest ochrzczone... ochrzci je a złoto weźmi sobie, a srebro chowaj jemu na naukę» (Bystr. s. 51).

«Князь нѣкоторый будунский слал до неи, хотячи ей за жону собѣ мѣти. Она отповѣла: «до смерти мужа не хочу мѣти», бо ховала покуту в сердцу своем» — «Książę niektóre posłał posły do królewny, żądając się z nią poślubić. Któremu ona odpowiedziała: że do mojej śmierci męża nie chcę mieć» (Bystr. s. 53); слов «бо... своем» *нет* в польск. ни в слав.-русск. текстах

«Тая теди судина албо чолнок, плаваючи по мору, божиим произволеніем приплинул под един монастир» — «Ale on sęd (вар. ona łódka), który był puszczony z dziecięciem po morzu, płynął przez wiele królestw, aż pod niektóry klasztor jednego piątku przypłynął». (Bystr. s. 53).

«Там игумен стоячи на брезѣ чолник той обачил и казал рибитвам припровадити, а ґди узял и отворил, уйзрѣл отроча з писанием и скарбом» — «...wtenczas opat onego klasztoru u morza chodził, a ujrzawszy on sęd, kazał go zaraz rybitwom, którzy ryby łowili, na brzeg wynieść i otworzyli. A gdy otworzył sęd, ujrzeli dziecię w drogie szaty uwinione...» (Bystr. 53).

«Тое прочитавши, казал дитя окрестити и назвали именем Григорий. Дал его до хованя едному рыбитвѣ» — «A wziąwszy złoto, srebro, ochrzcieli je; dawszy mu imię swoje Grzegórz, dał je do wychowania jednemu rybitwowi» (Bystr. 54).

«Я заправди естем рыцер неподлѣйший. Если ми заплатят добре, понял бым ся тое вспокоити» — «Ja jestem rycerz z mieczem waleczny... jeśliby mi chciano zapłatę słuszną dać, będę ja za sprawiedliwość tej panny mężnie walczył» (Bystr. 56).

«О наймилшій пане, поистиннѣ ты естесь сын мой единий, а мужъ и панъ мой, ты естесь сын брата моего и мой» — «O namilejszy panie, tyś syn mój jedyny, tyś mąż i pan mój, tyś syn brata mego i syn moj» (Bystr. 59).

«И ґди жил там Григорий аж през 17 лѣт, трафилося в Римѣ, же епископъ умер» — «Potym gdy Grzegórz pielgrzym już 17 lat na onej skale pokutując przebywał, tedy przydało się że papież umarł» (Bystr. 61).

«И голос тогда чули нѣкотории з неба: «шукайте Григория мужа богобойного, той пастирем будет вам» — «i stał się głos z nieba przy obieraniu papieża, mówiąc: Szukajcie męża bożego, imieniem Grzegorza, a tego weźmiecie papieżem» (Bystr. 61).

«Тогож дне рыбитвъ рыби ловил и найшол в рибѣ ключі, котрие вкинул в море...» — «tenże rybitw tegoż dnia ryby łowił, a gdy sprawował jednę rybę, nalazł w niej klucz, który był w morze wrzucił» (Bystr. 61).

«... был архиепископом богобойным и святобливым, котрого честное житіе уславлялося на всѣ тіе краи»... — «był bogobojny i sprawiedliwy... tak że sława, cnoty świątobliwość jego po wszytkim świecie rozsławiona była» (Bystr. 62).

«Матка моя наймилшая, жено и приятелко моя, я естем заправди сынъ и мужъ... Благодарѣмо ж Бога Спасителя своего, котрий грѣхи наши отпустил». — «Matko namilsza, żono i przyjaciółko moja miła, ja jestem syn i mąż twoi... Chwalmy Boga utáry dla pokuty grzechy nacze odpuścił» (Bystr. 62).

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в высказанном выше положении. Но следует добавить, что даже сокращая против оригинала свой рассказ, свящ. Григорий не мог удержаться, чтобы не внести кое-где свои добавления, правда не меняющие существа повести, а имеющие лишь стилистическое

значение и усиливающие благочестивое настроение читателя («а ґди *богъ на то годил*, пришли послове до того града и до господи где Григорий ночовал у рибитви», или «бо ховала покуту в сердцу своем») или же — с целью сделать повествование еще более чувствительным («святитель... *начал плакати жалосне* мовячи...»). В этом скромном размере обнаружилась степень его самостоятельности при передаче польского оригинала.

Следующий рассказ, занесенный свящ. Григорием в его сборник — «Гистория о вибавленю от смерти богобойного млодзіенца», имеющая назидательный характер. Она известна в русском переводе «Великого Зерцала» под заглавием «Пр. Богородица раба своего иже божественную литургию съ радостію послушаше, от огня избави и на носящаго же зло обрати»; другая переделка — в латинских «Римских Деяниях» — не была переведена на польский и славянский языки.[1] От обеих этих переделок пересказ свящ. Григория отличается существенными чертами: юноше угрожает не казнь в огне, а усекновение главы, а с другой стороны — героями рассказа являются не римский царь Мамертин и его племянник Фульгенций, а просто «сдин человек благоверен» и его сын, проданный по случаю голода и избегнувший казни, назначенной господином, поверившим клевете, — вследствие благочестия. Эти детали приводят нас к Прологу, где под 30 апр. читается такая повесть, то в более кратком, то в более пространном пересказе.[2] Приводим начало очень краткой обработки свящ. Григория параллельно с кратчайшей редакцией.[3]

Прол. Р. Публ. б. F. I, № 209.

...«Бѣ мужь етеръ богобоязнивъ и тъ сына у себѣ имѣ единородна; и бысть во странѣ той

Л. 266 об.:

«Был един чоловѣк благовѣрен и имѣл сына еднородна, и под час голоду великого про-

[1] П. Владимиров, Великое Зерцало, 1884, с. 27—28; его же «К исслед. о В. Зерц.», 1885, с. 48 — 49.

[2] Пам. Стар. Р. Литер. I, 81 — 83.

[3] Ibid. XVI., с. 82.

гладъ;[1] и рече сынови своему: о чадо, видиши ли, яко осиротехомъ и не имамъ, что ясти; хощеши ли да тя продамъ, да и ты будеши живъ, и мы, твои родителье, гладомъ не умремъ? И глагола сынъ: твори отче, еже хощеши. Отецъ поимъ его и веде ко единому от вельможъ и взятъ цѣну на сыну своемъ и рече ему: «Чадо мое, се заповедаю ти: егда ти будеть служьба во святѣй церькви, и не мози отити, доколѣ кончають святую служьбу...» и т. д.

дал его, абы не умер, и сам за него жебы живность отримал. Тогда научал его, абы был набожним: где ли колвек начнут службу божественную, жеби завше при ней до конца трвал». и т. д.

И в этом случае мы можем констатировать тот же прием сократителя: вместо диалога — краткое резюме его.

Чрезвычайный интерес представляет то обстоятельство, что в числе памятников повествовательной литературы средневековья свящ. Григорий использовал для своего труда и «Повесть о семи мудрецах», которая в полном виде была переведена на славяно-русский язык с чертами западно-русской речи только в 1692 г. Каменевичем-Рвовским.[2] Роман этот восточного происхождения;[3] на истории его мы останавливаться не будем. Латинский перевод[4] сделал его достоянием всех европейских литератур, в том числе и славянских.[5] Нам важно, что польский перевод имеет бли-

---

[1] В изд. «мужь» — воспроизводящее описку рукописи.

[2] История семи мудрецов. Изд. ОЛДр.П. 1878, в. I, с. 14, предисл. *Ѳ. Булгакова.*

[3] Там же, 3 и сл.; Пыпин, Очерк лит. ист. повестей, с. 252.

[4] Johannis de Altasilva Dolopathus sive de rege et septem sapientibus, v. Herm. Oesterley Strassb.-London. 1873.

[5] Murko, Die Geschichte von den sieben Weisen bei den Slaven, Sitzungsber. d. philos.-histor. Classe d. Kais. Akad. d. Wiss. 122 B., X Abhandlung, 1890; еще — Rad Jugoslav. Akad., кн. C. 1890.

жайшую связь с украинским пересказом 1660 г. Вот их заглавия:

«Historya piękna y ucieszna *o Poncyanie cesarzu rzymskim, iako syna swego iedynego Dyoklecyana dał w naukę* y ku wychowaniu *siedmiu mędrcom*, która w sobie wiele przykładów y powieści cudnych zamyka, każdemu człowiekowi ku czytaniu pożyteczna y potrzebna». [1]

(л. 267 об.) Гисторіи списанніе вкротце для лѣпшей памяти *о Понціанѣ цесару римском, яко сына своего Диоклеціяна дал был в науку седмом мудрцем*, и яко сын смерти мало не зажил от отца през мачоху, а вибавлен был чрез учней (sic!) своих от того чудними приповѣстями таким способом»

Далее следует непосредственно краткое резюме вступительной главы. Должно заметить, что в списках русского перевода Повести царь называется «Елеозаром» или вовсе остается без имени (см. указания у Пыпина и дополн. Булгакова). Приводим предисловие в украинском пересказе:

«Понциан кроль рымскій мѣл сына (л. 268) едного Диоклеціана..., [2] а ґди понял цесар жону собѣ другую, котрая почала мислити, як бы сына его, що в науках, обачивши уморити, аби потомок з неи дѣдицтво отримал по отци. И упросила штучне, аби цесар сына своего казал припровадити к собѣ, и послал. Мудрци услишавши глядѣли на звѣзди, ежели би щасливый пріиздъ был ихъ из учнем до цесара, и постерегли смерть сыну цесарскому, чого ся Диоклеціанъ доглядѣл; але ґди ся там пріихавши през сѣм дний здержит, би жадного слова не мовил, тогди може быти здоров, що тиж и виконал. Видячи теди цесар гости здалека, потикал их з великим триумфом, а учневе (sic) обачивши зрадили ся, би ся где зостати и радити, якъ бы то вибавити от смерти Диоклециана, бо юж то мусѣло бути, и на седмъ дний

[1] Пыпин, назв. соч. с. 254.

[2] Угол заклеен: реч о вдове короля и об отдаче сына в науку семи мудрецам.

затримался особне и оному мову заповѣли. А ґди пріихалъ, отецъ его витал, а он ся тилько кланял, а не мовил».

Мачеха пробует безрезультатно соблазнить юношу и обвиняет его пред отцом. Царь велит казнить Диоклетиана, но являются воспитатели-мудрецы, пытаясь рядом рассказов отклонить отца от казни сына, а царица рассказывает также повести, внушая мужу недоверие к мудрецам.

Приводим повесть первого мудреца о псе и соколе, приводя для сравнения и полный русский перевод по изд. О. Л. Др. П. (с. 25 — 29).

«Был, мовит, един рицер славный имѣл также едного сына еще малого и дал его ховати трем мамкам;[1] а мѣл хорта барзе коханого собѣ и вдатного, также и сокола другого;[2] а ґди едного часу мамки оставили спячую дитину в колисце в дому, отийшли, тилко оний песъ зостал в дому и сокул. Ужъ з муру вилѣзши, видячи самое дитя, хотѣл заисти и лѣз до колиски, а песъ спал. Сокул видячи, иж смерть мае быти паняти, почал пищати и скридлами трепетати, би песъ вчувши ратовал; котрий обачивши порвал ся до ужа, и великий час торгалися, ужъ до (л. 270) дитяти, а песъ до ужа, иж всюда собою покривавили и колиску з дитямъ обернули, але не забили.[2] Потим песъ поконал неприятеля панского и почал вкладшися рани свои лизати, за чим оніе

---

1 «Мудрець же цысарю рече: слыши цысарю и разумѣй: *был* в нѣкоем мѣсте жилъ *цысар храбръ* добре *имѣя* у себя *единого сына* і любяше добре, і приставиша к нему *три мамки*: одна его кормит, а другая его обмывает, а третьяя его качает в колыбѣли, утѣшает его».

2 — 2 «... Мамки ж младенца того укачаше в колыбѣли а сами ж изыдоша вон на двор іграти, *младенца оставиша* в храмине *спяща* и *с ним пса и сокола*. Пес же тот спитъ, а сокол сидит; аж *ізыде* исподлавки *уж великій* и нача осматриватис и смотрѣти всюды по храмине и неувиде во храмине *никою* и *нача приближатися ко младенцу, хотя ею уязвити*, і *узрі ж то сокол* ужа, ползуща ко младенцу, и *нача* сокол *трепетати*, чтоб пес пробудился; виде его спяща крѣпко і уклюнет пса за губу. Пес же убудися и узрѣ ужа, ползуща блиско колыбѣли, и скоро пес рынулся і снялис с ним ясти меж собою; уж же пса ізяде во многих местах а *пес же его і до смерти заелъ*, і от крови ихъ стече вся храмина полна крови; как же пес и уж ѣлис(я) промеж собою, *взвалиша младенца ис колыбелью*, і оторвася *колыбель і покры младенца*».

мамки пришли и обачивши колиску обернену и кров около неи, а песъ лежал, — встрашившися и почали кричати и битися з жалю, же сами псом дитя стровили и почали втѣкати преч. Пани их потькала, мовячи: «где бѣгаете»? Рекли иж «сына твоего песъ заилъ и боячися пана втѣкаемо». Она услышавши омдлѣла, и почала с плачем волати біючися и повѣла мужу своему, иж песъ его коханий дитя заилъ.[1] Оний рицер увѣривши юй, бѣгъ до хати и обачил розеляніе криви и зараз хорта ласкающогося ростял; потим ся кинул до сына, поднял колиску и найшол дитя спячое, а ужа обачил под стѣною замордованого, и зрозумѣл справу; взял кричати с плачем: «о, бѣдаж ми, иж невинне так роскошного пса забил, котрий сына моего от смерти вибавил, а я его през жону свою згубил, бѣда ж мнѣ»![2] (270 об.) Овож и вам цесару би ся так не придало, абысь през жону не забил невинне сына своего. але уваж собѣ. И казал его завернути, а до темницѣ отдати».

Остановимся пока на этом. Сравнивая полный перевод и пересказ свящ. Григория, убеждаемся, что он сильно сокращал и здесь свой оригинал, но — порою совершенно неудачно: в полной повести мамки с криком прибегают к матери младенца, она же сообщает о несчастии мужу; в укр. пересказе это место изложено довольно отдаленно от оригинала. В последнем уделяется особое внимание качествам пса и сокола; в пересказе совершенно неясно, почему владелец их жалеет о *роскошном* псе, тогда как в полном перев. о псе читаем: «а обычай же у того пса былъ таков: егда рыцарь пойдет на бой, когда ему будет божия милость помощ(и), и тот пес, аки волхвуя, чрез его коня трижды скочит, а коли ему на бой не час ѣхати, пес же тот великим гласом воет

---

1 — 2 «*Рыцар же* слышавъ і всем мечь свой *іде в дом* свой скоро і приде во храмину, гдѣ был сын его *і видѣ кровью стекущеся*, а колыбѣль на землю опрокинута, а пса близ ея лежаща лижуща колыбѣль. *Пес же* узрѣв господина своего и *скочи к нему радуяся; он же* вземъ *мечь* и *пересече пса* на двое и *подня колыбѣль* і *узрѣ сына своего спяща* жива, и нача же смотрити, откуды во храмине учинися кров, і *найде ужа великого заедена* и затужися о псе скорбию великою і *нача плакатися* по нем, что *засекъ неповинна* такова друга *для слова жены своея*».

и коня его за узду грызет» — о таком псе стоило пожалеть... Следует отметить, что украинский сокращатель изложенное в третьем лице сожаление рыцаря о его необдуманном поступке — передал, вопреки своему обыкновению, прямою речью.

В полном русском переводе «Пов. о семи мудрецах» следует за сим возражение царицы — рассказ о диком вепре и пастухе[1], в издании занимающий две страницы с небольшим. В укр. пересказе он сильно сжат:

«Цесарова услышавши взяла плакати знову соромоти своей и почала цесарови приповѣдати: «Аби ся и тобѣ, пане, не придало, як оному кролеви, котрий вепря дикого имаючи в лѣсѣ казал забити, бо силу людей забивал, за що обепал дочку свою дати. И обралъ ся хлопъ един, забилъ его штучне и одержал кролевство. Так и вас бы не уловил сын вашъ штучне, яко той хлопъ вепра, аби кролевство одержал з позволеня своих учителей; того ся стережи».

Пересказ вполне понятен только при знакомстве с оригиналом. Засим идет «второе ведение» Диоклитиана на смерть и рассказ следующего мудреца, Лентулюса, начинающийся словами: «И знову на другий день казал его вести на загибель. То видячи другий учитель, Лентулюс, так же забѣгъ людей и просил, би ся здержали троха, аж ся вдаст до цесаря, так же розмовяючі, яко і першій, ис такою приповѣстю, иж нѣґди в нѣкотром мѣстѣ был рицеръ старий и понял молодую жону...» [2] и т. д. — известная новелла Боккачио (Decamer. VII, 4) о неверной жене, обманом выманившей ночью мужа из дому и подвергнувшей его опасности пострадать от обвинения за беспутную жизнь. Рассказ очень сокращен.

Мы не будем следить за всеми рассказами, переданными в сокращении свящ. Григорием. Они завершаются изложением повести об Александре и Лодвике и заключением: «так и ты отче,

---

[1] Срв. изд. О. Л. Др, П. сс. 29 — 31.

[2] Срв. с. 33: «Бысть *в нѣкоем градѣ рыцарь старый* и на старость *понялъ* себѣ *младую жену* весьма красну»...

мовит Диоклецианъ, любо бысь при старости и при мнѣ жил, але бы ты для того чти не унято, и овшем велце бысь шанован был от мене, яко отец мой коханый». — Этого и подобного заключения в русском тексте не находим; м. б., оно или ему подобное было в польском оригинале, следы которого здесь чувствуются в языке и который отличался от оригинала полного русского перевода, изданного ОЛДрП. Для нас значение украинского пересказа «Пов. о семи мудрецах» — в том, что он явился задолго до полного русского перевода.

«Гисторія о цесару рымском Отонѣ», пересказанная по украински на лл. 277 об. — 282 об., была переведена, также с польского, и на русский яз., но несколько позднее: в рук. Погод. № 1771 XVII в. она носит такое заглавие и дату перевода: «Повѣсть изрядная, полезная же и утѣшная о Оттонѣ, цесарѣ Римстѣмъ, и о супругѣ его, цесаревѣ Олундѣ, юже со двѣма чады своими въ препустую и далечайшую пустыню изгна, клеветы ради и наглаголанія матере своея, и како дивнымъ промысломъ и чюднымъ строеніемъ божіимъ по многих лѣтѣхъ въ познаніе и соединеніе пріидоша. Преведеся сія чюдная повѣсть с *полскаго языка* на русскій лѣта 7185 году, августа, а отъ Рожества Спасителя 1677».[1] Древнейшая ред. этой повести — французская поэма; известны переводы романа на тот же сюжет — во всех почти европейских литературах. Французский роман (так думает А. Брикнер), или немецкий его перевод (так полагает Шляпкин) послужили основою для польской повести «Historya piękna i krotochwilna o Ottonie cesarzu rzymskim». Старшая рукопись — библ. Павликовских, второй полов. XVII ст., печатные издания дошли до нас лишь от XVIII в., старшее — 1746 г. Но по наблюдениям А. Брикнера польский перевод обнаруживает черты XVI в. в своем языке: султан приветствует дочь: «moja miła bojarko», говоря о конях употребляет переводчик слово bachmat, говорит о

[1] См. Пыпин, Очерк. сс. 237—239, где исчислены отчасти и р. списки; другие списки и драматич. обработка — см. у Шляпкина, Царевна Наталия Алексеевна и театр ея времени, 1898, с. XXXV и сл.

badawiach (срв. у Ив. Вишенского) и т. п.[1] Этот, видимо, старый польский перевод послужил в свою очередь оригиналом как для русского перевода 1677 г., так и основою для украинского пересказа 1660 г., начинающегося так:

(л. 277 об.) «Под часъ кролованя Даґоберда французского пановал в Рымѣ можный а незвѣтяжонный цесар Отон пѣрвший.[2] Той мѣл жону Алюнду, котрая была безплодна; потим з волѣ божей породила блызнята, два сыни, за що важила еи з дѣтками матка цесарска загубити, потворяючи чужоложствомъ и умышляла розмаиню о затраченю. Потим хитре слугу намовила и принаняла, бы до цесарове наго лѣгъ, ґди бы уснула, — и учинил так. За чим она свекруха бѣгла до цесара, ознай (л. 278) муючи, же жона его чужоложство пополняе, яко в тим и дѣти бенкарти сплодила...» (до л. 282 об.)

Как и в других случаях — свящ. Григорий пользовался здесь польским текстом повести, до нас не дошедшим: эта повесть была рано вытеснена другими обработками той же темы, что наблюдается и в русской литературе.[3]

Как уже было замечено *Пыпиным*, в рукописях, заключающих в себе историю о цесаре Оттоне и Олунде, обыкновенно встречается и «повесть правдивая же и прилична ко прежде явствованьнѣй о княгинѣ Алдороской, иже единымъ чревоношеніемъ двунадесят сынов породи»;[4] повесть эта была переведена с польского оригинала, вероятно, также как и предыдущая, в конце XVII в. Составитель украинской компиляции также не обошел своим вниманием этой повести, носящей заглавие, точно переданное в русских списках; в украинском, вместе с текстом

---

[1] Biblioteka Warszawska, 1901, t. II, zesz. 3 (czerwiec), s. 521—523.

[2] Срв. «Во время господствования во Франціи краля Дагоберта, въ Римѣ государствуя великосильный и непреодолимый Оттонъ, славный цесарь», рук. Погод. 1771 г. Пыпин, с. 239.

[3] См. Пыпин, назв. соч. 240, («Повесть зѣло полезна, выписана от Палестинских лѣтописцов, изъ Римскихъ кроникъ», или «Повѣсть зѣло душеполезна и умиленію достойна о царицѣ и о дву сынах ея и о львицѣ».

[4] Пыпин, назв. соч. с. 241—242.

всей повести, сокращено и заглавие. Приводим образцы сокращения, а ниже — некоторые места из польского текста:

(л. 282 об.) «Гистория правдивая о ґрабѣней Алтдорской, котрая одним пороженям дванадцят сынов породіла».[1]

«В нѣмцех в земли Алґарской, полмилѣ от Равеншпорґу ку Денному езіору лежит охендожний замок, именем Алтдорфем.[2] Естъ то дом зацних ґрофов в Решех, котріе там ґвелфами зовут, що ся по полску именуе вижелки, и вижлюю голову в гербѣ ведут, котрую на их талярах видаемо; от им тое прозвиско пришло, нѣкотріе хотячи окрасити так в кройниках описали, иж то было року по Рож. Христовом 880», а именно: одна бедная женщина родила трех детей разом; графиня не верит, чтобы они были от одного мужа, и укоряет её за чужеложство. Невиновная в этом грехе женщина молится с плачем, и за сим — она отомщена: графиня «Катилѣна» рождает разом 12 сыновей, «а ґди породивши боялася пана, би и ей чужоложством не почитали» — велит бабке взять 11 детей и бросить в воду, а мужу показать только одного. Граф встречает бабку, несущую топить детей, спрашивает, чтб она несет; она объясняет, что несет топить щенят: очень визжат; «що мисливець при пану зачувши реклъ: «погоди, бабо, оберу собѣ вижелка якого. Она ся боронячи мовила: «Пане, все сучки». Пан рѣк: «дай ми що крашшое, обрати на быдло (?)». Она зась рекла: «И щож би ся в(аша) м(илость) поганити мѣлъ ними, ґдиж еще ест мокріе». В том взяли дѣтки плакати, що панъ учувши — голос отмѣнный от собачого, казал з фуком открити. А ґди обачил — здумѣлся и питал. Баба му всю пригоду повѣдала». Граф велит отдать детей на воспитание мельнику, чтобы он ростил их как своих, а через семь лет сзывает друзей на банкет и велит слуге привести «вижлят». Сын его со слугою бегут к мельнику,

---

[1] «Historya prawdziwa o hrabinie Altdorfskiej, która jednym porodzeniem dwanaście synów porodziła ku pierwszej historyi bardzo przystojna».

[2] «W Niemczech w ziemi Algarsk, półmili od Rawenszporgu, ku Dennemu jezioru, leży ochędożny zamek Altdorf», и т. д. Brückner, Bibl. Warsz. 1901, II, zesz. 3, s. 524.

детей одели в белые платья и привели к столу, «що панъ уйзрѣвши встал пред всѣми и мовил: «мои вдячніе гостѣ, проше, яко би тая матка смерти година, котрая, таковых сынов 12 заразом породивши, казала з нихъ одинадцят утопити», — що пани его ви: дячи и чуючи (л. 284 об.) внет омдлѣла и потим падши до ногъ пану о милосердіе просила и проступок свой противко богу и оной невѣсти всѣмъ визнала». Граф простил, а потомство стали звать выжлятами.

Настоящий рыцарский роман представлен в сборнике свящ. Григория романом о Магелоне и Петре Златых-Ключах. Французский его оригинал относится ко времени до 1450 г., к 1535 г. относится немецкий перевод, который послужил оригиналом для чешского перевода. Польский перевод был сделан еще в XVII в., но печатные издания известны лишь позднее: Брюкнеру 1710—1775 и сл. гг., Шляпкин знает изд. 1701 г. Известен, по указанию Брюкнера, польскій текст XVII в. в Познанской рукописи и польская обработка втор. полов. XVII в. в рукописи библиотеки Павликовских во Львове. Русский перевод был сделан, по Шляпкину, в 1677 г.; число списков — очень велико.[1] О том, что оба, и русский перевод и украинский пересказ, сделаны с польского оригинала свидетельствует между прочим то обстоятельство, что герой романа именуется не рыцарем с *серебряными* (как во франц. и нем. текстах) а с *золотыми* ключами, которые появляются уже в польском переводе. Проф. Резанов в статье «Непосредственный источник романа о Петре Зл.-Кл.»[2] дал обширные выписки из старейшего, повидимому, издания польского романа; ими мы воспользуемся ниже, определяя степень точности передачи оригинала свящ. Григорием. В виду того, что в истории украинской лите-

[1] См. Пыпин, Очерк, с. 233—236; его-же. Для любит. книжн. старины, с. 45—48 и Сборн. Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 г. с. 247—250; Шляпкин, Цар. Наталия Алексеевна, с. XXV—XXVI; A. Brückner, Bibl. Warsz. 1901, II, вып. 3, S. 516—521. Старшие русские списки — XVII в. Забелина № 68, Царск; № 438 (оба в Моск. Истор. Музее); Росс. Публ. Библ., F. XV, № 34. прочие XVIII в. и все — великорусские.

[2] Изв. отд. р. яз. и слов. 1911, кн. 4, и отд. 1912 (цитуем по отд. отт.).

ратуры роману о Петре Зл.-Кл. ни разу не уделялось внимания, напомним вкратце содержание его. Петр, сын французского князя Волфганга (Волхвана) отправляется на турнир в Неаполитанское королевство, побеждает всех рыцарей, влюбляется в королевну Магелону, отвечающую ему взаимностью. Во время путешествия на родину он взят в плен на море турками и подарен Вавилонскому (в р. пер. Александрийскому) султану, который, полюбив его, делает кравчим и сенатором. Магелона же едет во Францию и строит монастырь с приютом для странников. Петр, отпущенный султаном к родным, заболевает в пути и попадает в этот приют; следует узнание, описание приключений, просьба к султану и объяснение положения. Султан посылает на брак пашу с дарами, прибывают короли всей Европы, а вестник султана объявляет, что его господин освобождает Петра от службы и приносит дары. Общее удивление и в завершение—бракосочетание Петра с Магелоной. Приведем теперь отрывок украинского пересказа (л. 284 об.) «Гисторіи правдивой о Магелионѣ кролевѣ».[1]

«В кролевствѣ французском было зацне ксіонже наймя Волфанґъ а жона его Петронельля, сестра кролевой француской, с котрою мѣл едного сына именем Петра, котрий был барзо охотный ку справам рицерским, нѣ о чим иншим мислил, тилко завше около шермѣрства, гонитвъ и риштунку рицерского.[2] Видячи отецъ природу сыновску, справил, зацний банкет и просил их (?), бы з них котріе молодіе (л. 285) допомогли...»[3]

---

[1] Срв. «Historya o Magielonie krolewnie Neapolitanskiey, umysłu wspanialością, urody pięknoscią, nayiasnieyszą godnością, wszelakich cnot y przymiotów zgromadzeniem u calego świata wyslawioney»... W Krakowie Roku P. 17... (вероятно, 1701? или 1710?).

[2] «W *krolestwie francuskim*, gdzie iest niemalo wolnych xiążąt w pewney Prowincyej, *było zacne xiazę na imię Wolfang;* ten mial *żonę* xiążęcego domu, imieniem *Petronelle krolowey francuskiey siostrę* rodzoną, *z którą miał iedynego syna; temu imię było Piotr, ktory* zaraz zmłodości swey *mial chęć ku sprawom rycerskim.* A gdy już lat dorosł *ni oczym inszym nie myslił, iedno około szermierstwa, gonitw y rynstunku rycerskiego*», — таково начало краковского текста, приводимого проф. Резановым, с. 2.

[3] «Trafilo się czasu iednego, że *widzac ociec przyrodzenie synowskie* skłonne do spraw rycerskich, *sprawił zacny bankiet* dla przednich Panow w krolestwie

«Петръ грабя слышачи рад был и готовался собѣ также на гонитву; казал два ключи злотіе барзо форемне на свой гельмъ уробити,[1] аби так меже иншимъ рицерством на дворѣ кролевском снаднѣй бы моглъ познанъ быти. И ґди час прийшол назначеный гонитвам, вставши рано ишол до косціола оглядати кроля з кролевою и кролевною и потим приготовившися ґди юж з'изд был розних рицеров пред двор кролевский, где юж крол зо всѣм двором, вяйшли и кролева з кролевною и всѣм Францѣмиром, приглядаючися гонитвам и ставши на пляцу порядне все рицерство почали ся визнавати еден по другому, доказуючи слави. И (л. 286) потикалися менжне, звѣтяжал един багато. По тим Петръ грабя, всѣвши на своего коня а взявши гелмъ на голову свою, взял теж древце в руки и виихал на пляцъ[2] против оного рицера и стерл ся з ним, але зараз оний рицер и конь его жадним обичаем пред так сроґим разом затриматися не моглъ, котрому потканю тые всѣ, котріе на тое глядѣли, так ся барзе дивовали, же нѣґди так менжного человека не видали, аби так моцне доказати мѣл напротив строни противної собѣ...»

Этою статьею исчерпывается круг романов, привлекших к себе внимание свящ. Григория, но и отмеченное представляет значение для характеристики вкусов любителя литературы — украинца половины XVII в., притом не «столичного» жителя, а провинциала, далекого от больших культурных центров, какими был Киев, Львов, отчасти — Чернигов.

В той же рукописи Унд. № 527, 1660 г. после повестей следуют еще две статьи: о Петре Гугнивом — известная из памятни-

---

francuskim, zaprosił powinnych swych z synami, *azeby pomogli* krotofili rycerskiey synowi iego; na co wszyscy zezwolili chętnie». Резанов, с. 2.

[1] «*Usłyszawszy* takową odpowiedź gospodarza swego (Piotr) czekał pilnie naznaczonego czasu y *kazał dwa klucze złote barzo foremne na swoy hełm* urobić— *S.* 15, Резанов, с. 4, в немецком переводе — «liesse im machen zwen *silbern Schlussel* auff seinem helm», ibid.

[2] Срв. «Wsiadł też Piotr hrabia na swóy koń a wziąwszy hełm na głowę swą, wziął też drzewce w rękę y począł się po pałacu (sic!) przeiezdzać, miotaiąc drzewcem do gory, tak iż każdy dziwował męstwu iego». Резанов, с. 5.

ков полемической против католиков литературы, и о Соломоне, заключившем бесов в бочку. Последней статьи мы коснемся особо, а первую приведем полностью:

(л. 294 об.) «Пише в книжици нѣкоего законника о Петрѣ Гугнивом откуль ся народилъ. Цар Костантин на войнѣ през знак крижа святого на Дунаи врагов побѣдил, за що диявол пакост му вистроил (л. 295) и жону уморил. Костантин пришедши плакал, а потим запалился похотю и з мертвою блуд творил, где зараз зачался во плоти диявол, и во время свое из гробу вилѣзло щеня и викормлено было при цари, именем Латко, вѣжел хитрий. Дочка царева Маріа мудраа храненна была в чистоте на особном покою и плакала прося отца, бы ей для утѣхи песка того там далъ, — и повелѣ. Она жіючи з ним блуд випелнила и зачала Петра Гугнивого от пса, и быст хитр зѣло и извѣвъ народ многъ зловѣріем и сам розсѣдеся». Этот рассказ, точнее мотив о сожитии девицы с псом использован был в великорусских легендах о происхождении картофеля.[1]

---

1 В. Перетц, Легенды о происх. картоф., Сборн. пам. Л. Н. Майкова, 1901; А. А. Назаревский, Р. Фил. Вестн. 1911, кн. 3—4; А. И. Никифоров, Русск. пов., легенды и поверья о картоф. Казань 1922.

VIII.

Вирши Харьковского архимандрита Онуфрия.

В конце XVII в. на Украине формируется особый тип писателя: далекий от принципиальных споров, религиозных и политических, не претендуя на широкую известность, приобретаемую с помощию печатного станка, автор-обыватель в свободные минуты заполняет свою записную книгу немудрыми виршами и прозаическими заметками, разного рода выписками из прочтенных печатных и рукописных книг, почему либо понравившихся. Такой автор любит и острое слово, и шутку, и благочестивое размышление и красноречивую орацию, комбинируя чужое и свое. Сборники этого рода отчасти уже известны в литературе; особенно отличаются пестротой состава такие сборники, возникшие в XVIII в., во второй его половине. [1] Но и в XVII в. мы наблюдаем аналогичные явления, [2] и на границе XVII и XVIII в. На одном из сборников последнего времени мы остановим наше внимание.

В 1699 году, судя по заглавию, тщательно сохраненному позднейшим писцом, была написана книга, озаглавленная «*О пріро-*

---

[1] Напр. сборн. Иоанна Даниловича (см. наши ст. «К истор. польск. и русского народного театра,» гл. III, 1905 г.) в Киев. Муз.; сборн. свящ. Піючевского к. XVIII в. (см. Отчет об экск. семин. р. филол. в Полтаву, 1910 г., с. 21 и сл.) и др.: см. у Ив. Франка, Карпаторуське письменство.

[2] См. сборн. свящ. Григория, рук. Унд. № 527, 1660 г.

женю человѣческомъ, под которою планетою знамен небесныхъ родится всякъ человѣкъ, важностю и комплексіями и обичаем здѣ описанно есть о томъ наука *Онуфриемъ*, архимандритомъ Преображенского Харковского монастира. Тутъ же приданно есть і сновъ выкладъ Даніила пророка и... [1] Дворовой і иныхъ Наук ‹з›дѣ описанно есть Року от Рождества Христова 1699, Декабря 10 дня» (рукоп. Рос. Публ. Б. Q. III, № 208, л. 1 об.). На лицевой же стороне этого заглавного листа полустертое вследствие бывшей заклейки заглавие, вполне соответствующее и почерку писца рукописи, и бумаге — явно конца XVIII в.: «Сія книжка войскового товарища Матвея Криштановского 1785 году генваря 12». Итак перед нами неизвестный доселе украинский писатель, архимандрит Онуфрий со своим трудом определенно-специфического характера: мы убедимся в этом своеобразии, ближе ознакомившись с книгою.

Старо-харьковский Преображенский монастырь, где жил и занимал видное положение архим. Онуфрий, находился в 8 верстах от Харькова по Киевской дороге; он был основан стольником и полковником Харьковским, Григорием Иерофеевичем Захаржевским, 28 марта 1673 г. В первое время, повидимому, монастырь был мало известен и не обращал на себя внимания Московских властей; но в 1690 г. он уже получил от царей Иоанна и Петра в дар Евангелие в сребро-позлащенном окладе. [2] Интересующий нас архим. Онуфрий (у Строева — Ануфрий) дважды был настоятелем Преображенского мон. в этом звании: назначен в 1693 г. — и почему то уволен в 1696 г., но затем он вновь настоятельствует в 1705—1709 гг. [3] Когда он скончался и вообще, что собою представлял — нам неизвестно. Можем лишь догадываться, не в свободное ли время между 1696 и 1699 г. скомпановал он книжку, дошедшую до нас благодаря вниманию к ней М. Криштановского.

---

[1] Место затерто.

[2] Амвросий, Истор. р. иерархии, VI, I, с. 320—322.

[3] Строев, Списки иерархов, с. 968.

Начинается книжка благочестивою «Предмовою ко читателю всякому о нескончоной досконалости Божой»:

«Досконалостю сполне называемъ тое, которое въ себѣ маеть всѣ достатки ведлугъ своей натури: бо и ежели маеть якій недостатокъ, то въ досконалости будеть ущербокъ, бо тіи речи зовемъ ненкніи, що мило на него глядѣти, и добростю бо своею зрячого потягаеть до себе пилно зрѣти». Св. Писание так изображает совершенство бога: «Уважать найперво наивышшую досконалость божую, ижъ ему въ жадной речи немашъ ущербу»... Далее составитель доказывает, что без божией воли «ничтоже не можетъ статися». Бог всему, и звѣздам, и планетам, и дорогим камням дал красоту, «и все ихъ досконалство есть от Бога; але способом неровни есть божіей досконалости, ибо що въ речахъ сотворенныхъ немашъ, а в Богу все есть: напередъ была досконалость, нежели речамъ давалъ сотвореннымъ...» (л. 1 и об.). За сим говорится о свете, о деннице, о элементахъ, неравныхъ между собою: «едни бо легкого и суптельного естества, яко огонь и воздухъ, другіи же тяжшего и грубшего, яко вода и земля». Далее сообщаются некоторые мысли о громе, о ветрах, вихрях, о воде и, наконец, кратко — о солнце и луне с планетами, которые влияют на холод и тепло (л. 2—3 об.). Все дальнейшее в сущности является раскрытием упомянутого в этом предисловии. Подобного рода календарно-астрологические сочинения были известны и широко распространены в польской литературе к. XVII и XVIII вв., а оттуда перешли и в русскую: ак. Соболевский указывает ряд подобных сочинений, известных в более или менее плохих переводах к. XVII и нач. XVIII в.;[1] мною в одной из прежних работ[2] также приведены отрывки из таких переводов — и все они обладают значительным количеством полонизмов, таких же резких и ненужных, как и в труде украинского компилятора, умевшего писать и срав-

[1] А. И. Соболевский, Переводная литература Московской Руси XIV — XVII вв. 1903, с. 135 и сл.

[2] В. Н. Перетц, Материалы к истор. апокрифа и легенды; II. К истор. Луника, 1901.

нительно чистым церковно-славянским языком. В дальнейшем мы будем уделять меньше внимания прозаическим статьям, а сосредоточимся главным образом на стихотворных статейках: архим. Онуфрий чувствует большую любовь к рифмованной речи, хотя бы и довольно неуклюжей: далеко не всегда выдерживает он равносложность рифмующих стихов, то расширяя, то укорачивая основной их размер. Извлечем ниже *все* стихотворения из его книжки.

В четырех стихотворениях повествуется «о четырехъ частяхъ рочніхъ, когда оны починаютъ держати части свои от якого числа»:

Весны. [1]

Настает от дня благовѣщенія пресвятой Богородицы марта мѣсяца въ 25 числа.

Весна нѣмъ малимъ дожчемъ землю полие,
Звичайно вѣтромъ легкимъ перво вѣе.
Зъ теплихъ краевъ пташки прилѣтаютъ,
Въ немъ [2] намъ гласи свои заспѣваютъ.
Земля тилко ся трохи дожчемъ умие,
Що зимѣ змерзло [3] на веснѣ ожие.

Лѣто.

Настаетъ от дня Рождества Іоанна Кресті(теля) іюня м(ъся)ця въ 24 числа.

Лѣто якъ панна вѣнецъ собѣ вие
Зъ розного збожжя, которымъ человѣкъ жие. [4]
Гумно наполняетъ розными снопами
Розскими [5] которыи дал жить дарами.
Многоплодне лѣто, если грѣхъ вродило,
Ижбы ся такое лѣто не множило

[1] След. исправить: «Весна» и «съ». [2] М. б. следует исправить: «Внет»— тотчас, (= польск. wnet)? [3] В рук. «змерзла». [4] Явно испорчен размер, след. исправить: «котрымъ чловѣкъ»... [5] Не понятно; м. б. след. исправить «Бозскими»?

То лѣто, которое зродило цноти. [1]
Лѣтомъ такие ся похвалятъ роботы.

Осѣнь.

Настаетъ от дня зачатія Іоанна Крестителя септеврія м(ъся)ця въ 23 числа.

Боже свѣтлости, якъ шатою одѣваешь,
А насъ дожчемъ студенымъ поливаешь.
Въ полю жита твоею ласкою дойзрѣли
Дай зобрать безъ шкоди, жебы тя вътом хвалили.

Зима.

Настаетъ от дня Рождества Христоваго м(ъся)ця декемврія въ 25 числа.

Зымній вѣтръ вѣетъ, грѣй насъ теплій Боже,
Тымь [2] огонь, окромъ огня що грѣть може.
Маемъ морозъ до себе, же твари фарбуе,
Безъ злота латво то самъ справуе.
Дай Боже в имѣ тя горячо хвалить.
Хто хладно хвалить, огнемъ муситъ палить.

Это стихотворение о четырех временах года, повидимому, переведено с польского и притом довольно неудачно; возможно, что порча размера и отдельных слов принадлежит переписчику 1785 года. Что касается сюжета, то он не нов в старинной славянорусской литературе. Аналогичная прозаическая статья из какого то польского или немецкого календаря указана ак. Соболевским; [3] более старого происхождения — статья «О четырех временах года, или частех, откуда весна начинается и прочаа времена», в рук. Синод. Архива, № 3990, 1-й полов. XVII в., л. 9—9 об., и там же, л. 222—223: «Четырми времены кругъ

[1] В рук. «цноти»; м. б. след. читать «снопи»?
[2] Следует исправить «тысь».
[3] Назв. соч. стр. 184, рук. Муз. Псков. Археол. Ком. № 24, к. XVII в.

лѣта вѣнчается», нач. — «Весна от Благовѣщения Богородици до рождества Иоанна Предтечи», конец: «знобит и гладом морит и мучит грѣх ради наших — такова есть зима». Небезынтересно сравнить с этими характеристиками времен года сопоставить традиционные характеристики их. Пользуемся нашею рукоп. Q, № 161 к. XVII и XVIII в. Весна изображается так: «Весна подобна царю юну зѣло, оболчену в царскую одежду и венец златый на главе его; сѣдящю же ему на престолѣ обычнѣ. Нозѣ же его бяху наги едины, не имущу ремень сапогу его; имѣяше же в правой руцѣ ключь висящь и свѣтилник держаще, на нем же двѣ свѣщи, обѣ равны, но обаче едина возжженна, другая же не горитъ; в лѣвой же свиток, в нем же написано два слова, веселящу же ся ему и радующеся и богатества много собирающю» (л. 16). «Ино сказание» говорит о весне так: «Весна убо нарицается яко дѣва преукрашенна красотою, и добротою сияюща, чюдна и преславна, яко всем дивитися зрящим ея доброты. Любима бо и сладка всем, родит бо ся в ней всяко животно, радости и веселія исполнена. Сицева есть весна» (ibid. л. 18). Обе приведенные нами характеристики — восходят к западно европейскому источнику и дают живописное изображение времен года. Характеристика весны в виршах арх. Онуфрия совершенно отличается от выше приведенных; тоже можно сказать и относительно трех других времен года.

За стихами о четырех временах года в книге архим. Онуфрия читается следующее предисловие, по языку и всему своему складу оригинальное, составленное заново, а не переведенное:

«О поставленіи же и утвержденю всего видимаго и не видимаго божияго творения небесъ, планетъ и елементовъ трудно кто можетъ виповѣсти. Пророцы едни повѣдають земли утвержденной на водах, яко царъ Давидъ рекъ: «основаяй землю на тверди ея, і не преклонится во вѣкъ вѣка». Се показуетъ, яко отъвсюду объдержатъ ю води; друзіи же глаголютъ богослови, Іоанъ Дамаскинъ, яко повѣсивый землю ни на чемь же повеленіемь своимъ и основавъ ю на тверди ся. Но или на водахъ, или на воздусѣ

утвержденна есть, о всемъ томъ да будетъ (л. 5) отъ насъ слава премудрому Творцу о всѣхъ дѣлехъ его созданныхъ. А в семъ, любомудрій читателю, прошу прощенія, да погрѣшенія во книжицѣ сей описанныхъ вещей неискуства ради моего ⟨простити⟩, но пріймы охочо прочитати себѣ здѣ написанных вещей, то можешъ и потребное собѣ знайти въ сей книжцѣ написанное ведлугъ прироженя своего і остороги во всемъ житія твоего къ доброму, и отъ злого якъ увыйти от того часовъ злих. Сію тебѣ осторогу обявивши, охоче працу мою пріими и завдячне, а мене въ семъ дѣлѣ труждающагося зле не вспоминайте. Любвѣ вашей взаемній желатель небесныхъ и земныхъ добръ получити зичу: Онуфрій, Архимандритъ монастира Харковского Преображенского». Заметно, как начав высокой славянской речью, вернее всего следуя за «Богословием» И. Дамаскина, — наш автор не выдерживает тона и постепенно склоняется к «простой мовѣ». Характерно это предисловие и другою своею стороною: черпая свою мудрость далее из западных, польских источников, арх. Онуфрий заключает свою речь совершенно традиционным испрошением снисхождения у читателя, с просьбою простить «погрѣшения», явившиеся «неискусства ради» и не поминать злом. Далее следует статья в стихах с любопытными указаниями на ее источники; её заглавие —

«*О прироженю землѣ* якъ она естъ в долготу, широту и толщину» (приписка: В неделю о самаранинѣ пѣснь 4, *ирмосъ*). «Земля есть въ широту четири темъ миль, а въ долготу земля есть седмь темъ миль, о сем извѣствуеть *Люцидаръ* во своей диспутаціи, [1] і *Иовъ* глава 38». [2]

«Которого въ небѣ зовутъ вседержитель,
Тотъ землѣ широту толщи мѣритель.

---

[1] См. об Люцидарии — иссл. А. Архангельского; издание — в «Летоп.» Тихонравова и у Порфирьева, Сказ. о новозаветн. лицах и событ. *Украинский* Люцидарий изд. с исслед. Е. Ф. Карским.

[2] Явная ошибка: в кн. Иова въ гл. 38 не указаны точно размеры земли, напротивъ того — измерение её представляется невозможным: «Кто положи мѣры ея, аще вѣси? Или кто наведый вервь на ню?» ст. 5.

Онъ о томъ знаетъ, ижъ все содержить
Бо то дѣло рукъ его, онъ далъ всѣмъ жить.
Вся тѣмъ быша і безъ него ничтоже бысть еже
бысть. Іоанъ, зачало 1».

На л. 5 об. — статейка «*О раздѣленіи временъ возраста человѣча и вѣковъ его*»: сказав о разделении человеческой жизни, на семь периодов, автор заключает стихами:

«Нещасливая есть минута на свѣтѣ
Которая насъ влечетъ къ греховной сѣти» —

и затем изображает в ряде кругов распределение возрастов от рождения до старости. И эта статья не является новой по своей идее: старинная литература знает аналогичные статьи, напр. «О возрастѣ человѣче и о седмицахъ настоящего вѣка, еже естъ человѣческаго житія. Яко убо седмерочисленныя имъ мѣреніе исполняются дніе лѣтъ человѣкомъ, даже до совершенія возраста человѣческаго сирѣчь младости и средовѣчія и старости», нач. «Первое младенецъ. Первая седмица. Егда бываетъ человѣкъ седми лѣтъ возраста», рук. Синод. Арх. № 3946, л. 269—271 и др.[1] Полностью тексты этой статьи изданы были И. А. Шляпкиным с обширным комментарием.[2] Дополнения даны С. Ф. Шевченком.[3]

Л. 6-й книжки арх. Онуфрия утрачен. На л. 7. читаем стихи:

«*О природѣ человѣческой визнаніе*».

«Чловека слава
Якъ ся хочешь строй,
Царъ и велможа —
Надмешся мало —
Несись покорне,
Зьвялая трава:
Таки будешъ гной.
Червамъ то збожа.
Аж тя не стало.
Полетишь в горне.

[1] [А. И. Никольский], Описание рукоп., хран. в Архиве св. Синода, т. II, в. 2.

[2] Шляпкин, Возрасты человеческой жизни. 1909.

[3] Шевченко, Заметка о «возрастах челов. жизни», 1912 (Изв. отд. р. яз. и слов. 1911, кн. 4). Еще текст в нашей рук. Q № 161, л. 18 об.

Мова то стара:
Високо слине,
Марнiй чловече
З того походить,
Животъ нашъ пара:
А хутко згине.
Въ смродъ ся облече.
Же зле обходить». [1]

На эту тему известно немало польских стихотворений, в том числе и украинского писателя — архиеп. Лазаря Барановича.

Следующее стихотворение — очень напоминает знакомую нам манеру иером. Климентия [2] и по выбору сюжета, и по литературной манере:

«О женахъ беремѣнныхъ»

«Для того старости не дожидаютъ,
же вь пянствѣ ся барзо много кохаютъ.
Тимъ человѣкъ зъ молоду здоровя тратитъ,
разумъ и зракъ и лѣтъ — пянствомъ то вмалит.
Жени пяничнiе що дѣти родять,
для того бо зъ сего свѣта зле сходять.
Ибо жена пянствомъ въ чревѣ заразитъ
дитя родившися отъ такои сказитъ.
Многоболѣзненно, мало тутъ жиетъ, —
изъ болѣзнiю, плачемъ изъ свѣта идетъ.
л. 7 об. Не треба бы женамъ плоднимъ много пить,
но въ дому трезвостю плодъ свой такъ хранить.
Жебъ [3] якъ сама здрава, таковъ былъ и плодъ,
безъ пянства зносити въ чревѣ бывшiй родъ.
Трезвимъ женамъ такiй плодъ богъ даруетъ,
же то на высокiй гоноръ промуетъ.
Много бо пророковъ съ трезвыхъ женъ стало,
царей, философов на свѣтъ вказало.

---

[1] См. напр. *наши* Иссл. и матер. I, с. 132 и сл.: «Есть прелесть в свѣтѣ, як в полном цвѣти»...

[2] См. *наш* труд: «Вiрші єром. Климентiя, у Львовi. 1912 (Памятки укр. мови і лiтер.)».

[3] В рукоп. «Тебь».

Трезвымъ бо женамъ богъ благословляетъ:
ангели в зачатю къ нимъ посилаетъ,
Ознаймуючи имъ человѣка родить,
который будеть богу вѣрне тутъ служить.
Патриарховъ святыхъ на свѣтѣ стало,
преподобнихъ въ чину тутъ просияло.
Трезвыи бо жени плодъ благословенъ,
пянчливой жени многоболѣзненъ.
Въ смродѣ пянчливомъ то дитя заразитъ,
носячи въ чревѣ тимъ вѣка позбавитъ.
Породивши дитя, хмелемъ ся бавитъ.
отъ покорму жены ажъ дитя гадитъ: [1]
Кричить воплемъ, зъ сосца млекъ не пріймаеть,
же зъ смроду хмѣлного вредъ себѣ маеть.
Матка же мнитъ, же оно хоро,
бабъ запобѣгаетъ, жебъ лѣчить скоро.
Пришовши къ дитяти баба зѣхаетъ,
на дворъ внѣсши звѣздам то одсвѣчает,
Же о(те)ць и матка въ томъ виновати,
же случилась болѣзнь ихъ то дитяти.
Помощи дитяти баба не давши,
речетъ женѣ оной «здраво», плату взявши.
Въ томъ хитрость бѣсовская опановала: [2]
въ женъ лѣкарствомъ бабьимъ дѣтей не стало».

Также напоминает манеру Климентия и следующее стихотворение, сопровождаемое прозаическим примечанием:

«*О женской Природѣ еже во отца тварью Дочь вдается*».

«Егда жена будеть отцевской твари,
то въ [3] такои не буде злосливои твари,

[1] М. б. следует исправить в соответствии с последующим: «гидить».
[2] В рукоп. «опановало».
[3] Сл. исправить «зъ»?

Но уважне все она становится,
въ природѣ мужеской тимъ подобится.

«Егда бо дитя женского полу уродится, а на отцевскую тварь она вдастся, то непохибне такая жена неплодна будетъ, понеже бо въ той женѣ болше мужескаго прироженя зостаетъ, нежели женскои природи, для того въ такихъ женъ дѣтей немного бываетъ».

За этим примечанием — небольшое рассуждение «о прироженю двоякомъ, то естъ студено и горячего» (sic) л. 8 об., а за сим, без заглавия, стихи о людях различного роста:

л. 9 «Великіе люди естъ нездорови,
къ работѣ тяжки а млявои крови,
Не смѣли бывають а злости немають. [1]
. . . . . .
Средше люде сердити бываютъ,
тилко мудріе з нихъ много ставаютъ.
Велика сосна, изо вже изъ шишками,
а малие древа есть зъ пожитками.
Але маліе зростомъ естъ сердити,
тилко не страшни тымъ, хто схочеть быти».

Следует небольшая статейка «о всякомъ створеню, в кое-время Богъ что сотворил» — по кн. Бытия, а затем стихотворение:

л. 10 *«О недель Объявленіе»*

«В началѣ мира, егда созидаше
Творецъ вся, яже видить око наше,
Въ шесть дней изволилъ всю тварь совершити,
благоволи же во седмій день почити,
Еже есть — преста види созидати
новия, но не преста промишляти

[1] После этого стиха — один, очевидно, утрачен по небрежности переписчика.

О зданныхъ бывшихъ, тихъ бо умножаетъ,
егда числа ихъ ново сотворяетъ;
Вся управляетъ, яко ему годѣ,
строитъ въ небесной и въ земной породѣ.
Подобно людемъ труди полагати
въ шесть днiй, достоитъ въ седмiй почивати
Отъ мирскихъ убо, духомъ же дѣяти,
благодарственно Творца си хвалити
О всѣхъ насъ ради, отъ него созданныхъ,
кромѣ предваршихъ заслугъ туне данных.
Еще Адаму сей завѣтъ дадеся,
но забвенiю потомъ предадеся
Отъ людей грѣшныхъ, пайпаче въ работѣ
египетстей людъ забы о суботѣ.
Потомъ Моисею Господь споминаше:
«помни святити суботу» — вѣщаше. л. 10 об.
Онъ и Iзраилю то слово явилъ есть,
егда скрижалей завѣтъ предложилъ есть,
На нихъ же десять заповѣдей бяху,
яже любезно людiе прияху.
Отъ томъ паки субота храненна
бѣ христiяни и многопочтенна.
Егда же прiйде законъ благодати
тѣнь законную свѣтомъ облистати.[1]
Нощь есть, паки то слонце возсiяетъ,
его же лучамъ вся тѣнь уступаетъ.
Нощь бѣ и въ церквѣ, въ старомъ томъ завѣтѣ,
вся в сѣни бяху, ничтоже во свѣтѣ.
Егда же слонце истинны явися,
еже отъ дѣви Марiи родися,
То есть Х(ристо)с Богъ, имъ же тма прогнася,
а день нощи свѣтлiй даровася,

---

1 Мысль незакончена: видимо, пропущено двустишие?

Тому пришедшу, болвани престаша,
имь же и жертва болваномъ отъяша,
Вишнему хвалу въ томъ даша.[1]
Закона ветха вся же нова быша,
яже и люди богу обновиша.
Обрѣзаніе всѣмъ намъ истребыся,
крещеніе в то мѣсто уставися,
Еже духовно есть обрѣзаніе
и Бога съ людми мира храненіе.
л. 11 Телцовъ і агнцовъ жертва отложенна,
Агнца Божія жертва уставлена:
За грѣхи многи(х) единъ жренъ бываетъ,
единъ паче всѣхъ весь миръ насищает.
Ааронова священство отиде,
Мелхиседека по чину же прійде.
Старая же въ насъ субота впразнися,
Неделя въ мѣсто ея взаконися.
Отъ апостоловъ духомъ наставленныхъ,
въ вѣрѣ истинной столповъ божественныхъ.
То же не кромѣ винъ бысть богословныхъ
в церквѣ здѣлано от муж богословныхъ,
Иже нѣкая се вамъ изъявляю,
яже у мудрихъ творцевъ обрѣтаю.
Една суботи вина чтити бяше,
ижъ отъ дѣлъ своихъ Г(оспо)дь в ню престаше.
Неделя вини многия имѣетъ,
ихъ же ради церковъ днесь празнует:
А. Первая, яко миръ сей вещественный
и свѣтъ есть въ день сей Богомъ сотворенный[2]
Б. Вторая, егда потопъ престаяше,
корабль на верхъ горъ Арменских сташе.[3]

---

[1] Здесь заметный пропуск нечетного число стихов.
[2] На полѣ: «Бытия глав. а».
[3] На полѣ: «Бытия глав. й».

Г. Въ сей же денъ море Чермное пресѣчеся,
которимъ бо жити[1] сухо преведеся,
Работи люди богомъ избавися
Фараонъ съ полки въ водахъ погрузися.

Д. *В неделю* начатъ хлѣбъ ангелскій дождити,
манна реченній, жебы путнимъ житы.

Є. *В неделю* нощи Христосъ Богъ родися,
насъ ради въ яслѣхъ скотскихъ положися.

S. Въ день же неделній звѣзда возсіяше
волхвомъ, которая[2] ихъ къ Христу вождаше.

З. Въ Иорданѣ въ неделю крестися,
иже насъ ради грѣшныхъ воплотися.

И. В *неделю* первое чудо есть сотворилъ
Христос: во вино воду такъ преложилъ.

Ѳ. Пять хлѣбовъ в *неделю* Христосъ есть умножилъ,
пять тысящъ людей тѣми онъ наситилъ.

І. Въ день же недѣлный изволилъ въихати
в Ерусалимъ на ослѣ жребяти.

ІА. Воста изъ мертвых въ сей день торжественный,
и бысть миръ ветхій нынѣ обновленный.
Пройде же двери, яже затворенны, л. 12
ученики си посѣти смущенны,
Им же даде власть вязати[3] и рѣшити,
съ благовѣстіемъ весь миръ проходити.
И во Еммаусъ в ломленіи хлѣба
познася, яко онъ сошедій зъ неба.

ІБ. Такъ же въ день осмій Ѳому онъ увѣрилъ,
иже въ бокъ его персти своя вложилъ.

ІГ. Такъ же *в неделю* съ небесныя страны
Духъ Божественный апостолом данный

---

1 Следует исправить: «жиди».
2 След. читать «котрая» — для исправления размера.
3 С тою же целью следует исправить: «вязать».

Во свѣтлихъ видѣхъ огненныхъ языковъ,
еже палити злобы человѣкъ! от духовных то лѣков (?).
ДЇ. Іоанъ Богословъ въ неделю бяше
въ дивном восторзѣ и дивная зряше.[1]
ЄЇ. Так же о томъ намъ мудріи вѣщаютъ,
яко в *неделю* страшна суда чаютъ.
Сія вина естъ яже увѣщаютъ,
да вси *неделю* честно почитаютъ.
Ея же аще кто не почитаетъ,
тяжко противо Троици согрѣшаетъ:
Противо Отцу, яко его сила
початокъ мира въ день сей положила;
Противу Сыну, иже въ миръ родися
въ день сей пречестній и воскресъ явися,
славно тимъ прославися.
Противо Духу грѣшитъ пресвятому,
яко онъ къ лику ученическому
Во день неделній благоволи сныйти,
дари своими чудно исполнити.
Неблагодаренъ таковъ мужъ буваетъ,
яко крѣпости отчея не знаетъ,
И премудрости Сына превѣчнаго,
не чтитъ благости Духа пресвятаго.
Сей не чтитъ Творца — искупителя,
купно небесна съ нымъ утѣшителя.
За что лютая казнь тыхъ ожидаетъ —
Писаніе жо святое вѣщаетъ,
же пекломъ тихъ скараетъ.
Чтитъ *неделю* всѣхъ кому увѣщаю
азъ отъ всѣхъ чести Господу желаю.
Вся дѣла мира сего оставляйте,
къ церквамъ божіимъ спѣшно притѣкайте,

---

[1] На полѣ: апокалипсисъ гла. а̃.

Еже молитвы къ богу возсилати,
благодарствіе ему воздавати
По вся неделѣ всего круга лѣта
благодатию горня Параклита. л. 13
И молю слезно, да то сотвориши,
въ славу божію трудъ свой обратиши.
Даждь помощь, боже, всѣмъ намъ то хотѣти,
просвѣти умъ нашъ тако всегда жити».

За этой пространной и нескладной похвалой «неделѣ» (воскресенью) читается «*Наука о прирожденю знамень небесніхъ и мъсяцей* 12», с таблицей и заключительными стихами (л. 14):

«Такъ имя написуй матки и своей
Кресками лѣчачи лѣтеръ сполное.
Остатокъ кресковъ то ти покажет,
В которой ты планетѣ родился, скажетъ.
Въ той себѣ гляди всего
Що буде вѣка твоего,» —

а — также в стихах, начиная с марта:

«*Объявленіе о прирожденю знамен небесныхъ 12 м(ъся)цей*».

Мартъ во мѣсяцехъ первій въ овнѣ дни счисляет.
Слонце зъ лѣвой страны бѣгъ свой возвращаетъ
На правую, изъ зимы чинитъ весну красну.
Простри и намъ свою, агнче божій, десну,
Да не с козли грѣшними осудимся, требѣ —
Одесную себе насъ зъ агницы поставъ въ небѣ».

За стихами — предсказание тому, кто родился «под бараном», т. е. в марте — под буквами $\bar{а}$ и $\bar{в}$ в таблице; приводим образчик предсказания: «Если зостане $\bar{а}$ альбо $\bar{в}$, то будет (родившийся) знамения бараньего, которое знам'е естъ мужеское, на восходъ слонца пануючое, огнисто и шляхетное. А хто подъ нымъ народится, то будет барзо добрій и доброго товариства а млявой

кровѣ, дивного положения, долгого лица, великихъ очей, скупій, гнѣвливій, тилко рихло отъгнѣвается...». Ниже извлекаем только вирши, в которых можем ожидать некоторой самостоятельности, прозаические же предсказания очень сильно отражают собою польские «Prognostyka».

л. 16 «*Априлій* въ знаку быка часи провождаетъ,
Земля въ квѣтню краснія цвѣти нам раждаетъ.
Быкъ до ярма змѣрает въ теченіи слонца.
Крестъ намъ иго есть благо, къ нему, яко до конца
Блаженнаго, всѣ раби въ Христѣ змѣрят(ь) маемъ,
Въ немъ же, якъ цвѣти рая, такъ да процвѣтаемъ».

л. 18 «*Май* мѣсяцъ подъ знакомъ близнцов днѣ проводит.
Земля и яже на ней все тогда плод родитъ.
Тутъ красуется лѣто слонца теплотою,
Ублажися вся земля плодовъ лѣпотою.
Ублажи знамения наша естественны,
Боже преблагій, близнцов душь и телесъ свойственны».

л. 19 «*Июнь* мѣсяцъ въ знаменіи Рака пребывает.
Въ семъ знаку сл(о)нце на востокъ бѣгъ свой обращаетъ.
Подобится слонце вспять ходящему раку,
Же на полнощъ въ долготу дня въ сем бѣжит знаку.
Сотвори, боже, съ ними знаменіе сіе,
Да обрящемся въ благих, ахъ, грѣшницы злые».

л. 20 *Іюль* м(ѣся)ць въ житницы плоди собирает.
Левъ, знакъ небесный, крѣпост сл(о)нца презначает.
Его крѣпостію земля совершает плоды,

л. 20 об. Поля полни есть, плодовъ полни огороды.
Умножи плоды любве въ душахъ наших, Пане,
Да возлюбым ближняго и тя непрестанне».

л. 21 об. «*Августъ* — неплодный м(ѣся)цъ сей бываетъ,
Бо знакъ неплодность землѣ презначаетъ.
Се Дѣву въ небѣ слонца кругъ проходитъ,
Такъ Дѣва землѣ плодъ святъ, Бога родитъ.

Плодъ наши души сей удобрить може.
Плодствуй чистоту въ сердцахъ наших, боже».
«*Сентябрь* м(ѣся)цъ въ Вагахъ дніе полагает, л. 22 об.
Сл(о)нце въ равноденствіе шалями змѣряетъ.
Въ вазѣ, мѣри и числѣ вся въ свѣтѣ создавій,
Въ великомъ и во человѣцѣ маломъ, Боже правій,
Изчитай днѣ, змѣръ лѣта, вѣкъ положи въ вазѣ,
Да поживем безъгрѣшно въ тебѣ, Бозѣ блазѣ».
«*Октоврій* м(ѣся)ць въ знаку Скорпія часъ водит, л. 23 об.
Ядовитостю той звѣръ на болѣзнь приводит
Тѣла людскіе; тогда ся воздухъ мѣшаетъ,
Мокрота изъ студнемъ виновна бываетъ.
Наступи на скорпія геенского, Боже;
Въ силѣ твоей вредити врагъ нам тот не зможе».
«*Ноябрь* м(ѣся)ць въ знаку Стрѣлца пребываетъ. л. 24 об.
На звѣрь дикій тогди ловъ през ловчих бываетъ.
З пекла ст(р)ѣлець, якъ на звѣрь, лукъ свой напинаетъ,
Стрѣлами согрѣшеній души ураняетъ.
Г(оспо)ды душелюбче, сокруши лукъ, стрѣли,
Да станемъ на врага нашего тобою цѣли».
«*Декемрій* м(ѣся)ць в знаку стоить Козорога. л. 25
Власне тогди санная пануетъ дорога.
И ночъ себѣ болшь годин зъ часомъ примножаетъ,
Солнце не свѣтло зъ неба въ землю призираетъ.
Ты, слонце правди, Христе, намъ еси путь правый, л. 25 об.
Да къ тебѣ ясно дойдемъ въ вѣку, путь направи».
«*Іануарій* м(ѣся)цъ сей въ Водолія знаку л. 26
Мокроти приспоряетъ изъ снѣгомъ оршаку.
Стрѣтаетъ Водолій зъ полним води збаномъ,
Бо въ немъ Іорданских струевъ зосталъ паномъ;
Да просвѣтитъ насъ сими крестними водами,
И потокомъ слезных водъ очистимся сами».
«*Февруарій* м(ѣся)цъ лютъ не лютим намъ стаетъ, л. 27
Гды в то время вод мнозство Рыбъ плов настанет.

Сл(о)нце кругъ свой дорочній на тих днях воротитъ
И во равноденствіи лютость зимы кротитъ.
Уравны землю зъ небомъ, зъ нощи день исправы,
Покажи насъ сыни дня, Боже творче, въ славѣ».

Украинская литература знает еще с конца XVI в. характеристику месяцев — в «Хронологіи» Андрея Рымши 1581 г.,[1] но там месяцы характеризуются по совершившемуся, точнее по приуроченному к каждому из них событию библейской истории. У архим. Онуфрия в правильных шестистишиях систематически характеризуется каждый мѣсяц в зависимости от соответствующего ему знака зодиака (4 стиха), а затем — следует обращение к богу, почти всегда просительное (2 стиха), связанное с предыдущими чрез христианское толкование знаков. Если это не перевод (оригинал нам неизвестен), то эти шестистишия делают честь искусству стихотворца.

После статейки «*о комплексіи четырех, то есть якого хто прироженя з тихъ четырехъ комплексій можетъ всякого познати человѣка*» (28 об.), в которой кратко характеризуются особенности четырех темпераментов, архим. Онуфрий вновь обращается к женщинам и дает им, подобно пер. Климентию, специальную характеристику в особом стихотворении:

«*О женской природѣ*».

Жена же, которая черна есть, суха,
Чловека всякого не минетъ духа.
Аще же блѣда, очи черни маетъ,
Такая жена всѣхъ мужей желаетъ.
Шпетная за гладкимъ поводитъ очи,
От шпетнаго же на сторону вибочи.
Милшій ей тамъ тотъ, що кращой уроды:
Падеть и муха до меду, нѣж къ водѣ.

[1] В. Перетц, Историко-литературные исследования и материалы, I, 1, с. 70.

Бынамнѣй жена зъ собою ся не тревожитъ,
Егда тя бачитъ, жесь вародою гожій.
Теперъ сих вѣковъ пришло въ насъ до того —
Жени десять вадятъ за мужа одного.
Не мѣй то того всякъ въ своей главѣ, л. 29 об.
Жебъ нехотелось замуж младой вдовѣ.
Многимъ такова хот‹ь› ся настроила,
Иж бы зъ шкури она замуж выскочила.
Тые бо въ сердцу маетъ она рани,
Замужъ ити, то продерла бъ стѣни.
Не знать сихъ часовъ, хто панна, мужатка:
Безъ намѣтки ходитъ, а вже естъ матка.
Которая въ природѣ некрасна въ лицѣ,
Заживаетъ мила, води съ криницѣ.
Тымъ еднакъ тоей шпетности не скріе:
Не буде ворона бѣла, хочъ‹ся› мие.
Даремніе фарби, мила, криницѣ,
Егда въ природѣ дѣва шпетна въ лицѣ.
Не поможе такой лицу фарбина,
Трудно бо есть выбѣлить мурина.
Быле богата, хочъ не гладкой твари,
Рыхло ся замуж ити такой здары.
Всегда свѣтитъ слонце предъ ей ворота:
Не бридится всякъ шпетнимъ мѣшком злата».

Ряд рифм: «главѣ — вдовѣ» (głowie — wdowie), «рани — стѣни» (rany — ściany), «твари — здары» (twarzy — zdarzy), «ворота — злата» (wrota — złota) — ясно обнаруживают польский источник этого стихотворения, не особенно гладко переведенного составителем книги. Вместе с тем не лишне отметить и такую черту, как неблагосклонный отзыв о моющихся мылом: вспомним иер. Климентия, еще более резко отзывающегося о мылѣ и употребляющих его: «не знаю, по мылниках хтоб ся чи зафрасовал, |хочъ бы и ни един ся на свѣтѣ не обрѣтал;| Бо рѣдко хто на

свѣтѣ мылом ся вымываетъ, |але болшей водою твар собѣ омываетъ»..., ибо — «в мылах матеріи скверные обрѣтаютъ» и посему «мы не хочемо ся мылами вымивати»... (№ 311).[1] Оригинал, которым пользовался арх. Онуфрий, соответствовал воззрениям православного духовенства его времени.

После приведенного выше стихотворения, на л. 30 — «*Наука, ест ли хочешъ знати, под которою народилъ Планетою дня*», начинающаяся: «Если хочешъ довѣдоватись, под которою планетою народил ся еси, такъ маешь учинити...»;[2] в конце статьи — таблица славянских букв с замечанием: «*лѣтери лутше польские покажутъ*» (л. 31), что̀ дает ключ к розысканию источника — какого то польского календаря с прогностиками. Из того же источника — и следующая статья: «*о власностяхъ седми планетъ небесных*» без вирш (л. 31 об. — 34 об.), за исключением Сатурна; после речи о нем — такое стихотворное заключение (л. 34 и об.):

«Единъ Богъ то свѣдый земныхъ существо,
Которыхъ онъ создал всѣхъ человѣчество.
Спочатку всѣ розно природу маютъ,
Мужескій, женскій пол такъ раждаютъ. ||
Всякой планетѣ человѣкъ уродитъ,
Въ доброй или у злой, такъ ему сходитъ.
Щастямъ и нещастямъ муситъ такъ жити,
Якъ Богъ ему подалъ, такъ можетъ быти».

Ниже, л. 34 об.: «*О днях седмихъ изъявленіе*, хто ихъ выгадалъ имя и расположилъ тако звати» — о происхождении названий дней недели. На л. 35 об. — статья: «*В року днiй килко есть*»; засим на л. 36 статейка «*Свидѣтелство, для чого зовутъ двѣ звѣздѣ едну зорницею, а другую денницею*», после чего такие стихи об этих звездах:

---

[1] В. Перетц, Вірші сром. Климентія, 1912, с. 183.

[2] Срв. статью, известную еще в к. XVII в.: Соболевский, Переводная литер. с. 137, 141. «Jesli się chcesz dowiedzieć, pod którą się planetą narodził, tak masz czynić...» Snów wykład Daniela proroka... 1660.

«Една тилко зъ такъ многихъ звѣзд въ горней сфере л. 36
От мудрихъ астрологовъ Марса титул бере.
Великую маетъ въ том денница оздобу,
Егда нощную темность[1] скинувши жалобу л. 36 об.
Въ томъ указуючи зацности своей пробу,
Бо дорогу слонцу самому такъ торуе,
Свѣтло небеса своимъ бляскомъ полеруе.
Бо тимъ планетамъ она всѣмъ добре справуе,
же дорогу продкуе.
Въ томъ ей признаемъ доброст, же нам ден(ь) вказует,
Егда всему створеню о слонцу вѣсть даруетъ,
Іжъ по немъ день будетъ хутко всѣм намъ свѣтиты,
Которого то всѣ ради все створеня глядѣти».

Польский оригинал этого стихотворения — вне сомнений: рифмы «сфере — бере» (sferze — bierze), «бляскомъ полеруе» («blaskiem poleruje») и т. под. ясно говорят об этомъ. Засим — до л. 40 об. ряд стихотворений такого же, большею частью, происхождения.

«О солнцу визнане вършо(ва)не». л. 36 об.

Пьенкне естъ слонце, хто сотворилъ пьенкнѣйшій,
дивно естъ слонце, кто сотворилъ пьенкнѣйшій.[2]
Якъ мислить можемъ о божіей я(с)ности,
понять то нашой при трудно грубости.
Гди слонце всходитъ хвалить того, що сотворилъ,
по темной нощи ясній день отворилъ.
Отецъ дня слонце, матка мѣсяцъ ночи. л. 37
Матцѣ придано звѣзди для помочи.
Егда бо слонце съ подъземныхъ исходитъ,
тогда здѣ всему створеню свѣтъ родитъ.

---

1 Может быть место, испорченное писцом к. XVIII в., следует исправить: «Гди нощнои темности...».

2 Писец повторил вторую часть предыдущего стиха, вм. «дивнейший»

Ґди слонце свои роспуститъ променѣ,
пречъ уступаютъ всѣ зъ свѣта затменѣ.
Що жило, то ся кинетъ до роботи,
робить безъ слонца не будетъ охоти.
Богъ для человѣка ту лямпу запалилъ,
жебъ его человѣкъ при ней годне хвалилъ.
Матерѣялно слонце свѣту згодно
чинитъ на земли речи розноплодно.
Слонце болше нѣжъ земля десять разы,
а що же тмится, то значитъ уразы;
Мусит бо бути божій гнѣвъ на люды
року того, якъ слонце тмится всюди.
Не еднаково слонце тмится краемъ
въ той сторонѣ, где увидятъ, быть з жалем.
Хто ся солнечной не вдивитъ пьенкности:
мѣсяцу, звѣздам удѣляетъ ясности.
Средныи планета сродкомъ ходитъ собѣ,
преходитъ бо всѣ планети въ оздобѣ».

Интересно отметить, как переживание отдаленного времени — убеждение в грозном значении затмения; летописец XI в. писал: «знаменья бо въ небеси или звѣздахъ или въ солнци... не ⟨на⟩ благо бываютъ, но знаменья сиця на зло бываютъ: ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляютъ» Лавр. летоп. 1065 г.

л. 37 об.

«О дневной свѣтлости».

«Христосъ свѣтъ истинный насъ просвѣщает.
на земли живущихъ всѣмъ обогащаетъ.
Свѣтомъ свѣтлостю слонца всякъ плодъ родитъ,
въ пожитокъ человѣку тимъ жить приводитъ.
День свѣтлій есть всѣмъ вдяченъ ко роботѣ,
ґди же погодній, робыть всякъ въ охотѣ.
День же помрачній тескность подаетъ,
а непогодній роботи всѣмъ псуетъ,

День бо, не имѣ(я)й дѣла блага неблагословенъ[1]
Ведра и не ведра треба и того —
всѣмъ наровно намъ есть пожитокъ с того.
Купец по семъ потребуетъ годины,
же тимъ прешкоди нѣсть и тяготини.
Боже, дай намъ день свѣтло, безъгрѣшно зрѣти,[2]
а отъ земнаго житія въ небѣ намъ жити.
Не отъ заходу, но отъ восходу слонца л. 38
имя боже[3] славится до конца.
Всходъ имя ему найперво то славитъ,
а потомъ заходъ въ той же вѣры ставитъ.
Всходомъ, заходом слонце Богъ керуетъ,
всѣмъ краем земнимъ Богъ жить то даруе.
Ґди слонце зайдетъ, дѣло чловѣкъ[4] кладетъ,
а на спочивокъ онъ часъ себѣ зберетъ.
Токмо звѣрь всякій въ ночи то искаетъ,
пищи от Бога получить желаетъ».

Приведенное стихотворение «о дневной свѣтлости» списано Криштановским очень небрежно, с пропуском даже целого стиха; пострадали и отдельные стихи. На том же л. 38 небольшое, но сравнительно замысловатое по форме стихотворение:

«*Идучи на ложе* — *Призови имя боже*»
Лѣгаючи на ложе Призовы имя боже.
То, брате зичить мушу Тѣлом уснувшу,
Жебы Богъ сохранил душу.
О сонъ тя прошу, Боже, неоспалій,
Жебъ рано вставал на твои азъ хвали
Бо рано хвалить Бога То въ день мзди примешъ много.

1 Следующий, рифмующий с этим стих писцом опущен.
2 Для исправления размера следует читать «*и* безъ грѣшно».
3 Для исправл. размера следует читать «*нехай* имя боже»?
4 В рук. «человѣкъ».

Перелагая польские стихи своего оригинала, арх. Онуфрий вспоминает и славянскую литературу, мотивы которой побуждают его на стихотворство. Таково стихотворение (л. 38 об.):

«О куроглашении».

О сем пишет Θеофилактъ: Евангеліе Маѳ. зач. 109.

«Егда пѣвень глашаетъ — Человѣка встат(ь) збужаетъ
Бога рано хвалити, — Потомъ дѣло робыти.

Пѣвень въ томъ намъ есть вѣзерункомъ хвали,
жеби и ми Богу честь воздавали.
Егда же пѣвень спѣваеть, ты чуешъ,
хвалить встан(ь), тим день добръ спродкуешъ.
Пѣвень спѣваетъ, же день зближается,
честь даетъ, же въ ден(ь) добре мается.
Пѣвень натуру въ собѣ тую маетъ,
бо с полночи часи викрикаетъ.
Спѣваючи бо въ томъ години здаетъ,
де дале, болше къ свѣту прикладаетъ.
То дай намъ рано тя (Боже) хвалиты,
вечеръ и утро добре проводиты».

В толковании Феофилакта, на которое ссылается арх. Онуфрий, читаем евангельский рассказ о троекратном отречении ап. Петра и о пении алектора (пѣтела); засим — «*Толкованіе.* Неизреченнымъ страхомъ одержимь бывъ Петръ забы обѣщаніе, еже ко учителю обѣщася, и человѣческой немощи работает, яко убо умершу от страха и не вѣдящу, что глаголетъ; разумѣй же и вышшимъ разумомъ, яко обличенъ отроковицею Петръ, сирѣчь человѣческою немощію, малою рабынею, дондеже пѣтелъ возгласивъ, чувство ему подаде. Алекто́ръ же есть, слово Ісусово, не оставляющее насъ разслаблятися и спати, но и глаголя намъ, бдите и востаните спящіи: словомъ бо Петръ, яко алекторомъ возбудився, и изшедъ вонъ до двора архіереова, сирѣчь из одержанія помраченнаго ума: и изшедъ от нечювствія, плакася горко,

дондеже бяше во дворе помраченнаго ума, не плакаше, не имяше бо чювствіе, егда же изыде, въ чювство пришедъ, плакася». Сходство стихотворения с толкованием — весьма отдаленное, и ссылка на Феофилакта сделана, вероятно, по сходству сюжета: пение петуха заставляет человека вспомнить о боге. Представлений древней Руси о пении петуха собрано много в моей книге «Слово о полку Ігоревім» Київ. 1926, см. комментарий к «до куръ».

Следующее стихотворение о месяце — обильно полонизмами, среди которых есть даже такой неприкрытый украинской фонетикой, как «добрже» (dobrze), употребленное дважды, или «хлодитъ» (chłodzi):

«О мѣсяцу визнанье».

«Мѣсяць настатья молода то маетъ:
женамъ живущимъ нездоровость даетъ.
Мѣсяць то частми молодъ полнъ бываетъ,
въ полнотѣ его намъ добре ставаетъ.
Схода тож его добрже ся поводитъ, л. 39
хто бо начнетъ що робить въ дѣло сходит,
Если добре робитъ
Велґотній мѣсяць суху землю хлодит
и то справде, же намъ земля зродитъ
На нивахъ збоже и огороднину,
такъ же всякую що есть садовину.
Въ рукахъ то божіихъ якъ дощъ, такъ погода;
просить его треба, буде вигода.
Къ потребѣ нашей вигодь, гамуй води,
бо для великихъ дощовъ много въ полѣ шкоди.
Блісни твоимъ слонцемъ, нехай хмури престануть,
а збитечнимъ дожчемъ поля не заливаютъ.
Рци словом, добрже ся намъ стане,
къ волѣ бо твоей всякій зъ насъ пристане.
Бо ти все добре даешъ намъ снадне».

О двенадцати знаках зодиака славянорусская письменность знала еще с XVI в., к каковому относится рукоп. Тр.-Серг. Лавры № 177; из неё Тихонравов издал «Астрологию», т. е. статью «о лѣтном обхожении»;[1] о том же говорят и позднѣйшие календарные статьи, переведенные в к. XVII в. с польского. Поэтому для архим. Онуфрия и тех, кому он предназначал свою книжку, вероятно, не звучало чем либо новым стихотворение —

«О двнадцяти знакахъ небесніхъ описаніе».

«Дванатцать знаковъ лѣчатъ астрологи,
которіи то есть ласкави и сроги:[2]
Баранъ, Быкъ, Близнята, зъ ными же і Ракъ,
Левъ, Панна, Ваги, Скорпія и Стрѣлякъ.
Козелъ, Водолей, Рыбы тожъ зостаютъ,
которіи въ небѣ живуть, о томъ знають.
Въ Близнятахъ слонце въ маю тако стоитъ,
теплость и мокрость двояко моць строитъ.
Пріиде, о томъ человѣче всякій дбай,
статокъ свой пасти, самъ барзе дозирай,
а въ дворъ свой самъ запирай.
Дванатцать знаковъ небесныхъ здаются,
въ каждомъ мѣсяцѣ именно кладутся,
Бо такъ кождое животное справуе,
же въ томъ мѣсяцу власть свою пріймуе,
І въ тотъ часъ людемъ пожиток бываетъ:
отъ скотовъ, звѣровъ, рыбъ лов всякъ мѣвает.
Ваги, Водолій тое въ себѣ мають,
же дожчемъ землю на плодъ поливаютъ.
Знаки — Левъ, Панна — то они содержать:
плоди и зрѣлости земніе даютъ брать».

---

[1] Тихонравов, Памятники отреченной русск. литер. II, 412 и сл.
[2] В рук. «сроки».

Также традиционна и следующая статья в стихах — О семи планетах, срв. в Пам. Р. Ст. Лит. III, с. 156, у Соболевского, Перев. литер. Моск. Руси:

«*О седми планетахъ неб(ес)ных великихъ вѣзнан'е вѣршовое*».[1]

«*Слонце*, планета мужеской природи,
сѣ въ себѣ маетъ моцы і оздобы.[2]
Мѣсяць женского родства пануючій
і всякъ родитъ земній влажность кормячій.
Марсъ воинскій врядъ держитъ и справуе,
подъ тимъ родячись человѣкъ тимъ простуе.
Сатурнъ родства мужеского стану
лютость назбитъ держитъ же, всѣм есть в гану.
Юпитеръ Іовѣшъ едного родства,
же они радятъ мужескаго панства.
Меркурій планета мужескаго рода,
мудрости, наукъ въ томъ сей есть привода.
Меркурій добримъ есть справца в том добрій,
Бога правдиве познать, буде добрій.
Венусъ природи женской въ себѣ держитъ,
подъ нымъ рожденній от злых жен не вбѣжитъ,
которій з ними ся здружитъ.
Якъ Венусъ, такъ Бахусъ человѣку
уменшаютъ бо силъ и вѣку.
Венусъ на небѣ важно поступуе,
бо под ⟨слон⟩цем[3] бѣгъ свой отправуе.
Всѣ бо планети то въ себѣ содержатъ —
сѣмъ круговъ небесных розно бережатъ.
Якъ Богъ им подалъ, такъ они справуютъ,
обротов небесных всякъ з ныхъ варуютъ.

л. 40

---

[1] В рук. «вѣршовке».
[2] Нет ли далее пропуска, ибо «моцы» не перечисляются?
[3] Рукопись испорчена; в скобках — добавлено мною.

Едни планети ползу намъ приносятъ,
другіе же есть планети — зло вносятъ.
Солнце і мѣсяцъ добре во всемъ дѣютъ,
земной бытности всѣмъ красоту спѣютъ».

Перевод — сделан очень небрежно, с потерей смысла некоторых стихов, с резкими полонизмами, просвечивающими сквозь украинскую оболочку: напр. рифма «пану́ючій — ко́рмлячій» (panujący — karmiący); кое где вм. рифмы — повторяется конечное слово предыдущего стиха, — что̀, может быть, есть погрешность позднейшего писца.

За приведенными стихами — объяснение, что̀ такое «гороскупусъ»: «на небѣ знайдуется *Гороскупусъ*, часть неба, которая отъ восходу през годину дороги вишшей поступаетъ. Егда же наступует година іншая, іншій же и *гороскупосъ* наступаетъ і от восходу дороги ся подноситъ. Признаетъ то Плѣниушъ мудрецъ; егда бо зостаетъ небо погодное, ясное и веселое, а облакъ межи полночю и полуднемъ покажется, то знакъ певный есть обфитого дожчу для того, же естеству двохъ крайнихъ противностей облакъ приобщается» (л. 40 об.). Далее идет статейка о причине приливов морских — по Аристотелю (л. 41); «описание о затмѣню солнца и мѣсяца» — согласно современным воззрениям. На л. 41 об. — о волненіи воды в сосуде (цебре) под влиянием солнца и нравоучительный вывод из тезиса, что лицо мѣсяца, зрящее на солнце, — полно есть, а на землю — порожно. На ненум. листке в 5 кругах определение возрастов человеческой жизни, а на обор. его — восьмистишие:

«Для того бо вѣки кругло кладутся,
ижъ на кругломъ хутко человѣкъ споткнется.
Хто маеть у себе средніе лѣта,
тотъ можетъ обыйти много свѣта.
Боже старій днями, мѣй взглядъ на старихъ,
старость же от старихъ прійми, якъ малихъ.

Дватцать четыри есть старцовъ на небѣ,[1]
нехай же тамъ старихъ пріймаютъ къ себѣ».

Вероятно, этот листок вклеен не на месте: он относится к статье, помещенной выше. На л. 42 — схематическое изображение затмения месяца, иллюстрирующее выше отмеченную статью, а сбоку такие стихи:

«Егда сонце в подземних бываетъ,
А земній промен м(ѣся)цу заступаетъ,
В тотъ часъ якъ близко м(ѣся)цъ полно ходит,
За слонцемъ земля м(ѣся)цу в томъ не(ш)кодитъ.
М(ѣся)ць тимъ тмится
Же земля зближится.
Бо земля беретъ от обоихъ велѓотность,
От солнца и м(ѣся)ця, а имъ даетъ хмурность».

На об. 42 л. изображен подобный же «Вѣзерунокъ затмѣня солнца» с примечанием: «Феофилактъ, Матфей, зачало 113» и с виршами — с одной стороны:

«Солнцу затмѣна от того бывастъ:
Якъ м(ѣся)ць зближится, тимъ заступаетъ,
Же солнцу промень к землѣ недопускает,
Бо такий ихъ ходъ Богъ имъ расположил,
Солнцу, мѣсяцу в небѣ розне з них жилъ».

С другой стороны рисунка:

«Сонце бо, м(ѣся)ць ходити степенми
І в томъ бивает ближни ходъ меж ними.
Земля от солнца свѣтлости требуетъ,
М(ѣся)ць зближившись то себѣ приймуетъ».

Затем в рукописи идет ряд статей в прозе: «*О дузѣ небесной для чего сотворенна*» (*нач.* «Егда солнечная горячость зберется...»)

[1] На поле: «‹апока›лип.... 4».

л. 43; «*Свидѣтелство о имени планетъ, что оны биша на земли во людехъ*» (*нач.* «О сихъ именахъ кройнѣки свѣдчатъ...», л. 44 об. — 45, мифологические сведения); «*Изъявленіе о седми планетахъ небесныхъ великихъ, которіе рознимы языками названи естъ*» (*нач.*: «По грецкій Кронъ, Диосъ, Ареосъ»... — о месте каждой планеты в системе, л. 45—46 об.); «*О семъ свидѣтелство розніх астрономовъ здѣ положеніе*» (о времени обращения планет по вычислению астрономов, л. 46 об. — 47 об.); «*О небахъ виводъ*» (*нач.*: «Габриель ксензъ Леополита...» — о расстоянии от земли до светил и между ними, л. 48—49); все сведения, здесь излагаемые — устаревшие, до-Коперниковой системы, долго державшиеся в польских календарях.

Из последних, видимо, почерпнуто и следующее стихотворение (л. 49):

«*Богъ о всемъ знаетъ и онъ справляетъ*».

«Всѣ бо небеса Богъ самъ опановалъ,
а синомъ чловѣчимъ тилко землю дал;
Небомъ и слонцемъ, звѣздами правитъ
и землею зъ намы все благо ставить.
Планетъ хожденіе, Богъ ихъ самъ справца,
чинно ходитъ[1] въ небесах округом слонца.
То справуетъ Роди здравіе,
каменя и перла даетъ драгие.
Мѣсячнимъ же кругомъ то намъ справуе,
пжъ человѣкъ растеть, тѣлом красуетъ.
Женамъ м(ѣся)ць ползу въ немощи даетъ,
кровнимъ теченіем болѣзнь въмаляетъ;
Которіи съ природи тимъ внутрь ко‹нчаю›тся,
дѣти во чревѣ жены егда зачинаются».

Сл. 49 об. по 65 об. идет ряд мелких прозаических статеек: «*якъ астрономи рахуютъ день*» (л. 49 об.), «свидѣтелство Всходу

[1] Следует исправить: «ходятъ».

и Заходу солнца — по книге *московской* печати; о великости дня и ночи «вираховане от математика Краковского (рук. «Крикавского») от всходу солнца и заходу» (л. 50); «зъ *московского* переводу лунного теченія зъ Псалтирѣ Слѣдованной» (ibid.); «Зиґаръ всходу а заходу солнца в каждомъ мѣсяцу» на весь год (л. 50 об. — 51 об.).

Как человек своего времени, архим. Онуфрий не был чужд суеверий, особенно когда они традиционно вытекали из литературы прошлого, объединяя и предания славяно-русской старины и новые приобретения — из польских календарей. В его компиляции находим статью о злых днях, озаглавленную «*О злихъ часѣхъ* во всякомъ мѣсяцу» (л. 52); для образца приводим начало её: «Сказаніе и знаменіе проявы Богъ архистратигу Михаилу, людемъ іизраилевымъ, стерегучи ихъ отъ всякаго зла, и указалъ имъ в мѣсяцехъ по три дни зліе, въ нихъ же иж бы ничтоже не починаты дѣлаты и въ дорогу нейти, ни женитись, нѣ сѣяти, ни щепити, ни торговаты, нѣ будовать що, и закладать, а нѣ на якое дѣло строеніе чинить въ сіе дни, ихъ же написани здѣ естъ во всякомъ мѣсяцѣ числа, именно»... После чисел — предсказание, что будет с ослушниками (л. 52 об.): «Ибо хто ся въ сіе днѣ уродится, недолговѣченъ будеть. А хто захорует, тои же съ постелѣ не встанетъ. А горо́дъ осадить сего якого числа, то часто горѣтиметь, албо войны на него будуть. Хату сего числа хто заложить, избудеть еи, то часто въ ней бу́дуть хоровати живущіи и мертимуть въ неи мнозы албо горѣтиметь часто хата оная. Гребля если сего числа якого почнется робыти, то есть займетъ, то часто еи ирватиметь». По своему составу и числам статья в сборн. архим. Онуфрия отличается как от пространных перечней, изданных Тихонравовым и мною,[1] так и от коротенькой статейки, напечатанной І. Франком[2] На л. 53 статья «О сѣвбѣ днѣ добрие»; 53 об. — «Садовину когда щепить»;

---

[1] Памятники отреч. р. лит. II, с. 384; Перетц, Матер. к ист. апокр. и легенды, II, 29, 109—111.

[2] С. Франко, Апокріфи і легенди з укр. рукописів, IV, 102—3.

л. 54 — «Садити же садъ, якую садовину з коренем, то барзе ест у осѣнь садить»...; 54 об. — «древо рубить»...; л. 55 — 57 об. «указаніе что содержитъ рокъ»; л. 57 об. — 58 «о настатью и ущербу мѣсяцей»; л. 58 об. — «о висектѣ изъявленіе от правилъ святихъ оттец, глава 72» (*нач.*). «Высектъ имя, то по Римску есть, а тое в себѣ являетъ двучи шесть»... Л. 59. — «Об'явленіе во всяком числѣ и мѣсяцѣ единаково указано будет сия потребы природніе и дѣлающіе *снивидъніе* и болѣзны, якого числа хто захоруетъ, тутъ покажетъ, выстанет ли или нѣтъ». Это «Лунник», некогда изученный нами [1] по небольшому числу списков, примыкающий по составу к обширной редакции, но снабженный «пересторогами», т. е. предупреждениями. Этому «Луннику» в связи с другими аналогичными текстами следует уделить внимание особо.

На л. 65 об. — 66 читается статья, заканчивающаяся виршами:

«*Объявленіе злихъ планетъ, а хто народится в тие планети*», Водолея, Козерожца, подь Сатурнусомъ, тотъ муситъ умрети смертию ганебною, то естъ безчестною, албо забитем якимъ колвек. А тое сходитъ и до скотинъ всякихъ, такіе жъ смерты, якож и видимо на скотинахъ, же нѣкіе здихаютъ, другие рѣзани бываютъ на покормъ людскій, а инніе звѣріе поядаютъ; тако божіе судби справуютъ розніе смерты и человѣческой природѣ».

«Знаковъ небесныхъ двохъ сих; *Водолея*
и *Козорожца* природи есть злія.
Хто подъ тими знаками вродится,
непохибно есть, же злій вдастся.
Пролитье кровы Водолій знакъ кажетъ,
Козорожецъ смѣлость во злом стяжетъ,
Бо забувает Бога въ сердцу своемъ,
же человѣка тут невинне згубит боемъ,
Тиранско человѣка зъ свѣта отлучитъ,
л. 66 а себѣ за то мукъ вѣчных получит.

[1] Перетц, назв. соч., II.

Сатурнъ планета тоеж въ себѣ маетъ;
хто под нимъ родится, тот злый бывает.
Гордость, немилость всегда въ нем зостаетъ,
бо ко всякому такъ человѣку злѣ стаетъ.
Слова ласкава не мовитъ нѣкому,
анѣ тежъ позрит, нѣ дасть що котрому,
Но всегда въ такомъ лютость пребываетъ,
бо то зъ природи человѣкъ въ себѣ маетъ.
З немилосты тотъ животъ свой злѣ тратитъ,
по учинку его свѣтъ сей зле платитъ.
В ню же мѣру бо мѣритъ, возмѣрится,
за злый учинок ганебне скончится.
Такъ бо злый всякъ зле въ сем свѣтѣ пріймет, [1]
якъ заслужитъ тутъ, въ онъ вѣкъ такъ мзду мает,
же вѣчне пропадает.

С л. 66 об. до л. 89 — снова идут небольшие статейки: «о напрасной смерти — якъ то разсуждать»; слово преп. Александра из Пролога 23 марта; л. 68 — о лунном течении из толков. Ев. Феофилакта, Мф. зач. 113; л. 70 — круг; 70 об. — «изъявленіе, що естъ златое число»; л. 71 — «сказаніе числъ во всякомъ мѣсяцу, когда народится»; 71 об. — «явленіе огороженя мѣсяця що значит» [2] л. 72 и сл. календарные таблицы, «лѣчба епактами»; л. 75 — объяснение таблиц и т. п.; л. 79 — «Наука о руцѣ богословской, якъ долѣчоватися на память о пасхаліи зрячей» и др. аналогичные статьи; л. 83 об. — о праздниках и святых, л. 85 — о постах, л. 86 — 88 таблицы с объяснениями. С л. 88 об. начинается ряд статей о *снах* и их значении, своего рода введение в «Сонник», помещающийся ниже на лл. 109 — 122. В этом отделе сборника читаются такие вирши:

---

1 Для рифмы следует исправить: «пріймаетъ».

2 См. у Тихонравова, Пам. р. отреч. лит. II, 396 и 397 и Перетц, Мат. к ист. апокр. и легенды, I, 60 и след. в интерполированном Громнике.

л. 89 «Не налѣгай свое сердце, чловече,
ибо фляґми тебе много привлече.
На правом боку лежатъ — спятъ здраво,
и вставши будетъ ты тѣло бодраво.
На правомъ боку тщися сонъ твой зачинати,
а на лѣвом потщися нелѣностно встати.
От сна рано двигнися, не буди лѣнывій,
чеши главу, мый руцѣ, дѣлай и буд живый.
Оболкшися лице мый, и уста, и зубы,
здрав будешъ; часто руцѣ мый, не буди грубий.
Зъ откритою главою не ходи на мразѣ,
ни под палящим слонцем, то бо ест ти врази.
Воздухъ свѣтелъ приятенъ да будет чистій,
да не будет поврежденъ, смраденъ и нечистій.

Вслед за этими общими гигиеническими наставлениями — следует специальное (89 об.):

«О полуденномъ сне иже недобре естъ в полдень спати».

«Встань отъ иствы, не буди сонъ ты полуденный,
аще же понуждаетъ, буди сокращенный.
Чтире от полудня сна тебѣ приходятъ:
Фебра, Тяжесть, Главный боль, Катаръ и внутрь шкодитъ.
Узду на коня і удила дано:
з розумомъ радить людем приказано.
Тое бо намъ всѣ святіи подали,
жебъ всегда свою хуть в себѣ стягали.
Хочъ бы хотѣлось, задержатись треба,
если то [1] хочешъ доступити неба,
‹Бог› [2] бо в раи о томъ заповѣдалъ,
воздержаніе мѣты заправовалъ.

---

[1] Может быть следует исправить: «ты»?
[2] Вставка наша, в рукоп. нет.

Воздержаніе корень есть всей цноты,
тилко до неи треба мѣть охоти.
Доброе робыть без доброго Бога,
не вказана естъ чловеку дорога.
Злый налогъ в насъ естъ, з природи пануе,
который то всегда злое нам вказуе.
Идучи на ложко непій напою,
хочешъ ли з брухомъ не дознат ты болю.
Исты, пити мало кажутъ докторѣ,
если хочешъ быть при добром здоров'ѣ.
Потравъ многихъ всякъ и питы заживать [1]
зъ того придетъ ты болѣзній много знат(ь).
Не заживай бо питя назбытъ в трунку,
если, чловече, хочешъ быт(ь) без фрасунку.
Стережись пилно в свѣтѣ всякого зла,
если хочешъ ты збуть мученій тепла. [2]
Сном, питямъ — тим ты отяготишъ душу,
же къ нему тяжко и ты зле тут жившу. [3]
Вѣкъ долгій держитъ мѣра захованна,
роспуста злая болем будет скарана.
Которій чловекъ тутъ роспуста не пріймет,
тот чл(о)в(е)къ вѣчной плати в небѣ пріимет».

Многочисленные полонизмы, местами испорченный смысл — показывают, что арх. Онуфрий неудачно старался передать польские готовые уже вирши; повидимому, этим источником пользовался он и в других случаях, кроме стихотворений «о женской природе» и «о куроглашении», где он близко напоминает своего современника, такого же обывателя-стихотворца, иером. Климентия. Подобно Климентию, он также любознателен. Тот собирает пословицы — Онуфрий выписывает приметы о снах и снабжает

1 Испорченный стих: может быть след. читать «пит'я заживать».
2 След. исправить: «пекла».
3 Искаженный стих.

эту довольно известную календарную гадательную статью обширным комментарием, пользуясь словами Ефрема Сирина, житиями свв., правилами свв. оо. и Лунником. Он в этом отношении не оригинален, следуя обычаю своего времени, создавшего многочисленные сборники — «silvae rerum», в которых довольно отчетливо отразились литературные и житейские интересы составителей, большею частью мелкой шляхты и духовенства. [1]

---

[1] Такие сборники тянутся до самого конца XVIII в. и нач. XIX в. См. Сборник свящ. З. Пиючевского в б. Полт. Епарх. Древнехр. № 183, обследованный С. А. Щегловой, Отчет об экскурсии в Полтаву и Екатеринослав. 1—9 июня 1910 г., с. 21—26.